

Флоринда Доннер.

Сон ведьмы.

Оглавление

Предисловие	2
Примечания автора	2
Часть первая.	3
1.	3
2.	4
3.	6
4.	10
5.	13
6.	15
7.	23
Часть вторая.....	25
8.	25
9.	27
10.	33
Часть третья.	34
11.	34
12.	38
13.	45
Часть четвертая.....	45
14.	45
15.	46
16.	47
17.	48
18.	54
Часть пятая.....	55
19.	55
20.	66
Часть шестая.	66
21.	66
22.	70
23.	77
Часть седьмая.....	78
24.	78
25.	81
26.	88
Часть восьмая.....	89
27.	89
28.	97
Эпилог.....	100

Предисловие.

Труд Флоринды Доннер имеет для меня особое значение. Он, фактически, находится в согласии с моей собственной работой, но в то же время несколько отходит от нее. Флоринда Доннер — мой соратник. Мы оба вовлечены в одно и то же занятие; мы оба принадлежим миру дона Хуана Матуса. Отличие происходит из-за того, что она женщина. В мире дона Хуана мужчины и женщины идут в одном направлении, одним и тем же путем воина, но по противоположным краям дороги. Поэтому взгляды на одни и те же явления получены с этих двух позиций и разнятся в деталях, но не в целом.

Такая близость к Флоринде Доннер при любых других обстоятельствах могла бы неизбежно породить скорее чувство верности, чем безжалостной проверки. Но по предпосылкам пути воина, которому мы оба следуем, верность выражается только в требовании чего-то лучшего для себя. Для нас лучшее означает полную проверку всего того, что мы делаем.

Следуя учению дона Хуана, я предпринял безжалостную проверку работы Флоринды Доннер. И нашел, что для меня здесь имеется три различных уровня, три четкие сферы ее оценки.

Во-первых — это богатые подробности ее описания и повествования.

По-моему, эти детали этнографичны. Мелочи повседневной жизни, заурядные для культурного окружения описанных персонажей, представляют собой нечто совершенно нам неизвестное.

Во-вторых — все сделано очень изящно. Я рискну сказать, что этнограф должен быть еще и писателем. Для того, чтобы ввести нас в этнографическое описание мира, этнограф должен быть более чем ученым-обществоведом, он должен быть художником.

Третьим является честность, простота и прямолинейность работы. И здесь я, без сомнения, очень требователен. Флоринда Доннер и я сформированы одними и теми же силами; поэтому ее труд подчинен общей модели устремления к совершенству. Дон Хуан учил, что наш труд должен быть полным отражением нашей жизни.

Я не в силах выразить чувство восхищения и уважения воина к Флоринде Доннер, той, кто в одиночестве, имея мизерный шанс, сохранила свое душевное равновесие и осталась верным последователем пути воина и учения дона Хуана.

Карлос Кастанеда.

Примечания автора.

В предиспанские времена штат Миранда на северо-востоке Венесуэлы был населен индейскими племенами карибов и кинарикетов. В колониальную эпоху здесь появились две другие расовые и культурные группы: испанские колонизаторы и африканские рабы, которых испанцы принуждали работать на своих плантациях и рудниках.

Потомки индейцев, испанцев и африканцев образовали смешанное население, которое в настоящее время населяет мелкие деревушки, селения и города, разбросанные в прибрежной и материковой зоне.

Некоторые города штата Миранда известны своими травниками и знахарями, многие из которых были спиритами, медиумами и магами.

В середине семидесятых годов я приехала в Миранду. Будучи в то время студентом-антропологом и интересуясь знахарством, я работала с женщиной-знахаркой. Учитывая ее просьбу остаться неизвестной, я назову ее Мерседес Перальтой, а ее город — Курминой.

С разрешения знахарки, так четко и точно, как только могла, я записывала в свой полевой блокнот все, что касалось моих отношений с ней, начиная с момента моего прихода в ее дом. Мною записаны несколько историй, рассказанных некоторыми из ее пациентов. Поэтому настоящая работа состоит из частей моего полевого блокнота и рассказов этих пациентов, причем материал подбирала лично Мерседес Перальта. Части, взятые из дневника, написаны от первого лица. Рассказы пациентов приведены в третьем лице.

Единственной вольностью в обращении с материалом является изменение имен и личных дат персонажей рассказов.

Часть первая.

1.

Все началось для меня с трансцендентального события; события, которое определило ход моей жизни. Я встретила с нагвалем. Он был индейцем из Северной Мексики.

Словарь испанской королевской академии определяет термин "нагваль", как испанскую адаптацию слова "нахуталь", которое означает колдуна или мага на языке аборигенов Южной Мексики.

До сих пор в современной Мексике существуют традиционные истории о нагвале, человеке древних времен, обладающие необычайными силами, способном выполнять действия, которые не поддаются воображению. Однако, в настоящее время и в городе, и на селе, нагваль считается чистой легендой.

Впечатление такое, что они живут в народных сказаниях, в мире фантазии и слухов.

Тем не менее, нагваль, которого я встретила, был реальным. В нем не было ничего иллюзорного. Когда я спросила его о хорошо известной уникальности, которая делала его нагвалем, он предъявил по видимости простую, и все же совершенно сложную идею, в стиле объяснения того, что он делал, и того, кем он был. Он рассказал мне, что нагвальство начинается с двух несомненных фактов: факта того, что люди являются необычными существами, живущими в необычном мире; и факта того, что ни при каких обстоятельствах ни человек, ни мир не могут считаться доказанными и определенными.

Он сказал, что из этих простых предпосылок вырастает простой вывод: нагвальство срывает одну маску и немедленно надевает другую. Нагвали срывают маску, которая позволяет нам видеть себя и мир, в котором мы живем, как нечто обычное, непритворное, предсказуемое и повторяющееся; они надевают вторую маску, ту, которая поможет нам увидеть себя — и наше окружение — как потрясающие события, которые расцветают только на краткий миг и никогда не будут повторены вновь.

После встречи с этим незабываемым нагвалем у меня был момент нерешительности и колебаний, исключительно благодаря страху, который я почувствовала при пересмотре подобного впечатляющего примера. Я хотела убежать от нагваля и его предметов поиска, но не смогла сделать это.

Немного позже я сделала решительный шаг и присоединилась к нему и его партии.

Но это не рассказ о нагвале, хотя его идеями и влиянием отмечено все, что я делала. Не мое дело писать или даже упоминать о нем. Есть другие в его группе, кто делает это.

Когда я присоединилась к нему, он устроил мне в Мексике встречу с необычайной и поразительной женщиной — возможно, она была самой осведомленной и влиятельной женщиной в его группе. Ее звали Флоринда Матус. Несмотря на ее одежду скучно-однообразного цвета, она имела врожденное изящество высокой и тонкой женщины. Ее немного бледное лицо, худощавое и строгое, было увенчано косой светлых волос и привлекало большими светящимися глазами. Ее хриплый голос и радостный смех успокоили мой необоснованный страх перед ней.

Нагваль оставил меня на ее попечение. Я сразу же спросила Флоринду, была ли она сама тоже нагвалем. Как-то загадочно улыбаясь, она уточнила определение этого слова: "Быть колдуном, магом или ведьмой не означает быть нагвалем. Но любой из них может стать им, если он или она примут ответственность и поведут группу мужчин или женщин, вовлеченных в определенный поиск знаний".

Когда я спросила ее, что представляет собой этот поиск, она ответила, что этим мужчинам или женщинам надо найти вторую маску, которая помогла бы им увидеть себя и мир такими, какими мы действительно являемся — потрясающими событиями.

Но здесь не будет рассказа о Флоринде, несмотря на то, что эта женщина наставляла меня в каждом действии, которое я выполняла. Это скорее рассказ об одной из многих вещей, которые она заставила меня делать.

— Для женщины поиск знания в самом деле очень любопытная вещь, — сказала мне однажды Флоринда, — мы проходим здесь через странную уловку.

— Почему это так, Флоринда?

— Потому что женщина в действительности этого не хотят.

— Я хочу.

- Ты говоришь, что хочешь. В действительности ты не хочешь этого.
- Я здесь, с тобой. Разве это не говорит о моем желании?
- Нет. Случилось так, что ты понравилась нагвалю. Его индивидуальность одолела тебя. Я сама такая же. Я была ошеломлена предшествующим нагвалем. Он был самым неотразимым магом.
- Я допускаю, что ты права, но лишь отчасти. Я хочу участвовать в поиске нагваля.
- Я не сомневаюсь в этом. Но этого недостаточно. Женщинам необходимы некоторые особенные уловки, чтобы добраться до сути самих себя.
- Какие уловки? О какой сути самой себя ты говоришь, Флоринда?
- Если внутри вас есть что-то, о чем вы не знаете, например, скрытые резервы, неожиданная наглость и коварство, или благородство души в минуты горя и боли, это должно выйти, когда мы сталкиваемся с неизвестным, оставаясь одинокими, без друзей, без привычных групп, без поддержки. Если при таких обстоятельствах из вас ничего не вышло, значит, у вас ничего и нет. И прежде, чем сказать, что ты действительно жаждешь поисков нагваля, определи для себя, имеется ли что-нибудь внутри тебя. Я требую, чтобы ты сделала это.
- Я не думаю, что получу какую-то пользу, проверяя себя.
- Тогда вот мой вопрос: можешь ли ты жить без знания того, имеется или нет что-либо скрытое внутри тебя?
- Но что, если я одна из тех, у кого ничего нет?
- Если это так, тогда я задам тебе свой второй вопрос. Можешь ли ты продолжать жить в мире, избранном тобой, если ты не имеешь ничего внутри себя?
- Почему же, конечно, я могу продолжать быть здесь. Я уже присоединилась к тебе.
- Нет, ты только думаешь, что избрала мой мир. Избрание мира нагваля — это не просто тема для разговора, как у тебя. Ты должна доказать это.
- Как, по-твоему, я могу это сделать?
- Я дам тебе намек. Ты не последуешь ему, но если все же захочешь, поезжай одна туда, где ты родилась. Ничто не может быть лучше и легче, чем это. Иди и возьми свой шанс, каким бы он ни был.
- Но твой совет непрактичен. У меня нет добрых чувств к этому месту.
- Я не смогу оставаться там в хорошем состоянии.
- Тем лучше; шансы будут против тебя. Именно поэтому я и выбрала твою родину. Женщине не нравится быть слишком обеспокоенной; если она заботится о вещах, она связана. Докажи мне, что ты не поступишь таким образом.
- Посоветуй мне, что я должна делать в этом месте?
- Будь собой. Делай свою работу. Ты говорила, что ты хочешь стать антропологом. Будь им. Что может быть проще?

2.

Несколько лет спустя, следуя советам Флоринды, я наконец вернулась в Венесуэлу — туда, где родилась. На первый взгляд я собирала антропологические данные о знахарской практике. В действительности я исполняла здесь, по наставлению Флоринды, необходимые уловки, чтобы обнаружить, обладаю ли я скрытыми резервами, без которых невозможно оставаться в мире нагваля.

Согласие на то, что моя поездка будет предприниматься в одиночестве, было вытянуто из меня почти силой. Строго и решительно Флоринда заметила, что ни при каких обстоятельствах я не должна советоваться с кем-либо во время поездки. Зная, что я учусь в колледже, она порекомендовала мне не пользоваться привилегиями академической жизни. Я не могла просить о стипендии, имея научного руководителя, не могла даже просить помощи у родных и близких. Я должна была позволить обстоятельствам диктовать путь следования, и приняв только его, я бросилась в это с неистовством женщины на пути нагваля.

Я договорилась поехать в Венесуэлу с неофициальным визитом. Мне можно было видеться с родственниками. Я думала и собирала сведения о любой возможности для будущего исследования в культурной антропологии. Флоринда хвалила меня за быстроту и тщательность, хотя мне кажется, она забавлялась со мной. Хвалить меня было не за что. Я напомнила ей, что меня волнует отсутствие ее инструкций. Снова и снова я просила ее более детально раскрыть

мою роль в Венесуэле. Чем ближе подходила дата моего отъезда, тем больше я беспокоилась об исходе всего этого. Я настаивала, правда, не в очень ясных выражениях, на необходимости более определенных инструкций.

Мы сидели в плетеных креслах, удобно подбитых мягкими подушками, в тени фруктовых деревьев, растущих в ее огромном дворе. В своем длинном кисейном платье, в своей широкополой шляпке, обмахиваясь разрисованным веером, она выглядела человеком другой эпохи.

— Забудь об определенной информации, — сказала она нетерпеливо, — она не принесет тебе никакой пользы.

— Она обязательно даст мне массу полезного, — настаивала я, — я действительно не понимаю, почему ты не сделаешь этого для меня, Флоринда.

— Вيني в этом тот факт, что я нахожусь в мире нагваля; тот факт, что я женщина, и что я принадлежу другому настроению.

— Настроению? Что ты подразумеваешь под настроением?

Она посмотрела на меня далеким беспристрастным взглядом.

— Хотела бы я, чтобы ты слышала свои слова. Какое настроение? — передразнила она меня. Ее лицо выразило презрение, — видишь ли, аккуратная расстановка мыслей и дел не для меня. Для меня порядок отличается от аккуратной расстановки вещей. Я не проклинаю глупость и не имею терпение.

Это является настроением.

— Это звучит ужасно, Флоринда. Я была уверена, что в мире нагваля люди стоят выше мелочности и не ведут себя нетерпеливо.

— Быть в мире нагваля значит ничего не делать со своим настроением, — сказала она, сделав смешной, безнадежный жест, — ты же видишь, я безупречно нетерпима.

— Мне действительно хочется знать, что означает быть безупречно нетерпимой.

— Это означает, например, что я полностью сознаю, как ты надоела мне со своей глупой настойчивостью, выпрашивая подробные инструкции. Моя нетерпимость говорит мне, что я должна остановить тебя. Но моя безупречность заключается в том, чтобы заставить тебя замолчать немедленно.

Все это выльется в следующее, — продолжала она, — если ты, несмотря на мое предупреждение, будешь упорствовать в просьбе о подробностях, что вызвано только твоей дурной привычкой иметь все разжеванным, я ударю тебя, чтобы ты остановилась. Но я никогда не буду сердита или обижена на тебя.

Несмотря на ее серьезный тон, я засмеялась.

— Ты действительно будешь меня бить, Флоринда? Хорошо, лупи меня, если тебе это нужно, — добавила я, рассматривая ее решительное лицо, — но мне надо знать, что я буду делать в Венесуэле. Я схожу с ума от волнения.

— Все верно! Если ты настаиваешь на знании деталей, которые я считаю важными, я расскажу тебе. Я надеюсь, ты понимаешь, что мы разделены бездной, и через эту бездну нельзя перебросить мост с помощью болтовни.

Мужчины могут строить мосты из своих слов, а женщины не могут. Сейчас ты подражаешь мужчинам. Женщины делают мост из своих поступков. Ты знаешь, что мы даем рождение. Мы создаем людей. Я настаиваю на твоём отъезде для того, чтобы ты в одиночестве определила, что является твоими сильными сторонами, а что — слабостями.

— Я понимаю, о чем ты говоришь, Флоринда, но прими во внимание мое положение.

Флоринда смягчилась, отбросив резкий ответ, уже готовый сорваться с ее губ.

— Все верно, все верно, — сказала она устало, жестом приказав мне поставить свой стул рядом с ней, — я дам тебе подробные детали того, что я считаю важным для твоей поездки. К счастью для тебя, это не будет подробной инструкцией, за которой ты гоняешься. Ты хочешь, чтобы я точно расписала тебе, что делать в будущей ситуации и когда это делать. То, о чем ты просишь, совершенно глупо. Как я могу дать тебе инструкции о том, чего еще не существует? Лучше я дам тебе взамен инструкции, как привести в порядок свои мысли, чувства и реакции. Используя их, ты справишься с любой возможностью, которая может представиться.

— Ты это серьезно, Флоринда? — спросила я недоверчиво.

— Я смертельно серьезна, — уверила она меня. Наклоняясь вперед на своем стуле, она продолжала говорить, сопровождая все улыбкой и смехом, — первым подробным пунктом считается проведение инвентаризации самой себя.

Видишь ли, в мире нагваля мы должны отвечать за свои поступки.

Она начала напоминать мне то, что знала о пути воина. За то время, что я была с ней, говорила она, я прошла обширную практику в тяжелой психологии мира нагваля. Поэтому любые детальные инструкции, которые она могла мне сейчас преподнести, фактически были подробным напоминанием о пути воина.

— На пути воина женщина не чувствует себя важной, — продолжала она, словно декламируя что-то заученное наизусть, — так как важность смягчает неистовство. На пути воина женщины свирепы. Они остаются неистово беспристрастными при любых условиях. Они не требуют ничего, но готовы дать себе все, что угодно. Они неистово ищут сигнал из души вещей в виде доброго слова, уместного жеста; и когда они находят его, то выражают свою благодарность, удваивая свое неистовство.

На пути воина женщины не рассуждают. Они неистово ступают для того, чтобы слушать и наблюдать, поэтому они могут покорять и быть покорными своим победителям, или быть побежденными возвеличены поражением.

На пути воина женщины не сдаются. Они могут быть побеждены тысячи раз, но они никогда не сдаются. И превыше всего, на пути воина женщины свободны.

Не смея перебивать ее, я продолжала очарованно смотреть на Флоринду, хотя и не совсем понимала то, о чем она говорит. Я почувствовала острое отчаяние, когда она остановилась, будто ей нечего было больше мне сказать.

Совершенно не желая того, я бесконтрольно расплакалась. Я знала, что то, о чем она говорит, не поможет мне решить свои проблемы.

Она позволила мне поплакать немного, а затем рассмеялась.

— Ты на самом деле плачешь! — недоверчиво воскликнула она.

— Ты самая бессердечная и бесчувственная из всех, кого я встречала, — сказала я сквозь рыдания, — ты готова отправить меня бог знает куда, и даже не говоришь, что мне там делать.

— Но я уже сделала это, — сказала она, спокойно улыбаясь.

— То, что ты сказала, не имеет значения в реальной жизненной ситуации, — сердито возразила я, — а сама ты выглядишь, как диктатор, который выкрикивает с трибуны лозунги.

Флоринда весело смотрела на меня.

— Ты будешь удивлена, как много пользы можно извлечь из этих глупых лозунгов, — сказала она, — но сейчас давай придем к соглашению. Я никуда не гоню тебя. Ты женщина на пути воина, ты вольна делать все, что пожелаешь, и ты знаешь это. Ты еще не поняла, что мир нагваля повсюду. Я не учитель для тебя; я не наставник для тебя; я за тебя не отвечаю. Только ты за себя в ответе. Самой трудной вещью, которую следует понять о мире нагваля, является то, что он предлагает полную свободу. Но свобода не освобождает.

Я взяла тебя под свое крылышко из-за того, что у тебя есть естественная способность видеть все так, как оно есть, ты можешь убрать себя из ситуации и увидеть в этом нечто удивительное. Это дар; ты была рождена такой. Для обычных людей требуются годы, чтобы убрать себя из своих затруднений с самим собой и обрести способность видеть в этом нечто удивительное.

Не считаясь с ее похвалой, я продолжала беспокоиться. В конце концов она успокоила меня, пообещав, что перед моим отъездом даст мне подробную информацию, какую я только пожелаю.

Я ждала ее в зале ожидания аэропорта, но Флоринда не пришла.

Удрученная и переполненная жалостью к себе, я дала волю своему отчаянию и разочарованию. Под любопытными взорами прохожих я села и заплакала. Я не чувствовала себя такой одинокой никогда раньше. Все, о чем я могла думать тогда, так это только о том, что никто не пришел проводить меня, никто не помог мне нести мои чемоданы. Я всегда пользовалась услугами родственников и друзей, провожавших меня.

Флоринда предупреждала меня, что любой, кто выбрал мир нагваля, должен быть готов к неистовому одиночеству. Она ясно выразилась, что для нее одиночество означает не уединенность, а физическое состояние уединенности.

3.

Я никогда себе не представляла, какой защищенной была моя жизнь. В комнате отеля в Каркасе, одна и без каких-нибудь идей о том, что делать, я только сейчас испытала одиночество, о котором говорила Флоринда.

Единственное, что я могла еще делать — это сидеть в кровати и смотреть телевизор. Я не желала касаться своих чемоданов и даже подумывала улететь обратно в Лос-Анджелес. Моих родителей в это время в Венесуэле не было, а с братьями я не смогла созвониться.

Только после огромного усилия я начала распаковывать свои вещи. И вдруг нашла записку, написанную Флориндой; она была аккуратно спрятана внутри пары сложенных брюк. Я жадно прочла ее.

"Не беспокойся о мелочах. Если имеешь убеждение, то мелочи склонны подчиняться обстоятельствам. Твоим планом может быть следующее. Выбери что-нибудь и назови это началом. Затем иди и стань лицом к началу. Встав лицом к лицу с началом, позволь ему сделать с тобой все, что угодно. Я надеюсь, что твои убеждения не позволят тебе выбрать начало с причудами.

Смотри на вещи реально и скромно. Начни это сейчас!

Для начала можешь делать все, что хочешь".

Обретя решительность Флоринды, я взяла телефон и набрала номер моей старой подруги. У меня не было уверенности, что она еще живет в Каркасе.

Вежливая дама, ответившая мне, дала несколько других номеров, так как моя знакомая недолго жила по этому адресу. Я начала звонить всем, кого знала, мне нельзя было останавливаться. Начало овладело мной. В конце концов я нашла супружескую пару, которую знала с детства. Это были друзья моих родителей. Они захотели увидеть меня немедленно. Собираясь на свадьбу, они настояли на том, чтобы я присоединилась к ним. Они уверяли меня, что все будет хорошо.

На свадьбе я встретила бывшего священника-иезуита, который был антропологом-любителем. Мы проговорили с ним много часов подряд. Я рассказала ему о своем интересе к антропологическим изысканиям. Как будто ожидая от меня этого, он начал излагать спорные мнения о народных целителях, раскрывая социальную роль, которую они играли в своем окружении.

Я не упоминала целителей или целительство вообще, как возможное направление моих изысканий, хотя они и стояли для меня на первом плане.

Вместо чувства радости, что он, казалось бы, следует моим сокровенным желаниям, я начала опасаться, что стою на грани срыва. Когда же он сказал, что мне не следует посещать городок Сортес, хотя его и принято считать центром спиритизма в западной Венесуэле, я почувствовала, что он мне надоел до чертиков. Он, казалось, предвосхищал каждый мой шаг. Это был именно тот городок, куда я собиралась съездить, если не случится чего-нибудь еще.

Я вполне оправдала себя и уже собиралась покинуть священника, когда он довольно крикливым тоном сказал, что мне нужно серьезно подумать о поездке в Курмину, в северную Венесуэлу, где я могла бы найти феноменальную удачу, так как город был новым и истинным центром спиритизма и знахарства.

— Я не понимаю, как и откуда, но я знаю, что ты до смерти хочешь встретиться с ведьмами Курмины, — сказал он сухим деловым тоном.

Он взял кусок бумаги и начертил карту области. Затем отметил точные расстояния в километрах от Каркаса до разных мест, где, как он говорил, жили спириты, маги, ведьмы и знахари. Он уделил особое внимание имени Мерседес Перальты. Совершенно бессознательно он выделил его, сначала окружив его, а затем начертив вокруг него жирной линией квадрат.

— Она спиритуалистка, ведьма и знахарка, — сказал он, улыбаясь мне, — ты, наверное, захочешь повидать ее?

Я знала, о ком он говорит. Под руководством Флоринды я встречалась и сотрудничала со спиритами, магами, ведьмами и знахарями Северной Мексики и среди латинского населения южной калифорнии. С самого начала Флоринда дала мне их классификацию. Спириты являются практиками, которые умоляют души святых или чертей заступиться за них, а в некоторых случаях — за их пациентов. Их функция заключается в том, чтобы войти в контакт с духами и истолковать их советы. Советы даются посредством встреч, на которые вызывают духов. Маги и ведьмы являются практиками, которые влияют на своих пациентов непосредственно. С помощью знания оккультных наук они прикладывают неизвестные и непредсказуемые элементы к двум типам людей, которые приходят посмотреть на них. Это пациенты, ищущие помощи, и клиенты, жаждущие взглянуть на магические дела. Целители являются практиками, которые стремятся исключительно к восстановлению здоровья и благополучия.

Флоринда подстраховалась, она включила в эту классификацию все возможные классификации этих трех.

В шутильной форме, но со всей серьезностью, она утверждала, что в вопросе восстановления здоровья я предрасположена верить, что не западные методы менее эффективны, чем медицина запада. Она пояснила, что я ошибаюсь, не понимая, что лечение зависит от практикующего лечение, а не от знания тела. Она утверждала, что не западных методов лечения, как отдельной вещи, нет, поскольку лечение, в отличие от медицины, не является оформленной дисциплиной. Флоринда шутила надо мной, высмеивая мой предрассудок верить в то, что если пациент вылечился с помощью лекарственных растений, массажа или магических заклинаний, то либо болезнь была психосоматической, либо лечение было результатом везения, счастливой случайности, к которой сам практик не имеет никакого отношения.

Флоринда была убеждена, что человек, который удачно восстанавливает здоровье, будь он доктор или народный целитель, является тем, кто может изменять фундаментальные ощущения тела о себе и своих связях с миром — то есть тот, кто предоставляет свой ум и тело новым возможностям, при помощи которых могут быть сломаны привычные формы шаблонов, которым тело и ум приучены подчиняться.

Флоринда долго смеялась, когда я выразила искреннее удивление, выслушав подобные мысли, бывшие в то время для меня революционными. Она сказала мне, что все, о чем она говорит, происходит от знания, которое она делит со своими спутниками в мире нагвалы.

Следуя инструкциям, данным Флориндой в записке, я позволила ситуации вести меня; я дала ей развиться с минимальным вмешательством с моей стороны. Я чувствовала, что должна переехать в Курмину и увидеть женщину, о которой говорил бывший священник-иезуит.

Когда я впервые приехала в дом Мерседес Перальты, мне пришлось немного подождать в затемненном коридоре, прежде чем я услышала голос, звавший меня из-за портьера, служившей дверью. Я поднялась по двум ступенькам, ведущим в большую, слабо освещенную комнату, где чувствовался запах сигар и нашатыря. Несколько свечей, горевших на массивном алтаре у дальней стены, освещали статуэтки и картины святых, расставленные вокруг облаченной в голубую мантию девы из Коромото. Это была прекрасно вырезанная статуя с красными смеющимися губами, румяными щеками и глазами, которые, казалось, пристально смотрели на меня снисходительным и всепрощающим взглядом.

Я чуть-чуть прошла. В углу, почти скрытая между алтарем и высоким прямоугольным столом, сидела Мерседес Перальта. Она казалась спящей, ее голова откинулась на спинку стула, глаза были закрыты. Она выглядела очень старой. Я никогда не видела такого лица. Даже в своей спокойной неподвижности оно выдавало пугающую силу. Отблеск свечей скорее смягчал, чем подчеркивал решительность, отпечатанную в сети морщин.

Она медленно открыла глаза — они были огромными, миндальной формы.

Белки ее глаз незаметно меняли свой цвет. Сначала ее глаза были почти пустыми, затем они ожили и пристально посмотрели на меня с тревожной прямоотой ребенка. Прошло несколько секунд и постепенно под ее пристальным взглядом, который не был ни враждебным, ни дружелюбным, я начала чувствовать себя неудобно.

— Добрый день, донья Мерседес, — приветствовала я ее прежде, чем окончательно потерять всю свою храбрость и убежать из дома, — мое имя Флоринда Доннер, и я буду очень прямолинейной, чтобы не занимать твое ценное время.

Она несколько раз мигнула, подстраивая свои глаза, чтобы продолжать смотреть на меня.

— Я приехала в Венесуэлу изучать методы лечения, — продолжала я, приобретая уверенность, — я учусь в университете в соединенных штатах, но мне по-настоящему нравится быть знахаркой. Я могу платить тебе, если ты примешь меня, как ученицу. Но даже если ты не примешь меня в ученицы, я могу заплатить тебе за любую информацию, которую ты мне сможешь дать.

Старая женщина не сказала ни слова. Она жестом пригласила меня сесть на табурет, затем поднялась и посмотрела на металлический предмет, лежавший на столе. На ее лице было комическое выражение, когда она вновь посмотрела на меня.

— Что это за аппарат? — спросила я отважно.

— Это морской компас, — небрежно сказала она, — он говорит мне всякого рода вещи.

Она подняла его и положила на самую верхнюю полку стеклянного буфета, который стоял у противоположной стены. По-видимому, ее осенила забавная мысль и она начала смеяться.

— Да, я дам тебе любого рода информацию о знахарстве, но не потому, что ты просишь меня об этом, а потому, что тебе повезло. Я уже знаю это наверняка. Чего я не знаю, так это сильна ли ты.

Старая женщина на миг замолчала, а затем вновь заговорила громким шепотом, совершенно не глядя на меня; ее внимание привлекло что-то, находящееся внутри стеклянного буфета.

— Удача и сила — вот все, на что можно полагаться, — сказала она, — я поняла, что ты везучая, той ночью, когда видела тебя на площади, ты еще смотрела на меня.

— Я не знаю, о чем ты говоришь, — сказала я.

Мерседес Перальта повернулась лицом ко мне и вдруг захохотала так странно, что я определенно начала думать о ее безумии. Она раскрыла свой рот так широко, что я увидела несколько коренных зубов, которые у нее еще остались. Затем она резко остановилась, села на свой стул и начала настаивать на том, что видела меня ровно две недели назад поздно ночью на рыночной площади. Она объяснила мне, что была с другом, который вез ее домой из прибрежного поселка со спиритического сеанса. Хотя ее друг и был озадачен, увидев меня одну поздно ночью, она сама ничуть не удивилась.

— Ты мгновенно напомнила мне кое-кого, — сказала она, — это было после полуночи. Ты улыбалась мне.

Я не могла припомнить то, о чем она говорила или то, что я была одна на площади в столь поздний час. Но это могло быть; она видела меня в ту ночь, когда я приехала из Каркаса. Я напрасно ожидала целую неделю, что кончится дождь, и в конце концов рискнула выехать из Каркаса в Курмину.

Мне было прекрасно известно, что здесь бывают частые оползни, так что вместо обычных двух часов пути поездка заняла все четыре. В то время, когда я приехала, весь город спал, я же занялась поисками общежития вблизи от рыночной площади, которое мне порекомендовал бывший священник.

Она поразила меня своим упорством в том, что якобы знала, что я приехала ради нее, с целью увидеться с ней. Тогда я рассказала ей о бывшем священнике, и о том, что он говорил мне на свадьбе в Каркасе.

— Он прямо-таки настаивал, чтобы я повидалась с тобой, — сказала я, — он говорил, что твоими предками были маги и знахари, знаменитые в колониальные времена, и что они даже преследовались святой инквизицией.

Проблеск удивления мелькнул в ее глазах.

— Ты знаешь, что в те дни обвиненных ведьм пытались отправить из Картагена в Колумбию? — спросила она и тут же продолжала: — Венесуэла не была такой важной страной, чтобы иметь свой инквизиторский трибунал, — она сделала паузу и, глядя мне прямо в глаза, спросила: — где ты первоначально планировала изучать знахарские методы?

— В штате Яраку, — неопределенно сказала я.

— Сортес? — спросила она, — Мария Лионза?

Я кивнула головой. Сортес был тем городом, где сосредоточился культ Марии Лионзы. Говорили, что рожденная от индейской принцессы и испанского конкистадора, Мария Лионза имела сверхъестественные силы. Сегодня в Венесуэле ее почитают тысячи людей, как самую святую и чудесную женщину.

— Но я приняла совет бывшего священника и приехала в Курмину, — сказала я, — потом переговорила с двумя знахарками, и обе они сошлись на том, что ты самая знающая, и только ты можешь объяснить мне тайны знахарства.

Я рассказала ей о методах, которым хотела следовать при обучении: я хотела непосредственно наблюдать и участвовать в каких-либо знахарских сессиях, при этом, по возможности, записывая их на магнитофон, и, что важнее всего, беседовать с пациентами, за которыми наблюдала.

Старая женщина кивала мне, время от времени хихикая. К моему величайшему удивлению, она полностью согласилась на предложенные мной условия. Она с гордостью сообщила мне, что несколько лет тому назад с ней беседовал психолог Каркасского университета, который даже прогостил в ее доме целую неделю.

— Думаю, что тебе будет выгодней переехать сюда и жить со мной, — предложила она, — комнат в этом доме достаточно.

Я приняла ее приглашение, но сказала, что рассчитываю остаться здесь по крайней мере на полгода. Она была невозмутима. По ее словам, я могла оставаться с ней годы.

— Я рада тебе, Музия, — прибавила она мягко.

Я улыбнулась. Хотя я родилась и выросла в Венесуэле, всю жизнь меня называли Музия. Это обычно пренебрежительный термин, но в зависимости от тона, в котором он произносится, его можно понимать, как ласковое выражение, относящееся к любому, кто является белокурым и голубоглазым.

4.

Напуганная слабым шорохом юбки, прошелестевшей позади меня, я раскрыла свои глаза и уставилась на свечу, горящую на алтаре в полутьме комнаты. Пламя мигнуло и испустило тонкую черную нить дыма. На стене выступила тень женщины с палкой в руке. Тень, казалось, была окружена частоколом мужских и женских голов, которые с закрытыми глазами сидели рядом со мной на старых деревянных стульях, расставленных по кругу. Я едва смогла подавить нервное хихиканье, поняв, что это Мерседес Перальта, которая вкладывает в рот каждого из нас большие самодельные сигары. Затем, сняв с алтаря свечу, она дала каждому прикурить от нее, и, наконец, переставила свой стул в центр круга. Глубоким монотонным голосом она начала петь непонятные, часто повторяющиеся заклинания.

Сдержав приступ кашля, я попыталась синхронизировать мое курение с быстрыми затяжками людей вокруг меня. Сквозь проступившие слезы я следила за их серьезными, окаменевшими лицами, которые с каждой затяжкой становились все живее и живее, пока не начали казаться растворяющимися в сгустившемся дыме. Подобно бестелесному объекту, рука Мерседес Перальты материализовалась из этого паробразного тумана. Щелкнув пальцами, она несколько раз начертила в воздухе воображаемые линии, соединяющие четыре главные точки (стороны света).

Подражая другим, я начала раскачивать свою голову вперед и назад в ритме со щелчками ее пальцев и ее низкоголосых заклинаний. Игнорируя растущую тошноту, я заставила себя держать глаза так, чтобы не фокусироваться на отдельных деталях того, что происходило вокруг меня. Это было первый раз, когда мне разрешили присутствовать на встрече спиритов.

Донья Мерседес служила медиумом и связным духов.

Ее собственное определение спиритов мало чем отличалось от объяснения Флоринды, за исключением того, что она признавала еще один независимый класс: медиумов. Она определяла медиумов, как проводящих посредников, служащих каналом, с помощью которого духи выражают себя. Она пояснила, что медиумы независимы потому, что они не принадлежат ни к одной из трех категорий. Но они могли быть всеми четырьмя категориями в одном.

— В комнате находится сила, которая мешает мне, — внезапно прервал заклинания донья Мерседес мужской голос.

Тление сигар наполнило дымный мрак глазами обвиняемых, резко оборвалось групповое бормотание.

— Я вижу ее, — сказала она, вскакивая со своего стула. Она переходила от человека к человеку, делая на мгновение паузу около каждого.

Я вскрикнула от боли, когда почувствовала нечто, резко уколотившее мое плечо.

— Иди за мной, — шепнула она мне на ухо, — ты не в трансе.

Боясь, что я буду сопротивляться, она твердо взяла меня за руку и отвела к портьеру, которая служила дверью.

— Но ты сама просила меня прийти, — сказала я ей прежде, чем она вытолкнула меня из комнаты, — я никому не помешаю, если тихо посижу в углу.

— Ты помешаешь духам, — прошептала она и бесшумно задернула занавес.

Я пошла на кухню в заднюю часть дома, где обычно работала по ночам, диктуя на магнитофон и komponуя свои понемногу растущие полевые заметки. Я начала записывать все то, что произошло на встрече. Попытка вспомнить все детали события или все слова беседы всегда была лучшей мерой борьбы с одиночеством, которое постоянно накатывало на меня.

Я работала до тех пор, пока не почувствовала себя сонной, мои глаза устали — света явно не хватало. Я собрала магнитофонные ленты и бумаги и пошла в свою комнату, расположенную в другом конце дома. На миг я остановилась на внутреннем патио. Мое внимание привлекли переменчивые пятна лунного света. Слабый ветерок будоражил ветви виноградных лоз, их зубчатые тени рисовали живописные кружевные узоры на кирпичной кладке внутреннего двора.

Прежде, чем увидеть женщину, я почувствовала ее присутствие. Она сидела на земле, почти скрытая большими терракотовыми горшками, раскиданными по всему патио. Пушистая копна волос венчала ее голову белым нимбом, но ее темное лицо оставалось неясным и смешанным с тенями вокруг нее.

Я никогда раньше не видела ее в доме. Мой первоначальный испуг рассеялся, когда я подумала, что это наверняка одна из подруг доньи Мерседес, а, возможно, и ее пациентка, или даже родственница Канделярии, которая ожидает ее возвращения со спиритического сеанса.

— Простите меня, — сказала я, — я здесь новенькая. Я работаю с доньей Мерседес.

Женщина кивнула мне. Казалось, она знала, о чем я говорю. Но она не проронила ни слова. Одержимая необъяснимой тревогой, я попыталась справиться с истерическим испугом. Я заставила себя повторять, что нет причин для паники в том, что старая женщина сидела на корточках в патио.

— Вы здесь на сеансе? — спросила я неуверенным голосом.

Женщина утвердительно кивнула головой.

— Я тоже была там, — сказала я, — но донья Мерседес прогнала меня.

Я вдруг почувствовала облегчение и захотела посмеяться над ситуацией.

— Ты боишься меня? — внезапно спросила старая женщина. Ее голос был резким, скрипучим и все же молодым.

Я засмеялась. Мне хотелось легкомысленно соврать ей, но что-то сдерживало меня. Я услышала свой голос, который говорил о том, как я была напугана ею.

— Пойдем со мной, — по-деловому приказала мне женщина.

Моей первой реакцией было последовать за ней, но вместо этого я услышала, что говорю то, о чем говорить не собиралась: — Я закончила свою работу. Если ты хочешь поговорить со мной, делай это здесь и сейчас.

— Я приказываю тебе, иди за мной! — закричала она.

Вся энергия моего тела, казалось, тотчас же вытекла из меня. Однако я заявила: — Почему ты не прикажешь себе оставаться здесь?

Я не могла поверить, что сказала именно так. Я была готова извиниться, когда странный запас энергии влился в мое тело и я почувствовала себя почти под контролем.

— Поступай, как знаешь, — сказала женщина и встала, выпрямившись. Ее рост был невообразимым. Она росла и росла, пока ее колени не оказались на уровне моих глаз.

В этот миг я почувствовала, что моя энергия оставляет меня, и я испустила серию диких пронзительных воплей.

Канделария бегом спешила ко мне. Прежде чем я успела вдохнуть воздух и закричать снова, она проскочила расстояние между комнатой, где проходила встреча спиритов, и патио.

— Уже все в порядке, — повторяла она ласковым голосом, но я не могла остановить судорог, сотрясавших мое тело. А затем, не желая того, я расплакалась.

— Я не должна была оставлять тебя наедине, — сказала она извиняющимся тоном, — но кто бы подумал, что Музия сможет увидеть ее?

Прежде, чем другие участники встречи вышли посмотреть, что случилось, Канделария увела меня на кухню. Она помогла мне сесть и дала стакан рома.

Я пила и рассказывала ей о том, что произошло в патио. В тот момент, когда я закончила и ром, и свой отчет, я почувствовала себя сонной, отвлеченной, но вовсе не пьяной.

— Оставь нас одних, Канделария, — сказала донья Мерседес, входя в мою комнату. Канделария уложила меня в постель, застелив кровать и для себя, чтобы быть здесь, когда я проснусь.

— Я не знаю, что говорить об этом, — начала донья Мерседес после долгого молчания, — но ты — медиум. Я знала это с самого начала, — ее лихорадочные глаза, казалось, были подвешены в прозрачной субстанции, она внимательно изучала мое лицо.

— Единственный смысл того, что они позволили тебе присутствовать на сеансе, заключается в том, что ты везучая. Медиумы везучие.

Несмотря на свои опасения, я рассмеялась.

— Это не смешно, — сказала она предостерегающе, — это очень серьезно.

В патио ты вызвала дух без чьей-либо помощи. И самый значительный дух, душа одного из моих предков пришла к тебе. Она приходит очень редко, но если приходит, это исполнено глубоким смыслом.

— Она — призрак? — спросила я наивно.

— Конечно, она была призраком, — убежденно сказала она, — мы понимаем вещи так, как тому научены. И здесь нет отклонения от правил. Мое убеждение таково, что ты видела самого устрашающего духа, и что живой медиум может общаться с душой мертвого медиума.

— Почему этот дух пришел ко мне? — спросила я.

— Не знаю. Однажды она пришла ко мне, чтобы предупредить меня, — ответила она, — но я не последовала ее совету, — ее глаза потеплели, а голос смягчился, когда она произнесла: —

первое, что я сказала тебе, когда ты приехала, было то, что тебе повезло. Я тоже была везучей, пока кое-кто не погубил мое счастье. Ты напоминаешь мне этого человека. Он был блондин, как и ты. Его звали Федерико, и он тоже был везучим, но не имел никакой силы. Дух посоветовал мне оставить его одного. Я не сделала так и поплатилась за это.

Не зная, как отвести внезапный поворот событий или печаль, нашедшую на нее, я положила руку на ее плечо.

— У него не было никаких сил, — повторила она, — дух знал это.

Хотя Мерседес Перальта всегда была готова обсуждать все, что угодно, лишь бы это не относилось к ее практике, она довольно настойчиво уклонялась от моих расспросов о ее прошлом. Однажды, и я не знаю, застала ли я ее врасплох или это было преднамеренное движение в ее игре, она открыла, что много лет назад пережила огромную потерю.

Прежде, чем я смогла решить, действительно ли она поощряет меня задать несколько личных вопросов, она поднесла мою руку к своему лицу и прижала ее к щеке.

— Почувствуй этот рубец, — прошептала она.

— Что с тобой случилось? — спросила я, проведя пальцами по неровному шраму, проходящему по ее щеке и шее. Пока я не касалась его, шрам был неотличим от морщин. Ее темная кожа была так хрупка и я боялась, что она может развалиться в моей руке. Таинственная вибрация исходила из всего ее тела. Я не могла отвести своего взгляда от ее глаз.

— Мы не будем говорить о том, что ты видела в патио, — твердо сказала она, — вещи, подобные этой, относятся только к миру медиумов, а ты не должна обсуждать этот мир ни с кем. Я могу, конечно, посоветовать тебе не пугаться этого духа, но не надо глупо манить ее к себе.

Она помогла мне подняться с постели и повела на то самое место, где я увидела женщину. Когда я остановилась и начала рассматривать темноту вокруг нас, я осознала, что не имею понятия, спала ли я несколько часов или всю ночь и день.

Донья Мерседес, казалось, поняла мое смущение.

— Сейчас четыре часа утра, — сказала она, — ты спала почти пять часов.

Она присела там, где была женщина. Я тоже устроилась на корточках рядом с ней, между пучками жасмина, развешенными на деревянной решетке, своеобразной пахучей занавеси.

— Мне и в голову не приходило, что ты не знаешь, как курить, — сказала она и засмеялась своим сухим скрипучим смехом. Она сунула руку во внутренний карман юбки, вытащила оттуда сигару и прикурила ее.

— На встрече спиритов мы курили такие же сигары. Спириты знают, что запах табака ублажает духов, — после небольшой паузы она вложила зажженную сигару в мои губы, — попробуй покурить, — приказала она.

Я затаилась, глубоко вдохнув в себя. Крепкий дым вызвал кашель.

— Не затягивайся, — сказала она с нетерпением, — дай я покажу, как надо, — она достала сигару и запыхтела ею, вдыхая и выдыхая, постепенно укорачивая затяжки, — не надо курить легкими, кури своей головой, — объяснила она, — таким способом медиум вызывает духов. С сегодняшнего дня ты будешь вызывать духов на этом месте. И не рассказывай никому, пока сама не сможешь проводить встречи спиритов.

— Но я не хочу вызывать духов, — весело запротестовала я, — я хотела лишь присутствовать на одной из встреч и наблюдать за ее ходом.

Она посмотрела на меня с угрожающей решительностью.

— Ты медиум, а медиумы на встречах не наблюдают.

— Какой смысл во встречах? — спросила я, меняя тему.

— Смысл в том, чтобы задавать вопросы духам, — немедленно отозвалась она, — некоторые духи дают прекрасные советы. Другие бывают очень злобными, — она тихо засмеялась с легкой злостью, — какой появится дух, зависит от состояния жизни медиума.

— И тогда медиумы оказываются во власти духов? — спросила я.

Она надолго замолчала, глядя на меня. Ее лицо не выдавало никаких чувств. Затем вызывающим тоном она сказала: — Их нет, если ты сильна.

Она продолжала пристально смотреть на меня лютым взглядом, затем закрыла глаза. Когда она открыла их снова, они были лишены какого-либо выражения.

— Помоги мне пройти в мою комнату, — прошептала она. Опираясь на мою голову, она выпрямилась. Ее рука скользнула ниже моего плеча, по рукаву, твердые пальцы обвилились вокруг моего запястья, словно обугленные корни.

Мы молча пробрели по темному коридору, где деревянные скамьи и стулья, покрытые козлиными шкурами, выстроились у стены. Она переступила порог своей спальни. Прежде, чем закрыть дверь, она еще раз напомнила мне, что медиумы не должны рассказывать о своем мире.

— В тот миг, когда я увидела тебя на площади, я поняла, что ты медиум и что ты придешь повидаться со мной, — заявила она. Улыбка, смысл которой я не поняла, исказила ее лицо, — ты пришла, чтобы принести мне что-то из моего прошлого.

— Что?

— Я не вполне уверена. Воспоминания, наверное, — сказала она неопределенно, — или, возможно, ты возвратишь мне мое старое везение, — она провела рукой по моей щеке и тихо закрыла дверь.

5.

Убаюкиваемая мягким ветерком и смехом детей, резвящихся на улице, я продремала весь день в гамаке, натянутом между двух деревьев. Я даже перестала ощущать аромат стирального порошка, смешанного с едким запахом креозола, которым Канделярия натирала каждый день полы, не считаясь с тем, грязные они или нет.

Я ожидала почти до шести часов. Затем, как просила Мерседес Перальта, я подошла к ее спальне и постучала. Никто не отвечал. Я тихо вошла в комнату. Обычно в это время она заканчивала прием пациентов, которые приходили к ней лечиться. Она никогда не принимала более двух посетителей в день. В свои плохие дни, которые были довольно часто, она вообще никого не принимала. На этот раз я хотела прокатить ее на своем джипе и прогуляться с ней по окрестным холмам.

— Это ты, Музия? — спросила донья Мерседес, вытягиваясь в своем низко подвешенном гамаке, закрепленном на металлических кольцах, вбитых в стены.

Я поздоровалась с ней и села на вторую кровать у окна. Она никогда не спала на ней. По ее словам, из этой кровати, несмотря на ее большие размеры, кто-то совершил фатальное падение. Ожидая, пока она встанет, я осматривала эту странно обставленную комнату, которая никогда не приводила меня в восторг. Вещи здесь были расставлены, по-видимому, с целеустремленным несоответствием. Два ночных столика у изголовья и основания кровати были завалены свечами и статуэтками святых и служили алтарями. Низкий деревянный платяной шкаф был выкрашен в голубой и розовый цвета. Он загораживал дверь, которая выходила на улицу. Я удивилась, что одежда доньи Мерседес — она никогда не носила ничего, кроме черного — висела повсюду, на крючках, на стене, за дверью, у изголовья и в ногах железной кровати, и даже на веревках, поддерживающих гамак. Хрустальная люстра, которая не работала, ненадежно болталась под потолком, сплетенным из тростника. Люстра была серой от пыли, и пауки оплели паутиной ее граненые призмы. На дверях висел отрывной календарь.

Скрестив пальцы на копне седых волос, Мерседес Перальта глубоко вздохнула и, спустив с гамака ноги, нашарила ими матерчатые сандалии. Она секунду посидела, затем подошла к высокому и узкому окну, выходящему на улицу, и открыла деревянную ставню. Она часто заморгала, пока ее глаза не приспособились к вечерним лучам, освещавшим ее комнату. Она внимательно посмотрела на небо, словно ожидая от заходящего солнца какое-то послание.

— Мы пойдем на прогулку? — спросила я.

Она медленно обернулась.

— На прогулку? — переспросила она, удивленно вскинув свои брови, — как мы можем идти гулять, когда меня ожидает какой-то человек.

Я раскрыла рот, уже готовясь сообщить ей, что к нам никто не приходил, но насмешливое выражение в ее усталых глазах вынудило меня замолчать. Она взяла меня за руку и мы вышли из комнаты.

На деревянной скамье у входа в комнату, где Мерседес Перальта лечила людей, приходящих за помощью, прижав подбородок к груди, дремал слабый и старый на вид мужчина. Почувствовав наше присутствие, он выпрямился.

— Я плохо себя чувствую, — сказал он слабым невыразительным голосом, взяв в руки свою соломенную шляпу и трость, лежащую рядом.

— Октавио Канту, — сказала Мерседес Перальта, предварительно пожав ему руку. Она подвела его к двум ступенькам в комнату. Я следовала за ними по пятам. Он обернулся и посмотрел на меня вопросительным взглядом.

— Она помогает мне, — сказала она, — но если ты не хочешь, чтобы она была с нами, она уйдет.

Он остановился на мгновение, нервно постукивая ногой. Его рот дважды кривился в улыбке.

— Если она будет помогать тебе, — прошептал он с трогательной беспомощностью, — я полагаю, что все будет хорошо.

Быстрым движением своей головы Мерседес Перальта указала мне на мой табурет у алтаря, затем помогла старику сесть на стул прямо перед высоким прямоугольным столом. Она присела справа от него, лицом к нему.

— Где же он может быть? — несколько раз пробормотала она, перебирая груды банок, свечей и сигар, сухих корней и обрезков ткани, разбросанных на столе. Она вздохнула с облегчением, найдя свой морской компас, который тотчас положила перед Октавио Канту. Ее взгляд пристально изучал круглую металлическую коробочку.

— Взгляни на это! — воскликнула она, подзывая меня подойти поближе.

Это был тот самый компас, на который она смотрела в первый день моего прихода. Стрелка, еле различимая сквозь матовое, сильно поцарапанное стекло, энергично двигалась взад и вперед, как бы одушевляемая какой-то невидимой силой, исходящей от Октавио Канту.

Мерседес Перальта использовала компас, как диагностический прибор только тогда, когда считала, что человек страдает скорее от душевного недуга, чем от естественной болезни. До сих пор я не могла определить, каким критерием пользуется она для различения этих двух видов болезней. По ее словам, душевный недуг мог проявить себя в форме ряда неудач или холода во всем теле, который в зависимости от обстоятельств мог определяться и как естественное заболевание.

Ожидая найти какое-то механическое приспособление, активизирующее стрелку, я на всякий случай изучила компас. И поскольку там ничего подобного не оказалось, я приняла ее объяснение за бесспорную истину: когда человек уравновешен, т.е. когда тело, ум и душа находятся в гармонии, стрелка не двигается вообще. Доказывая свое мнение, она поочередно ложила компас напротив себя, Канделярии и меня. К моему великому изумлению стрелка двигалась только тогда, когда компас был положен передо мной.

Октавио Канту, вытянув свою шею, близоруко щурился на инструмент.

— Я болен? — тихо спросил он, взглянув на донью Мерседес.

— Это твоя душа, — прошептала она, — твоя душа в великом смятении.

Она положила компас в стеклянный буфет, затем встала рядом со стариком и опустила обе руки ему на голову. Она оставалась в таком положении довольно долго, затем быстрыми, уверенными движениями провела пальцами по его плечам и рукам, быстро встала напротив него, ее руки счищали что-то вниз с его груди, ног, ступней. Она читала молитву, которая частично была церковным напевом, а частично заклинанием. По ее словам, любой хороший целитель знает, что католицизм и спиритуализм дополняют друг друга. Она поочередно массировала его спину и грудь в течение получаса.

Давая минутный отдых уставшим рукам, она периодически встряхивала их энергично позади его спины. Она называла это сбрасыванием накопленной отрицательной энергии.

Отмечая конец первой части своего лечения, она топнула три раза о пол правой ногой. Октавио Канту непроизвольно вздрогнул. Она держала его голову сзади, сдавливая ладонями его виски, пока его дыхание не стало медленным и трудным. Бормоча молитву, она двинулась к алтарю, зажгла свечу, а затем и сигару, которую начала курить быстрыми ритмичными затяжками.

— Я должен рассказать это сейчас, — сказал старик, нарушая дымное безмолвие.

Напуганная его голосом, она начала кашлять до тех пор, пока слезы не покатались по ее щекам. Я забеспокоилась — не подавилась ли она дымом.

Октавио Канту, не обращая внимания на ее кашель, продолжал говорить: — Я рассказывал тебе уже много раз, что трезвый я или пьяный, мне снится один и тот же сон. Я нахожусь в своей лачуге. Она пустая. Я чувствую сквозняк и вижу тени, снующие повсюду. Но при этом нет более собак, лающих на пустоту и на тени. Я просыпаюсь от ужасного давления, словно кто-то уселся на мою грудь; а когда я открываю глаза, я вижу желтые зрачки собаки. Они открываются все шире и шире, пока не поглощают меня...

Его голос угас. Задохнувшись, он блуждал взглядом по комнате.

Казалось, что ему не совсем понятно, где он находится.

Мерседес Перальта бросила окурочок на пол. Схватив сзади его стул, она быстро крутнула его так, что он оказался лицом к алтарю. Медленными гипнотическими движениями она начала массировать область вокруг его глаз.

Я, должно быть, задремала, так как обнаружила себя в одиночестве в пустой комнате. Я быстро огляделась. Свеча на алтаре почти сгорела. Вправо надо мной в углу, ближе к потолку, сидел мотылек величиной с небольшую птицу. У него были большие черные круги на крыльях, они пристально смотрели на меня любопытным взором.

Внезапный шорох заставил меня обернуться. У алтаря на своем стуле сидела Мерседес Перальта. Я приглушенно вскрикнула. Ее не было здесь минутой раньше, я могла присягнуть в этом.

— Я не знала, что ты здесь, — сказала я, — посмотри на этого большого мотылька над моей головой.

Я поискала глазами насекомое, но оно улетело.

В том, как она смотрела на меня, было нечто такое, что заставило меня содрогнуться.

— Я устала сидеть и заснула, — объяснила я, — и даже не узнала, что было с Октавио Канту.

— Он иногда приходит повидаться со мной, — сказала она, — я нужна ему, как спиритуалист и лекарь. Я облегчаю бремя, взваленное на его душу.

— Она повернулась к алтарю и зажгла три свечи. В мерцающем блеске ее глаз был цвет крыльев мотылька, — иди-ка ты лучше спать, — предложила она.

6.

Когда я проснулась снова, я быстро оделась и выбежала в темный коридор. Вспомнив о скрипучих петлях, я аккуратно открыла дверь в комнату Мерседес Перальты и на цыпочках подошла к гамаку.

— Ты не спишь? — прошептала я, отводя марлю противомоскитной сетки, — ты все еще хочешь идти на прогулку?

Ее глаза медленно открылись, но она еще не проснулась и продолжала безмятежно всматриваться вперед.

— Я пойду, — наконец сказала она хрипло, полностью отбросив сетку.

Прочистив горло и сплюнув в ведро на полу, она как бы наперекор себе прошептала: — я рада, что ты вспомнила о нашей прогулке.

Закрыв глаза и сложив руки, она помолилась деве и святым на небесах, индивидуально поблагодарив каждого из них за руководство в помощи тем людям, которых она лечила, а затем попросила у них прощения.

— Почему ты просишь прощения? — спросила я сразу же, как только она закончила свою длинную молитву.

— Взгляни на линии моих ладоней, — сказала она, положив свои руки мне на колени.

Указательным пальцем я очертила ясно выраженные "у" и "м", которые, казалось, были отштампованы на ее руках: "у" — на левой ладони, "м" — на правой.

— "У" означает вида, жизнь. "М" означает муэртэ, смерть, — объяснила она, произнося слова с преднамеренной выразительностью, — я была рождена с силой лечить и причинять вред.

Она подняла руки с колен и помахала в воздухе, будто собираясь стереть слова, которые произнесла. Она оглядела комнату, затем осторожно опустила свои худые ноги и сунула их в сапожки с дырами для пальцев. Ее глаза мерцали забавой, когда она расправляла черную блузу, и юбку, в которой спала.

Держась за мою руку, она вывела меня из комнаты.

— Разрешите мне показать тебе кое-что, прежде чем мы отправимся на прогулку, — сказала она, направляясь в рабочую комнату. Она повернулась к массивному алтарю, который был целиком сделан из расплавленного воска. Все началось с одной свечи, объяснила она, ее пра-пра-бабушки, которая тоже была знахаркой.

Она нежно провела рукой по блестящей, почти прозрачной поверхности.

— Найди черный воск среди этих разноцветных полос, — подгоняла она меня, — это знаки того, что ведьмы жгли черные свечи, используя для вреда свою силу.

Бесчисленные полоски черного воска сбегали в цветастую кайму.

— Те, что поближе к верхней части — мои, — сказала она. Ее глаза блеснули странной свирепостью, когда она добавила: — истинная целительница является еще и ведьмой.

Проблеск улыбки мелькнул на ее губах, затем она продолжала рассказывать о том, что имя ее хорошо известно не только по всей области, но и людям, приходящим из Каркаса, Маракаибы, Мерида и Кумана. О ней ходят слухи за границей: в Тринидаде, Кубе, Колумбии, Бразилии и Гаити. У нее собраны фотографии, свидетельствующие, что среди этих людей были главы государств, послы и даже епископы.

Она загадочно взглянула на меня, а затем пожала плечами.

— Моя удача и моя сила были одно время бесподобными, — сказала она, — я растранижила и то и другое, и сейчас могу только лечить, — ее усмешка усилилась, а глаза загадочно заблестели, — как продвигается твой труд? — спросила она с невинным любопытством ребенка. Но прежде, чем я отважилась на внезапную перемену темы, она продолжила: — сколько бы целителей и пациентов ты ни опросила, ты никогда не будешь изучать этот путь.

Настоящая целительница должна быть сначала медиумом и спиритом, а затем ведьмой.

Ее ослепительная улыбка расцвела на ее лице.

— Не расстраивайся слишком, если в один из этих дней я сожгу твои исписанные блокноты, — сказала она небрежно, — со всей этой чепухой ты тратишь зря время.

Я забеспокоилась. Мне не очень понравилась перспектива увидеть свой труд горящим в пламени.

— Ты знаешь, что действительно достойно интереса? — спросила она и тут же ответила на свой вопрос, — результаты, которые идут дальше поверхностных аспектов лечения. Вещи, которые нельзя объяснить, но можно испытать. Здесь достаточно людей, изучавших знахарство. Они думали, что, наблюдая и записывая, можно понять то, чем занимаются медиумы, ведьмы и целители. Поскольку их невозможно разубедить, чаще бывает легче оставить их в покое — пусть делают, что хотят.

Но этого нельзя допустить в твоем случае, — продолжала она, — я не могу позволить тебе впустую тратить время. Вместо того, чтобы изучать знахарство, ты должна практиковать вызовы духа моего предка по ночам в патио этого дома. Не делай записей об этом, духи ценят время, затраченное на другое. Ты же видела. Заключать сделку с духами — значит закапывать себя под землю.

Воспоминания о женщине, которую я видела в патио, ужасно взволновали меня. Мне захотелось бросить все мои поиски, забыть о планах Флоринды и бежать отсюда, сломя голову.

Внезапно донья Мерседес рассмеялась; этот ясный взрыв смеха рассеял мои страхи.

— Музья, видела бы ты свое лицо, — сказала она, — ты была почти в обмороке. Среди прочего, ты еще и трусишка.

Несмотря на ее насмешливый тон, в ее улыбке чувствовалась симпатия и ласка.

— Я не могу принуждать тебя. Поэтому я дам тебе что-то такое, что понравится тебе — нечто более ценное, чем твои исследовательские планы.

Присмотрись к жизни некоторых людей, на которых я укажу тебе. Я сделаю так, что они будут рассказывать тебе. Рассказы о судьбе. Рассказы об удаче. Рассказы о любви, — она придвинула свое лицо поближе ко мне и мягким шепотом добавила: — рассказы о силе и рассказы о слабости. Это будет дар тебе, данный, чтобы умилоствить тебя, — она взяла мою руку и вывела меня из комнаты, — идем на нашу прогулку.

Наши шаги гулко отозвались эхом на тихой, пустынной улице с высокими бетонными тротуарами. Проходя мимо сонных домов, Мерседес Перальта заметила, что во времена, когда она была юной знахаркой, ее дом — самый большой на улице — уединенно стоял на окраине.

— Но сейчас, — сказала она, очертив широким жестом руки полукруг, — кажется, я живу в центре города.

Мы свернули на центральную улицу и дошли до рыночной площади, там присели на скамью лицом к статуе боливару на коне. По одну сторону площади высилось здание муниципалитета, на другой стороне стояла церковь с колокольной. Большую часть старых домов снесли, заменив их современными строениями. Однако там, где старые здания еще уцелели, с их коваными чугунными решетками, с красной черепицей на крышах, серых от времени, с широкими карнизами, которые позволяли дождевой воде свободно стекать подальше от ярко окрашенных стен, — они придавали центру города своеобразный колониальный шарм.

— Этот город здорово изменился с тех пор, как на башне ратуши починили часы, — задумчиво сказала она.

Она объяснила, что давным-давно, как бы в отместку за приход прогресса, башенные часы вдруг остановились на двенадцатичасовой отметке.

Местный фармацевт, увидев это, починил их и, словно по мановению волшебной палочки, улицы уставили фонарными столбами, а на площади устроили фонтаны, чтобы газоны оставались зелеными круглый год. Раньше каждый знал, что было событие, повсеместно изменившее индустриальные центры.

Она на секунду остановилась, переводя дыхание, затем указала на застроенные лачугами холмы, окружавшие город.

— Вот так хижины переселенцев создавали город, — добавила она.

Мы встали и пошли в конец центральной улицы, туда, где начинались холмы. Лачуги, сделанные из гофрированных металлических листов, упаковочных ящиков и листов картона, едва держались на крутых склонах.

Владельцы хибарок, выходящих поближе к городским улицам, нахально крали электричество от фонарных столбов. Изолированные провода были примитивно замаскированы цветными лентами. Мы свернули с улицы в переулок и наконец пошли узкой тропинкой, извиристо ведущей к одинокому холму, на который переселенцы еще не претендовали.

В воздухе, все еще сыром от ночной росы, пахло диким розмарином. Мы взобрались почти на вершину холма, к одиноко растущему дереву, и там уселись на сырую землю, покрытую мелкими молодыми маргаритками.

— Ты слышишь море? — спросила Мерседес Перальта.

Легкий ветерок резвился в кудлатой кроне дерева, разбрасывая россыпь мелких золотых цветов. Они, словно бабочки, кружась, опускались на ее волосы и плечи. Ее лицо было залито безмятежным спокойствием. Она слегка раскрыла рот, обнажив несколько зубов, желтых от табака и возраста.

— Ты слышишь море? — повторила она, скосив на меня сонные, слегка затуманенные глаза.

Я сказала ей, что море слишком далеко, за горами.

— Я знаю, что море далеко, — тихо сказала она, — но в этот ранний час, когда город еще спит, я всегда слышу шум волн, гонимых ветром, — закрыв свои глаза, она прислонилась к стволу дерева.

Утреннюю тишину развеял рев грузовика, мчащегося вниз по узкой улочке. Я не поняла, был ли это португальский пекарь, доставлявший свои свежewe выпеченные булочки, или полиция, подбиравшая последних пьяниц.

— Посмотри, кто это, — подбодрила она меня.

Я спустилась на несколько шагов вниз по тропинке и увидела старика, выходящего из зеленого грузовика, который остановился у подножия холма.

Его пиджак свободно болтался на сутулых плечах, а голову скрывала соломенная шляпа. Почувствовав, что на него смотрят, он поднял глаза и помахал своей тросточкой, приветствуя меня. Я помахала ему в ответ.

— Это старик, которого ты лечила прошлой ночью, — сказала я ей.

— Вот же везет! — прошептала она, — позови его. Скажи ему, чтобы он шел сюда. Скажи ему, что я хочу его видеть. Мой дар тебе начинается.

Я сбегала вниз, туда, где остановился его грузовик, и попросила старика подняться вместе со мной на холм. Он без слов последовал за мной.

— Сегодня собак не было, — сказал он Мерседес Перальте вместо приветствия и сел рядом с ней.

— Я открою тебе тайну, Музия, — сказала она, жестом пригласив меня сесть напротив, — я — медиум, ведьма и целитель. Из этой троицы мне по нраву второе, так как ведьма имеет особый способ понимания таинств судьбы.

Почему так случается, что некоторые люди становятся богатыми, удачливыми и счастливыми, когда другие находят только трудности и боль? Что бы ни означали эти вещи — это не то, что ты называешь судьбой; она — нечто большее, более таинственное, чем это. И только ведьмы знают о ней.

Ее черты лица на секунду напряглись с выражением, которое я не уловила, так как она повернулась к Октавио Канту.

— Некоторые люди говорят, что мы рождаемся с нашей судьбой. Другие утверждают, что мы создаем нашу судьбу своими поступками. Ведьмы говорят, что ни то, ни другое не верно, и что

нечто большее настагает нас, подобно бульдожьей хватке. Тайна будет здесь, если мы захотим быть схваченными. Но ее здесь не будет, если мы этого не захотим.

Ее взгляд ласкал восточное небо, где над далекими горами поднималось солнце. Минуту спустя она вновь повернулась к старику. Ее глаза, казалось, поглотили сияние солнца и блестели, горя огнем.

— Октавио Канту будет приходиться к нам лечиться, — сказала она, — может быть мало-помалу он расскажет тебе свой рассказ. Рассказ о том, как случай связывает жизни, о том, что только ведьмы знают, как закрепить их в один узел.

Октавио Канту кивнул в знак согласия. Робкая улыбка расплзлась по его губам. Редкая бородка на его подбородке была такой же седой, как и волосы, торчащие из-под соломенной шляпы.

Октавио Канту приходил в дом доньи Мерседес восемь раз. По-видимому, она периодически лечила его с того времени, когда он был еще молодым.

Вдобавок к своей старости и дряхлости, он был к тому же алкоголиком.

Однако, донья Мерседес подчеркивала, что все его болезни были душевными.

Он нуждался в заклинаниях, а не в медицине.

Сперва он неохотно беседовал со мной, но затем, возможно, почувствовав себя более уверенно, начал раскрываться. Мы часами обсуждали его жизнь. В начале каждой беседы он, казалось, был подавлен отчаянием, одиночеством и подозрительностью. Он допытывался, зачем я интересуюсь его жизнью. Но надо отметить, что он всегда сдерживал себя и, восстановив свой апломб, остаток беседы — час или целый день — рассказывал о себе искренне и раскованно, словно о совершенно другом человеке.

Октавио откинул в сторону кусок картона и пробрался через небольшое двероподобное отверстие внутрь лачуги. Здесь света почти не было, а едкий дым огня в каменном очаге вышибал из глаз слезы. Октавио сильно зажмурился и побрел в темноте на ощупь. Споткнувшись о какие-то жестянки, он сильно ударился головой о деревянный ящик.

— Будь проклято это вонючее место, — выругался он на одном дыхании.

Октавио присел на миг на утрамбованный земляной пол и потер ногу. В дальнем углу этой жалкой хибары он увидел старика, спавшего на потрепанном заднем сидении, снятом с автомашины. Медленно, обходя ящики, веревки, тряпье и коробки, разбросанные на земле, он побрел туда, где лежал старик.

Октавио чиркнул спичкой. При тусклом свете спящий мужчина выглядел мертвым. При вдохе и выдохе его грудь двигалась так слабо, что казалось, будто он вообще не дышит. Выпирающие скулы буквально торчали на его черном истощенном лице. Его рваные грязные брюки были подвернуты до икр, а рубашка цвета хаки, с длинными рукавами, плотно облегла его морщинистую шею.

— Виктор Джулио! — воскликнул Октавио, энергично встряхивая старика.

— Проснись!

Сморщенные веки Виктора Джулио с трепетом открылись на миг, оголив бесцветные белки его глаз.

— Проснись! — заорал Октавио в полном отчаянии. Он схватил узкополую соломенную шляпу, лежавшую на земле, и с силой надел ее на растрепанные седые волосы старика.

— Что ты за дьявол? — заворчал Виктор Джулио, — чего тебе надо?

— Это я, Октавио Канту. Я назначен мэром твоим помощником, — объяснил он с важным видом.

— Помощником? — старик, шатаясь, поднялся на ноги, — мне не нужен помощник, — он напялил свои потрепанные, не зашнурованные ботинки и начал бродить кругами по темной комнате, пока, наконец, не нашел бензиновый фонарь. Он зажег его, затем потер глаза и часто заморгал, внимательно рассматривая молодого человека.

Октавио Канту был среднего роста, с сильными бицепсами, выпиравшими сквозь расстегнутый выцветший синий жакет. Его брюки, которые казались слишком велики ему, мешковато обвисали на его новые лакированные туфли.

Виктор Джулио тихо засмеялся, спросив, не думает ли Октавио обворовать его.

— Так ты, значит, новый человек, — сказал он скрипучим голосом, пытаясь определить цвет глаз Октавио, затемненных красной бейсбольной кепочкой. Это были летающие глаза цвета влажной земли. Виктор Джулио определенно заподозрил в чем-то молодого человека.

— Я никогда не видел тебя здесь прежде, — сказал он, — откуда ты взялся.

— Из Парагваны, — резко ответил Октавио, — здесь я временно. Я встречал тебя несколько раз на площади.

— Из Парагваны, — сонно повторил старик, — я видел песчаные дюны Парагваны, — он встряхнул головой и резким голосом осведомился: — что ты намерен делать в этом богом забытом месте? Разве ты не знаешь, что у этой дыры нет будущего? Ты просто прикинь, куда переселяется молодежь.

— Все меняется, — заявил Октавио, усердно уклоняясь от разговора о себе, — этот городок вырастет. Иностранцы скупают здесь кофейные плантации и поля сахарного тростника. Они построят здесь заводы и фабрики. Народ валом повалит в этот город. Люди придут сюда, чтобы разбогатеть.

Виктор Джулио скорчился от смеха, — заводы не для таких, как мы. Если ты застрянешь здесь слишком надолго, то кончишь подобно мне, — он положил руку на плечо Октавио, — я знаю, почему ты забрался так далеко от Парагваны. Ты бежишь от чего-то? — спросил он, пристально разглядывая беспокойные глаза молодого человека.

— А что, если так? — неловко уклонился Октавио. Он знал, что не скажет ему ничего. Никто не знал о нем в этом городе. Но что-то в глазах старика тревожило его, — дома у меня было несколько неприятностей, — пробормотал он уклончиво.

Виктор Джулио прошел шаркающей походкой к отверстию в хижине, снял джутовый мешок, висевший на ржавом гвозде, и вытянул оттуда бутылку дешевого рома. Его руки, переплетенные вздутыми венами, произвольно тряслись, когда он отвинчивал крышку бутылки. Не обращая внимания на то, что янтарная жидкость струится вниз по его тощей бороде, он несколько раз глотнул.

— Нам надо многое сделать, — сказал Октавио, — лучше собирайся и пойдем.

Я был молод, как и ты, когда другой мэр назначил меня помощником к одному старику, — вспомнил Виктор Джулио, — ах, как я был силен и усерден в труде. Но взгляни на меня сейчас. Даже ром уже не может согреть мое горло, — опустившись на землю, Виктор Джулио искал свою походную трость, — эта палка принадлежала тому старику. Он дал мне ее перед своей смертью, — он протянул Октавио темную, прекрасно отполированную трость, — она сделана из твердого дерева, растущего в джунглях амазонки. Ее даже нельзя сломать.

Октавио мельком взглянул на трость, а затем спросил с нетерпением: — что толку в этой болтовне? Или нам больше нечем заняться?

Старик усмехнулся, — мясо замочено уже вчера. Сейчас оно должно быть готово. Оно на улице, позади лачуги, в стальном баке.

— Покажи мне, что надо делать с мясом? — попросил Октавио.

Виктор Джулио засмеялся. У него не было передних зубов, а оставшиеся желтые коренные зубы выглядели, словно два столбика в дыре его рта, — здесь и в самом деле нечего показывать, — сказал он сквозь взвизгивающий хохот, — я просто захожу к фармацевту, когда надо приготовить мясо. Он поливает мясо чем-то похожим на маринад. Фактически, — объяснял он, — ничего сложного в этом нет, — его рот расплылся в широкой ухмылке, — я всегда беру мясо из скотобойни, которая нравится мэру, — он сделал долгий глоток из бутылки, — ром помогает мне войти в норму, — он почесал свой подбородок, — собаки настигнут меня в один из этих дней, — прошептал он со вздохом и вручил полупустую бутылку Октавио, — ты лучше хлебни немного.

— Нет, спасибо, — вежливо отозвался Октавио, — я не могу пить на пустой желудок.

Виктор Джулио раскрыл свой рот, готовясь сказать что-то. Но вместо этого он поднял дорожную трость и джутовый мешок, пригласив Октавио следовать за ним. Увлеченный чем-то, он на миг остановился и взглянул на небо. Оно было ни темным, ни светлым, но каким-то необычно и угнетающе серым, что бывает иногда перед рассветом. Вдали он услышал лай собаки, — мясо здесь, — сказал он, указывая подбородком на стальной бак, стоящий на деревянном обручке. Он передал Октавио свернутую веревку, — если ты подвяжешь на спину этот бак, тебе будет легче нести его.

Октавио со знанием дела обвязал веревку вокруг стального бака, поднял его на спину и, скрестив веревки на своей груди, прочно завязал не ниже пупка, — это все, что нужно? — спросил он, уклоняясь от взгляда старика.

— У меня в мешке есть еще несколько запасных веревок и канистра с керосином, — объяснил Виктор Джулио, снова отхлебнув глоток рома и небрежно засунув бутылку в карман. След в след они зашагали сухим оврагом, который рассекал заросли тростника. Кругом стояла тишина, нарушаемая лишь трелями сверчков и ласковым ветерком, снующим между кинжальных отростков

тростника. Виктор Джулио беспокойно вздохнул. У него болела грудь. Он чувствовал себя усталым. Ему хотелось лечь на твердую землю здесь, лежать... Его взгляд часто возвращался к лачуге, которая становилась все меньше и меньше.

Предчувствие охватило его. Конец был близок. Он уже давно знал, что слишком стар и слаб для той работы, которую должен выполнять. Это был только вопрос времени, поэтому они прислали нового человека.

— Виктор Джулио, идем, — нетерпеливо закричал Октавио, — уже поздно.

Город тихо спал. Лишь несколько старых женщин толпилось у церкви.

Покрыв свои головы черными платками, они прошли мимо двух мужчин, не отвечавших на их приветствия. На узких бетонных тротуарах, пытаясь найти защиту у безмолвных домов, перед закрытыми дверьми, свернувшись, лежали костлявые и ужасные на вид собаки.

По команде Виктора Джулио Октавио опускал стальной бак на землю и открывал тугую крышку. Пользуясь длинными деревянными щипцами, которые он вытащил из своего мешка, старик выбирал из бака большой кусок мяса и кидал его собаке. Таким образом он и Октавио медленно пересекли весь город, подкармливая каждую бездомную собаку, мимо которой они проходили. С жадностью, виляя хвостами, животные пожирали смертельную еду.

— Сожрут тебя в аду эти собаки, — закричала толстая старуха, закрывая за собой большую деревянную дверь старой католической церкви по другую сторону площади.

— Совсем спятила, — заорал в ответ Виктор Джулио, вытирая свой нос рукавом рубашки, — я думаю, из тебя мы в будущем приготовим хороший корм для собачек.

— Я насчитал семнадцать, — пожаловался Октавио, распрямляя заболевшую спину, — судьба дохлых псов оттягивает мои плечи.

— Что ж, взвалим на них еще одну, — сказал Виктор Джулио. Зловещая улыбка скривила его лицо, — здесь есть еще одна собака, которой не суждено найти смерть на улице.

— Что ты хочешь сказать? — спросил Октавио и развернул вокруг головы свою красную бейсбольную кепку, озадаченно вглядываясь в его лицо.

Глаза Виктора Джулио сузились, его зрачки блестели злыми огоньками.

Его худое старое тело дрожало от ожидания, — я сильно нервничаю. Сейчас я убью черного Германа, пастушкой собаку лавочника Лебанесы.

— Ты не сделаешь этого, — запротестовал Октавио, — это не бродячая собака. Она не больна. Ее хорошо кормят. Мэр говорил только о бездомных и больных собаках.

Виктор Джулио громко выругался и зло посмотрел на своего помощника.

Он не сомневался, что это был его последний шанс воспользоваться ядом.

Если не Октавио, так кто-то другой будет ведать уничтожением собак к концу текущего сезона. Он понимал, почему молодой человек не хочет причинять кому-то неприятности, но это же не его забота. Он жаждал смерти собаки Лебанесы с тех пор, как она покусала его. Это был последний шанс.

— Этого пса обучили для травли, — сказал Виктор Джулио, — каждый раз, вырвавшись, он кусает кого-то. Он искусал меня несколько месяцев тому назад, — старик оголил свою израненную ногу, — посмотри на шрам! — сердито ворчал он, растирая лиловое узловатое место на своей икре, — лебанеса даже не побеспокоился отвести меня к доктору. Не знаю, кто из них бешеный, собака или ее хозяин.

— Все равно ты не убьешь собаку, — настаивал Октавио, — этот пес не уличный. У него есть владелец, — он умоляюще посмотрел на старика, — ты только наприсишься на неприятность.

— Кого это волнует? — воинственно огрызнулся Виктор Джулио, — я ненавижу это животное, и у меня не будет другой возможности убить его, — он бросил свой мешок на плечо, — пошли, идем же.

Октавио неохотно последовал за стариком. По узкому переулку они вышли на окраину города и остановились перед большим зеленым домом.

— Собака должна быть за домом, — сказал Виктор Джулио, — посмотрим.

Они пошли вдоль кирпичной стены, окружавшей задний двор. Но собаки здесь не было.

— Давай оставим это, — зашептал Октавио, — я уверен, что собака спит внутри дома.

— Она должна выйти, — сказал Виктор Джулио и заколотил тростью по стене.

Громкий лай расколол утреннюю тишину. Старик возбужденно подпрыгнул, размахивая тростью в воздухе, — дай мне остатки мяса, — потребовал он.

Октавио снял веревку со своей груди и неохотно опустил стальной бак на землю. Старик вытащил деревянными щипцами последние куски мяса и бросил их через забор.

— Ты только послушай, как эта скотина глотает отраву, — весело болтал Виктор Джулио, — эта злобная тварь так же голодна, как и остальные.

— Пойдем быстрее отсюда, — зашептал Октавио, закидывая бак на спину.

— Не спеши, — рассмеялся старик. Чувство восторга охватило его, когда он нашел, на что встать.

— Идем, — настаивал Октавио, — нас могут заметить.

— Не смогут, — спокойно заверил Виктор Джулио, поднимаясь на шаткий деревянный ящик, приставленный к стене. Встав на цыпочки, он рассматривал беснующуюся собаку. Яростно лая и не жалея своего горла, животное разбрызгивало пену и кровь, пытаясь вырваться на свободу. Вот уже ноги перестали сгибаться. Пес свалился набок. Сильные судороги скрутили его тело.

Виктор Джулио задрожал, — как он тяжело умирал, — шептал он, спрыгнув с ящика. Он не чувствовал никакого удовольствия от того, что отравил собаку Лебанесы. Все эти годы, уничтожая собак, он всегда избегал смотреть на то, как они умирают. Он никогда не получал удовольствия, убивая бродячих дворняжек города. Это была только его работа, единственно доступная для него.

Смутный страх закрался в сердце Виктора Джулио. Он посмотрел на пустынную дорогу внизу. Затем, подогнув большой палец на левой руке, он положил между ним и запястьем свою трость. Держа руку вытянутой, он начал вращать трость взад и вперед так быстро, что казалось, будто трость подвесили в воздухе.

— Что это за фокус? — спросил Октавио, увлеченно наблюдая за ним.

— Это не фокус. Это искусство. Это единственное, что я делаю хорошо, — печально пояснил Виктор Джулио, — по утрам и после обеда я развлекаю маленьких детей на площади. Некоторые дети даже дружат со мной, — он передал трость Октавио, — попробуй. Посмотрим, сможешь ли повторить это.

Виктор Джулио вздохнул над неуклюжими попытками Октавио удержать трость так, как полагалось, — это требует долгих лет практики, — сказал старик, — надо развивать свой большой палец, оттягивая его назад, пока он не коснется запястья. И ты должен двигать рукой очень быстро, чтобы трость не имела времени упасть на землю.

Октавио вернул ему трость, — давай лучше поймаем этих собак! — воскликнул он, удивленный внезапным появлением утреннего зарева и красочных пятен, возникших на восточном небе.

— Виктор Джулио, подожди меня, — закричал позади них ребенок.

Босая, с черными спутанными волосами, завязанными на затылке, шестилетняя девочка быстро догоняла мужчин, — посмотри, какую игрушку подарила мне тетя, — сказала она, позволив старику посмотреть на щенка, отцом которого был только что отравленный Герман, — я назвала ее бабочкой.

Она очень похожа на бабочку, правда?

Виктор Джулио сел на бордюры. Маленькая девочка устроилась рядом с ним и положила ему на колени прелестного пухлого щенка. В смятении он пробежал пальцами вдоль черной и бледно-желтой шкурки.

— Покажи бабочке, как ты заставляешь танцевать свою палку, — попросила девочка.

Виктор Джулио опустил собаку и вытащил из кармана бутылку рома. Не переводя дыхания, он полностью осушил ее и бросил обратно в мешок. Старик с тоской оглядел радостное лицо ребенка. Скоро она вырастет, подумал он.

Она не долго будет сидеть с ним под деревьями на площади и помогать ему наполнять мусорные баки тряпьем и хламом, веря в то, что ночью все это превратится в золото. Он задумался, будет ли она тоже кричать на него и издеваться над ним, как это делает большинство повзрослевших детей. Он сильно зажмурился, — пусть смотрит, если только палочка захочет танцевать, — прошептал он и встал, растирая свои скрипучие колени.

Словно околдованные, Октавио и ребенок устали на трость.

Казалось, она танцевала сама по себе, оживляемая не только быстрым и изящным движением рук Виктора Джулио, но также и ритмичным топотом его ног, его хриплым и все же мелодичным голосом, которым он пел детские стишки.

Октавио опустил бак и сел на него, восхищаясь мастерством старика.

Виктор Джулио остановился на полуслове. Его трость упала на землю. С удивлением и ужасом он смотрел на щенка, лакавшего сок отравленного мяса, который тихо сочился из бака.

Девочка подняла трость и подала ее Виктору Джулио, — я никогда не видела, чтобы ты ронял ее, — заметила она с беспокойством, — палочка устала?

Виктор Джулио положил дрожащую руку на ее головку и нежно погладил ее челку, — я возьму бабочку на прогулку, — сказал он, — а ты возвращайся в кроватку, пока твоя мама не нашла тебя здесь. Встретимся попозже на площади. Мы снова будем вместе собирать будущие слитки золота, — он поднял пухлого щенка на руки и сделал знак Октавио следовать за ним по улице.

Бродячие собаки уже не лежали перед закрытыми дверьми, но раскинув свои негнущиеся лапы, они валялись посреди пыльных переулков и их остекленевшие глаза пристально и тупо смотрели в пространство. По одной Октавио связывал их веревкой, которую Виктор Джулио вытащил из своего мешка.

Бабочка, все ее тело конвульсивно тряслось, извергала струйку крови на брюки старика. Он с отчаянием встряхнул ее головку, — что я скажу малышке? — прошептал он, связывая отравленного щенка с другими животными.

Они сделали два обхода, а затем утащили мертвых собак за окраину города, за дом Лебанесы, за пустые поля, вниз по сухому ущелью. Виктор Джулио прикрыл их грудой сухих веток, полил кучу керосином и поджег.

Собаки горели медленно, наполняя воздух запахом паленого мяса и шерсти.

Едва переводя дух, с легкими, забитыми копотью и дымом, двое мужчин выбрались из ущелья. Не в силах дальше продолжать путь, они рухнули под тень цветущей красным цветом акации.

Старик растянулся на твердой земле, еще прохладной после ночи. Его руки тряслись. Он закрыл глаза и попробовал успокоить свое дыхание в надежде, что это развеет боль, стеснившую его грудь. Он мечтал о сне; о сне, в котором теряешь себя.

— Пожалуй, я уйду, — сказал Октавио спустя некоторое время, — буду делать какую-нибудь другую работу.

— Останься со мной, — попросил старик, — мне надо рассказать ребенку о собаке, — он сел и умоляюще взглянул на Октавио, — ты можешь помочь мне.

Дети очень рано начинают бояться меня. Она одна из немногих, кто дружит со мной.

Ужасная пустота в голосе Виктора Джулио напугала Октавио. Он прислонился к стволу дерева и закрыл свои глаза. Он не мог больше видеть этот страх и отчаяние, отпечатанные на лице старика.

— Пойдем со мной на площадь. Пусть каждый узнает, что ты новый человек, — умоляюще просил Виктор Джулио.

— Я не останусь в этом городе, — грубо отрезал Октавио, — мне не нравится эта работа. Мне не нравится убивать собак.

— Вопрос не в том — нравится или не нравится, — заметил Виктор Джулио, — это вопрос судьбы, — он грустно улыбнулся, его взгляд скользнул в направлении города, — кто знает, может ты останешься здесь навеки, — прошептал он, снова закрыв свои глаза.

Тишину нарушил гул сердитых голосов. Внизу по дороге двигалась группа мальчишек под предводительством старшего сына Лебанесы. Они остановились в нескольких шагах от двух мужчин.

— Ты убил мою собаку, — зашипел сын Лебанесы и плюнул дюймом дальше ноги Виктора Джулио.

Опираясь на трость, старик поднялся на ноги.

— Почему ты так думаешь обо мне? — спросил он, пытаясь выиграть время. Его руки дрожали. Он нашарил в мешке бутылку рома и остолбенел от того, что она была пуста, не в силах вспомнить, когда же выпита последняя капля.

— Ты убил собаку, — повторял мальчик нараспев, — ты убил собаку, — проклиная и толкая его, мальчишки пытались вырвать его трость и джутовый мешок.

Виктор Джулио отступил назад. Размахивая своей тростью, он вслепую колотил насмешливых юнцов, — оставьте меня в покое! — закричал он дрожащими губами.

На мгновение напуганные его яростью, юноши притихли. Вдруг, словно только что заметив, что Виктор Джулио не один, они повернулись к Октавио.

— Кто ты? — кричал один из мальчишек, переводя взгляд от одного мужчины к другому, возможно оценивая результаты их обоюдного сговора, — ты со стариком? Ты его помощник?

Октавио не ответил. Взмахнув веревкой над своей головой, он защелкал ею перед собой, как хлыстом. Смеясь и вскрикивая, ребята пытались уклониться от прицельных ударов. Но когда некоторым из них веревка обожгла не только икры и бедра, но плечи и руки, они отступили назад.

Они ринулись за Виктором Джулио, который тем временем убегал к ущелью, где еще догорали собаки.

Старик оглянулся. От ужаса у него расширились зрачки, мальчишки были почти за его спиной. Они не казались ему людьми; они напоминали ему свору лающих псов. Он попробовал бежать быстрее, но жгучая боль в груди тормозила движения.

Мальчишки, поднимая гальку, бросали ее в него, просто подшучивая над ним. Но когда сын Лебанесы потянулся за большим камнем, остальные ребята постарались превзойти друг друга — в ход пошли большие осколки породы.

Один из них попал Виктору Джулио в голову. Он зашатался. Глаза его ничего не видели, земля уплывала из-под ног. Старик покачнувшись и свалился с обрыва.

Ветер донес из ущелья сдавленный крик. Запыхавшись, с лицами в полоску от пыли и пота, мальчишки стояли, глядя друг на друга. Затем, словно по какому-то сигналу, они бросились в разные стороны.

Октавио сбежал вниз по крутому склону и опустился на колени перед неподвижным телом Виктора Джулио. Он сильно встряхнул его. Старик открыл глаза. Дыхание слабеющими вспышками выходило из него. Голос был слабым, приглушенным звуком, — я знал, что конец близок, но думал, что это конец моей работы. Мне и в голову не приходило, что все закончится таким образом, — его зрачки блеснули странно яркими красками. Он пристально взглянул в глаза своего помощника. Жизнь ушла.

Октавио безумно встряхнул его, — иисус! Он мертв! — Октавио перекрестился и поднял свое вспотевшее лицо к небу. Несмотря на ослепительное сияние солнца, бледная луна была отчетливо различима. Он хотел помолиться, но не мог вспомнить ни одной молитвы. Единственный образ засел в его мысли — множество собак преследовало старика по полям.

Октавио почувствовал в своих руках нарастающий холод, его тело начала бить дрожь. Можно снова убежать в другой город, подумал он. Но тогда они заподозрят его в убийстве Виктора Джулио. Лучше оставаться некоторое время в городе, пока все не прояснится, решил он.

Октавио наблюдал за мертвецом. Затем, поддавшись порыву, он поднял трость Виктора Джулио, лежавшую рядом. Он погладил ее и потер прекрасно вырезанный набалдашник о свою левую щеку. Он почувствовал, что она всегда принадлежала ему. Стало интересно, сможет ли он когда-нибудь воспроизвести танец трости.

7.

Октавио Канту закончил свой последний сеанс лечения. Он взял свою шляпу и встал со стула. Я заметила, как сильно годы сдавили ему грудь и ослабили мышцы его рук. Облинявший пиджак и брюки на нем были на несколько размеров больше. Карман на правой стороне резко выпирал от большой бутылки рома.

— Вот так всегда, когда она заканчивает мое лечение, сон куда-то прячется, — прошептал он мне, продолжая смотреть своими ввалившимися бесцветными глазами на Мерседес Перальту, — сегодня я заболтался с тобой.

Никак не могу понять, почему ты так интересуешься мной.

Широкая улыбка разгладила его лицо, когда он поместил свою походную трость между большим пальцем и запястьем. Его рука замелькала взад и вперед с таким поразительным мастерством, что трость, казалось, подвесили в воздухе. Ни слова не говоря, он вышел из комнаты.

— Донья Мерседес, — тихо вскрикнула я, поворачиваясь к ней, — ты не спишь?

Мерседес Перальта кивнула, — я бодрствую. Я всегда бодрствую, даже когда сплю, — мягко сказала она, — это способ, которым я пытаюсь сдерживать свои прыжки вперед себя.

Я сказала ей, что с тех пор, как я начала беседовать с Октавио Канту, меня постоянно мучают изводящие вопросы. Мог ли Октавио Канту как-то уклониться и не встать на место Виктора Джулио? И почему он в такой полной мере повторяет жизнь Виктора Джулио?

— Это непроверяемые вопросы, — ответила донья Мерседес, — но лучше пойдем на кухню и спросим об этом Канделярию. У нее побольше ума, чем у нас обоих вместе. Я слишком стара, чтобы быть умной, а ты слишком образована.

С сияющей улыбкой она взяла меня за руку, и мы пошли на кухню.

Канделария, занятая тем, что скребла днища медных тарелок и горшков, не слышала и не видела нашего прихода. Когда донья Мерседес подтолкнула ее, она издала пронзительный и испуганный вопль.

Канделария была высокой, с покатыми плечами и широкими бедрами. Я не могла определить ее возраст. Она иногда выглядела на тридцать, а иногда на пятьдесят. Ее загорелое лицо было покрыто крошечными веснушками, расположенными так равномерно, что они казались нарисованными. Она выкрасила свои темные вьющиеся волосы в морковно-красный цвет и одела платье, сделанное из броско разрисованного ситца.

— Как? Что тебе надо в моей кухне? — спросила она с притворным раздражением.

— Музия одержима мыслями об Октавио Канту, — объяснила донья Мерседес.

— Бог мой! — вскричала Канделария. Когда она посмотрела на меня, ее лицо выражало искреннее потрясение, — но почему о нем? — спросила она.

Озадаченная ее обвиняющим тоном, я повторила вопросы, которые только что задала донья Мерседес.

Канделария засмеялась, — а я уж было забеспокоилась, — сказала она донье Мерседес, — музии такие странные. Я вспомнила ту Музию из Финляндии, которая пила стакан мочи после обеда для того, чтобы сбросить вес. А женщина, которая приехала из Норвегии, чтобы ловить рыбу в Карибском море?

Как я знаю, она так ничего и не поймала. Из-за нее перессорился весь экипаж судна. Тоже мне, взяли в море на свою голову.

Весело смеясь, обе женщины присели, — никто не знает, что у Музий в голове, — продолжала Канделария, — они способны на все, — она вновь захохотала, еще громче, чем прежде, а затем опять принялась скрести свои горшки.

— По-видимому, Канделарию очень мало заинтересовали твои вопросы, — сказала донья Мерседес, — я лично думаю, что Октавио Канту не мог избежать того, чтобы стать на место Виктора Джулио. У него было очень мало силы; вот почему он был схвачен тем, что таинственнее всего, о чем ты можешь сказать: это что-то более таинственное, чем судьба. Ведьмы называют это тенью ведьмы.

— Октавио Канту был очень молод и крепок, — внезапно заговорила Канделария, — но он слишком долго просидел в тени Виктора Джулио.

— О чем она говорит? — спросила я донью Мерседес.

— Когда люди угасают, особенно в момент их смерти, они связывают это таинственное нечто с другими людьми. Образуется непрерывная цепь, — объясняла донья Мерседес, — вот почему дети похожи на своих родителей. И те, кто присматривают за старыми людьми, следуют по пятам за своими подопечными.

Канделария заговорила снова, — октавио Канту слишком долго просидел в тени Виктора Джулио. И тень истощила его силы. Виктор Джулио был слаб, но, окрашенная им, его тень была очень сильной.

— Ты называешь тенью душу? — спросила я Канделарию.

— Нет, тень — это то, что имеют все люди, нечто более сильное, чем их души, — ответила она. По-видимому, мои вопросы ей надоели.

— Вот так, Музия, — сказала донья Мерседес, — октавио Канту слишком долго сидел на звене цепи — точке, где судьба связывает жизни вместе. У него не было сил уйти от этого. И, как сказала Канделария, тень Виктора Джулио истощила его силы. Поэтому каждый из нас имеет тень, сильную или слабую. Мы можем передать эту тень тому, кого любили, тому, кого ненавидели, или тому, кто просто оказался под рукой. Если мы не отдаем ее никому, она расползается вокруг после нашей смерти до тех пор, пока не исчезнет.

Я смотрела на нее, ничего не понимая. Она засмеялась и сказала: — я говорила тебе, что мне нравится быть ведьмой. Мне нравится способ, которым ведьмы объясняют события, даже сознавая то, что им трудно понять его.

Октавио нуждается во мне. Я облегчаю его бремя с помощью своих заклинаний. Он чувствует, что без моего вмешательства он повторит жизнь Виктора Джулио точь-в-точь.

Часть вторая.

8.

Я ожидала громких стуков и скрипов, которые оглашали по утрам весь дом каждый четверг, когда Канделярия начинала переставлять тяжелую мебель в гостиной. Шума не было и, подумав, уж не снится ли мне это во сне, я пошла по темному коридору в ее комнату.

Лучи солнечного света проникали сквозь щели в деревянных ставнях, открывающих два окна на улицу. Обеденный стол с шестью стульями, черный диван, обитое кресло, зеркальный кофейный столик и даже вставленные в рамы эстампы пасторальных ландшафтов и сцен корриды — все было на тех местах, куда их расставила Канделярия в прошлый четверг.

Я вышла во двор, где за кустами заметила Канделярию. Ее жесткие, курчавые, выкрашенные в красный цвет волосы были причесаны и украшены красивыми гребнями. Мерцающие зеленые кольца болтались в мочках ушей. Губы и ногти отливали глянцем и соответствовали цвету ее яркого ситцевого платья. Глаза почти скрывали веки. Это придавало ей мечтательный вид, который, однако, расходился с ее угловатыми чертами и решительными, почти резкими манерами.

— Зачем ты так рано поднялась, Музия? — спросила Канделярия.

Поднявшись, она поправила свою широкую юбку и низкий лиф, который открывал ее пышную грудь.

— Я не услышала, как ты двигаешь мебель, — сказала я, — может, ты забыла?

Не ответив, она заторопилась на кухню; ее свободные сандалии засверкали пятками, словно она бежала стометровку, — я сегодня ни с чем не справляюсь, — заявила она, остановившись на миг, чтобы всунуть ногу в свалившуюся сандалию.

— Я уверена, ты успеешь сделать все, — сказала я, — хочешь, я помогу тебе? — я разожгла дрова в печи и села за стол, посмотрев на часы, — всего семь тридцать, — отметила я, — ты отстаешь всего на полчаса.

В отличие от доньи Мерседес, которая была совершенно безразлична к любому распорядку, Канделярия делила свой день на дела, точно выверенные по времени. Для того, чтобы завтракать в одиночестве, она садилась за стол ровно в семь. В восьмом часу она натирала полы и вытирала пыль с мебели.

Ее высокий рост позволял ей, вытянув руки, доставать паутину в углах и пыль на притолоке. К одиннадцати часам у нас на плите уже кипел горшок с супом.

Как только это было выполнено, она начинала ухаживать за своими цветами. Поливая их, она начинала обходить патио, а затем двор, одаривая любовной заботой каждое растение. Ровно в два часа она принималась за стирку, даже если стирать надо было только одно полотенце. Погладив белье, она читала иллюстрированные романы. Вечером вырезала картинки из журналов и наклеивала их в фотоальбомы.

— Прошлой ночью здесь был крестный отец Элио, — прошептала она, — донья Мерседес и я проговорили с ним до рассвета, — она потянулась за ступкой и начала мешать белое тесто для маисовых лепешек, которые мы обычно ели за завтраком, — ему, наверное, лет восемьдесят. Он все еще не может прийти в себя после смерти Элио. Лукас Нунец обвиняет себя в смерти юноши.

— Кто такой Элио? — спросила я.

— Сын доньи Мерседес, — ответила тихо Канделярия, делая из теста круглые лепешки, — ему было всего восемнадцать, когда он трагически скончался. Это было давно, — она зачесала прядь волос за ухо, а затем добавила: — лучше не говори ей, что я рассказала тебе, что у нее был сын.

Она положила лепешки на жаровню и повернулась ко мне с дьявольской улыбкой на устах, — ты не веришь мне, а? — спросила она и тут же удержала меня от ответа, — сейчас я сосредоточусь на кофе. Ты же знаешь, как злится донья Мерседес, если он недостаточно крепок и сладок.

Я подозрительно посмотрела на Канделярию. У нее была привычка рассказывать мне необычайные истории о целителях, к примеру про то, как донья Мерседес была схвачена десантом нацистов во время второй мировой войны и находилась в плену на подводной лодке, — она лжет, — однажды сообщила мне по секрету донья Мерседес, — и даже, говоря тебе правду, она так ее преувеличивает, что та становится ничем не лучше лжи.

Канделярия, совершенно не заботясь о моих подозрениях, вытерла лицо передником, который она обвязала вокруг шеи. Затем быстрым и резким движением она повернулась и выбежала из

кухни, — следи за лепешками, — крикнула она из коридора, — я сегодня ни с чем не могу справиться.

Несмотря на шум передвигаемой мебели, который в этот четверг был громче, чем обычно, так как Канделярия спешила, Мерседес Перальта проснулась только в полдень.

Она нерешительно остановилась у дверей своей комнаты и прищурила глаза от яркого света. Постояв секунду, опираясь о косяк двери, она рискнула выйти в коридор.

Я бросилась к ней, взяла ее за руку, отвела на кухню. Ее глаза покраснели, она нахмурила брови и печально поджала свой рот. Меня заинтересовало, спит ли она ночами. Всегда могло оказаться, что Канделярия говорит правду.

По-видимому чем-то озабоченная, она критически осмотрела тарелку с лепешками и, не взяв ни одной, отломала два банана от грозди, висевшей на одном из стропил. Очистив их и насадив на щепку, она элегантно их съела.

— Канделярия хочет, чтобы ты повидала ее родителей, — сказала она, деликатно вытирая уголки рта, — они живут на холме, недалеко от плотины.

Прежде чем я успела сказать, что буду от этого в восторге, в кухню ворвалась Канделярия, — ты полюбишь мою маму, — убедительно заявила она, — она такая же маленькая и худая, как ты, и ест тоже целый день.

Я как-то не представляла себе, что у Канделярии есть мать. С восхитительными улыбками обе женщины слушали мои разъяснения о том, что я думаю об этом. Я уверяла их, что причислю некоторых людей, так сказать, к "безматеринскому" типу, причем с этим никак не связан ни возраст, ни их взгляды, но какое-то неуловимое качество, которое я не могла вполне объяснить.

Больше всего Мерседес Перальта была восхищена пояснением того, что оно не может создать какого-либо чувства. Она задумчиво смаковала кофе, затем посмотрела на меня.

— Может ты думаешь, что я родила себя сама? — спросила она. Донья закрыла свои глаза и сморщила рот, затем задвигала губами, как если бы сосала грудь, — или ты считаешь, что я вылупилась из яйца?

Она взглянула на Канделярию и серьезным тоном произнесла: — Музия совершенно права. Она хотела сказать, что ведьмы очень мало привязаны к своим родителям и детям. Однако они любят их со всей своей силой, когда стоят лицом к лицу с ними, и никогда, если те повернулись к ним спиной.

Мне стало интересно, боится ли Канделярия того, что я вспомню об Элио. Она отошла за спину доньи Мерседес и делала мне оттуда отчаянные жесты хранить молчание.

Донья Мерседес, будто прочитав наши мысли, посмотрела сначала на меня, а затем на Канделярию. Вздохнув, она обхватила руками свою кружку и выпила остатки кофе.

— Элио было всего несколько дней, когда его мать, моя сестра, умерла, — сказала она, посмотрев на меня, — я обожала его. Я любила его, как будто он был моим собственным ребенком, — она слабо улыбнулась и после короткой паузы продолжила свой рассказ об Элио. Она сказала, что никто не мог бы назвать его красивым. У него был широкий чувственный рот, плоский нос с большими ноздрями и дикие курчавые волосы. Но то, что делало его неотразимым одинаково и в юные годы, и с возрастом, так это его огромные черные и блестящие глаза, которые сияли от счастья и полного благополучия.

Донья Мерседес долго рассказывала об эксцентричных наклонностях Элио.

Хотя он и стал целителем подобно ей самой, он редко тратил время на мысли о лечении. Он был слишком занят встречами и проводами любви. В течение дня он беседовал с молодыми женщинами и девушками, которые приходили повидаться с ним. Вечером, с гитарой в руках, он пел серенады своим покровительницам. Еле живой, он возвращался домой только на рассвете.

Правда, бывали случаи, когда ему не везло в его любовных затеях. Тогда он приходил рано и развлекал ее остроумным пересказом своих неудач и успехов.

Я с нездоровым любопытством стала ожидать рассказа о его трагической смерти. И почувствовала разочарование, когда она взглянула на Канделярию и прошептала: — иди и принеси мой жакет. Ветер дует как раз с тех холмов, где живут твои родичи, — она встала и, опираясь на мою руку, прошла во двор, — сегодня Канделярия удивлена тобой, — по секрету сообщила она мне.

— У нее полным-полно восхитительных причуд. Если бы ты знала хотя бы половину из них, ты, вероятно, упала бы в обморок от потрясения, — донья Мерседес засмеялась легко, как ребенок, скрывающий чей-то секрет.

9.

Смех, хриплые голоса и звуки музыки из игрового автомата вырывались из небольших ресторанов и баров, которые в ряд выстроились на улице, ведущей из Курмины. За заправочной станцией на обочинах дороги появились крупные деревья. Переплетая свои ветви в форме арок, они создавали неестественную картину, возможную, казалось бы, только во сне.

Мы проезжали мимо одиноких лачуг, сделанных из тростника и обмазанных илом. Все они имели узкую дверь, несколько окон и соломенную крышу.

Некоторые из них были побелены, другие сохраняли грязно-песочный цвет. Под крышами, в непригодных более горшках и консервных банках, висели цветы, большей частью герань. Величавые деревья, пылающие золотым и кроваво-красным цветением, затемняли тщательно убранные дворы, где женщины стирали белье в пластмассовых тазах или развешивали его на кустах для просушки. Некоторые приветствовали нас улыбками, другие — еле заметным кивком головы. Дважды мы останавливались у придорожных лотков, где дети продавали фрукты и овощи со своих огородов.

Канделария, усевшись на заднем сидении моего джипа, указывала мне направление. Мы проехали скопление хижин на окраине небольшого городка и через минуту очутились в полосе тумана. Он был так плотен, что я едва могла видеть конец капота машины.

— О, господи, — начала молиться Канделария, — спустись и помоги нам выбраться из этого дьявольского тумана. Прошу тебя, Святая Мария, мать божья, приди и защити нас. Блаженный святой Антоний, милосердная святая Тереза, божественный дух святой, поспешите к нам на помощь.

— Лучше брось это, Канделария, — вмешалась донья Мерседес, — что, если святые на самом деле услышат тебя и ответят на твою мольбу? Как мы разместим их всех в этой машине?

Канделария рассмеялась и тут же запела песню. Снова и снова она повторяла несколько первых фраз арии из итальянской оперы.

— Тебе нравится? — спросила она меня, поймав в зеркале заднего обзора мой удивленный взгляд, — этому меня научил мой отец. Он итальянец. Ему нравится опера, и он учил меня ариям Верди, Пуччини и прочих.

Я взглянула на донью Мерседес, ища подтверждения, но она спала, откинувшись на сидении.

— Это правда, — настаивала Канделария, затем она пропела еще несколько строк из другой оперы.

— Как, ты их знаешь? — спросила она после того, как я правильно угадала названия опер, отрывки из которых она напевала, — твой папа тоже был итальянцем?

— Нет, — засмеялась я, — он немец. На самом деле я ничего не смыслю в опере, — призналась я, — единственно, что в меня пытались вдолбить — это то, что Бетховен почти полубог. Каждое воскресенье, покуда я жила дома, мой отец играл симфонии Бетховена.

Туман поднялся так же быстро, как и появился, открывая цепь за цепью голубоватые горные пики. Казалось, что они протянулись в бесконечность, поперек пустоты воздуха и света. Следуя указаниям Канделарии, я свернула на узкую грунтовую дорогу, ширины которой едва хватило для моего джипа.

— Это здесь, — взволнованно закричала она, указывая на двухэтажный дом в конце улочки. Побеленные стены пожелтели от времени, а красная черепица посерела и обросла мхом. Я остановилась, и мы вышли из машины.

В окне второго этажа показался старик, одетый в потертую майку. Он махнул нам рукой, затем исчез, и его громкий возбужденный голос зазвенел в тишине дома: — Рорэма! Ведьмы прикатили!

Едва мы дошли до парадной двери, как маленькая морщинистая женщина выбежала приветствовать нас. Улыбаясь, она обняла Канделарию, а затем и донью Мерседес.

— Это моя мать, — гордо сказала Канделария, — ее зовут Рорэма.

После некоторых колебаний Рорэма обняла и меня. Она была одета в длинное черное платье. Удивительны были ее черные густые волосы и блестящие глаза птицы. Она провела нас через темный вестибюль, где неяркий огонек освещал образ святого Иосифа, и, сияя от удовольствия, пригласила следовать за собой на широкую галерею, окружавшую внутреннее патио.

Лимонные деревья бросали приятную тень в открытую гостиную и просторную кухню.

Мерседес Перальта шепнула что-то Рорэме и пошла по коридору в заднюю часть дома.

На миг я нерешительно остановилась, затем вместе с Канделярией и ее матерью поднялась по каменной лестнице на второй этаж, пройдя ряд спален, выходящих на широкий балкон, который протянулся на всю длину патио.

— Сколько у вас еще детей? — спросила я, когда мы прошли пятую дверь.

— У меня есть только Канделярия, — жесткие морщинки на лице Рорэмы стали еще резче, когда она улыбнулась: — но внука из Каркаса часто приезжает сюда провести свой отпуск.

Ошеломленная, я повернулась к Канделярии и посмотрела в ее черные внимательные глаза, в которых едва различались озорные огоньки, — я не знала, что у тебя есть ребенок, — сказала я, заинтригованная мыслью, знает ли об этом донья Мерседес. И все же было какое-то разочарование.

— Как же я могу иметь ребенка? — возмущенно сказала Канделярия, — я девушка.

Я расхохоталась. Ее заявление означало, что она не только незамужняя, но и девственна до сих пор. Надменное выражение на ее лице не оставляло сомнения, что она очень гордится этим фактом.

Канделярия перегнулась через перила, затем повернулась и взглянула на меня, — я никогда не говорила тебе, что у меня есть брат. Вернее, он мне брат лишь наполовину. Он намного старше меня и родился в Италии. Как и мой отец, он приехал в Венесуэлу в поисках счастья. Сейчас он богат и владеет строительной компанией.

Рорэма утвердительно кивнула головой, — у ее полубрата восемь детей.

Они любят проводить лето здесь, с нами, — добавила она.

Внезапно сменив настроение, Канделярия рассмеялась и нежно обняла свою мать, — вообрази! — воскликнула она, — музья не могла представить себе, что у меня есть мать, — с проказливой улыбкой она добавила: — и что еще хуже — она не верит, что у меня есть итальянский папа!

Немедленно одна из дверей спальных комнат открылась и старый мужчина, которого я видела в окне, вышел на балкон. Довольно низкорослый, с резкими угловатыми чертами, он сильно походил на Канделярию. Старик, видно, одевался в спешке. Его рубашка была застегнута косо, кожаный ремень выскочил из петли, а шнурки на ботинках были развязаны. Он обнял Канделярию.

— Гвидо Микони, — представился он и извинился, что не встретил нас у двери, — малышкой Канделярия была такой же симпатичной, как и Рорэма, — сказал он, удерживая свою дочь в жарких объятиях, — но повзрослев, она стала точной копией меня.

Очевидно разделяя какую-то общую шутку, они весело захохотали. Сделав утвердительный кивок, Рорэма взглянула на мужа и дочь с восхищением. Она взяла меня под руку и повела на первый этаж, — пойдём, присоединимся к донье Мерседес, — продолжала она.

Громадный двор был обнесен колючей изгородью. В самом дальнем конце стояла открытая хибара с соломенной крышей. В гамаке, привязанном к поперечным балкам хибары, сидела Мерседес Перальта. Она с наслаждением пробовала самодельный сыр Рорэмы.

Гвидо Микони нерешительно встал перед доньей Мерседес; казалось, он не знал, пожать ли ей руку или обнять ее. Она улыбнулась ему, и он заключил ее в объятия.

Мы все расположились вокруг гамака, а Рорэма села рядом с Мерседес Перальтой. Она задавала ей вопросы обо мне, а донья Мерседес отвечала на них так, как будто меня здесь не было вообще.

Некоторое время я слушала их беседу, но вскоре жара, неподвижность воздуха, голоса женщин и Гвидо Микони перемешались, я слабо хихикнула и опустилась на землю. Должно быть, меня одолел сон. Спустя некоторое время донья Мерседес разбудила меня и отослала к Канделярии, помогать ей готовить обед. Я и не заметила, что Канделярия и ее отец уже покинули нас.

В глубине дома, с одной из спален, густой спокойный голос шептал заклинания. Испугавшись, что Канделярия развлекает отца моими магнитофонными записями целительных сессий, я заторопилась на верхний этаж. В прошлый раз, прослушивая записи, она полностью стерла целую кассету, нажав не ту кнопку.

Я резко остановилась у полуоткрытой двери. Затаив дыхание, я следила за тем, как Канделярия массирует своему отцу спину и плечи, тихо напевая заклинания. И что-то было в этом — сосредоточенные и, тем не менее, красивые движения рук — что напоминало мне Мерседес Перальту. Мне стало ясно, что Канделярия тоже была целительницей.

Вскоре, окончив массаж, она повернулась ко мне. Забавные искорки горели в ее глазах, — донья Мерседес уже рассказала тебе обо мне? — интонации ее голоса были до странности нежными, я никогда прежде не слышала такого от нее, — она говорит, что я родилась ведьмой.

В моем мозгу закружилось такое множество вопросов, что я просто не знала, с чего начать.

Канделария, поняв мое замешательство, пожала плечами, не зная, чем мне помочь.

— Пойдем готовить обед, — предложил Гвидо Микони, спускаясь по ступенькам.

Мы с Канделарией последовали за ним. Внезапно он повернулся ко мне лицом, — мерседес Перальта права, — сказал он, затем склонил голову и пристально осмотрел пятнистую тень от агавы, отброшенную солнцем на кирпичи патио. Некоторое время он стоял, встряхивая головой, словно не знал, что ему говорить и делать дальше.

Он вновь взглянул на меня, и слабо улынувшись, начал расхаживать по патио, его руки слегка задевали цветы и листву, его взгляд был рассеян.

— Это необычная история, — обратился он ко мне взволнованным голосом, в котором явно чувствовался его итальянский акцент, — канделария говорит, что донья Мерседес хочет, чтобы я рассказал ее тебе. Ты же знаешь, что тебе здесь рады. Я надеюсь, ты будешь приезжать к нам почаще и мы сможем беседовать друг с другом.

Я была в полном недоумении. Надеюсь получить какое-нибудь объяснение, я взглянула на Канделарию.

— Мне кажется, я знаю, что хочет сделать с тобой донья Мерседес, — сказала Канделария, — взяв мою руку, она повела меня на кухню, — ее судьба похожа на твою, но она не может передать тебе свою тень, так как она предназначена для одного человека и будет отдана мне.

— О чем ты говоришь? — спросила я.

— Я ведьма, — ответила она, — и я иду по стопам доньи Мерседес. Лишь следуя по стопам духовного наставника-целителя, ты сможешь стать целительницей сама. Это — то, что называют соединением, звеном. Донья Мерседес уже говорила тебе, что ведьмы называют это тенью.

— Тени истинны для всех, — продолжала она, — и здесь бывает только один наследник, кто получает реальное знание. Виктор Джулио имел реальное знание об умерщвлении собак и невольно передал его по цепочке Октавио Канту. Поэтому я говорю тебе, что Октавио слишком долго просидел в тени Виктора Джулио, и что донья Мерседес передает мне свою тень. Позволяя обычным людям рассказывать тебе свои истории, она пытается подставить тебя на мгновение под тень всех этих людей, так чтобы ты почувствовала, как вертится колесо случая и как ведьмы помогают этому колесу вращаться.

Я безуспешно пыталась объяснить ей, что ее заявления ввергли меня в глубочайшее замешательство. Она смотрела на меня светлым доверчивым взглядом.

— Когда в дело вмешивается ведьма, мы говорим, что это тень ведьмы вращает колесо случая, — задумчиво сказала она; затем, секунду помолчав, добавила: — история моего отца подойдет тебе, но я не хочу быть с вами, когда он начнет рассказывать тебе ее. Он стесняется меня, поэтому я могу помешать, — она обернулась к своему отцу и засмеялась. Ее смех, как хрустальный взрыв, закружился эхом по всему дому.

Проведя ночь без сна, Гвидо Микони сел на кровать и задумался, скоро ли кончится ночь и сколько еще продлится безмятежный сон Рорэмы. На его лице промелькнуло озабоченное выражение, когда он окинул взглядом ее голое тело, темное на фоне белой простыни, ее лицо, скрытое под спутанной массой волос. Он нежно убрал волосы. Она улыбалась. Ее глаза слегка приоткрылись, блеснув между густых, коротких ресниц, но она не проснулась.

Стараясь не разбудить ее, Гвидо Микони поднялся и выглянул в окно.

Почти рассвело. В ответ на пение пьяницы, бредущего по улице, в соседнем дворе залаяла собака. Затем шаги и пение удалились и затихли. Собака заснула.

Гвидо Микони отошел от окна и, присев, достал из-под кровати небольшой чемодан, который там прятал. Ключом, который он носил на цепочке на шее вместе с медальоном девы Марии, он открыл замок и нашарил широкую кожаную сумку, засунутую между сложенной одеждой. Странное чувство, почти предчувствие поколебало его на миг. Он не стал завязывать сумку вокруг талии, как думал раньше. Вместо этого он вытащил из нее тяжелый зеленый браслет и, положив его на подушку рядом с Рорэмой, засунул сумку обратно в чемодан.

Он плотно закрыл свои глаза. Его ум вернул назад тот день, когда он, прельщенный возможностью хорошо заработать, эмигрировал в Венесуэлу почти двадцать лет назад. Тогда ему было всего двадцать шесть лет. Уверенный, что жена и двое детей вскоре присоединятся к нему, первые несколько лет он оставался в Каркасе. Откладывая деньги, он жил в дешевых гостиницах, поближе к строительным объектам, на которых работал. Каждый месяц он посылал часть своих сбережений домой.

Несколько лет спустя он наконец понял, что его жена сюда не приедет.

Он уехал из Каркаса и стал работать на периферии. Письма из дома доходили до него все реже и реже, а затем перестали приходить вообще. Он перестал отсылать деньги, и по примеру многих своих товарищей, начал откладывать жалование и скупать драгоценности. Ему хотелось вернуться в Италию богатым.

— Богатым, — прошептал Гвидо Микони, защелкивая кожаный ремень чемодана. Он задумался, почему это слово не вызывает больше привычного волнения.

Он взглянул на Рорэму, лежащую в постели. Ему уже будет не хватать ее. Воспоминания перенесли его почти на десятилетие, к тому дню, когда он впервые увидел Рорэму во внутреннем дворе своей дешевой гостиницы, где он разогревал на примусе спагетти. У нее были ввалившиеся глаза, и платье, которое она носила, было слишком велико для ее худого маленького тела; ее можно было спутать с одним из тех подростков, которые приходили сюда посмеяться над иностранцами, особенно над итальянскими строительными рабочими.

Но Рорэма приходила сюда не для того, чтобы потешаться над итальянцами. Днем она работала в пансионе, а ночью за несколько монет делила постель с мужчинами. На досаду своим подругам она преданно привязалась к Гвидо и даже отказалась спать с кем-либо еще, не соглашаясь ни на какие деньги. Однако однажды она исчезла. Никто не знал, где ее искать, никто не знал, куда она ушла.

Пять лет спустя он вновь увидел ее. По какому-то необъяснимому капризу, вместо того, чтобы вывести команду к казармам на то место, где они строили фабрику и фармакологическую лабораторию, он поехал на автобусе в город. Здесь на автобусной станции, как будто ожидая его, сидела Рорэма.

Прежде чем он полностью оправился от неожиданности, она позвала маленькую девочку, которая играла неподалеку, — это Канделярия, — заявила она и невинно улыбнулась, — ей четыре года, и она твоя дочь.

Было какое-то безудержное ребячество в ее голосе, в ее выражении лица. Он не смог сдержать смеха. Слабая и тонкая, Рорэма выглядела скорее сестрой, а не матерью ребенка, стоящего рядом с ней.

Канделярия молчаливо смотрела на него. Затаенное выражение ее темных глаз было выражением старого человека. Она была довольно высока для своего возраста. Ее лицо было так серьезно, что его нельзя было назвать детским.

Но оно тут же стало симпатичной детской мордашкой, когда Канделярия вернулась к своей игре. Когда же она посмотрела на него опять, проказливый лучик блеснул в ее глазах, — идем домой, — сказала она, взяв его за руку и потянув за собой.

Не в состоянии сопротивляться твердому давлению ее крошечной ладони, он пошел с ней по главной улице на окраину города. Они остановились перед небольшим домом, окруженным рядами колосьев, по которым волнами перекашивался ветерок. Цементные блоки были нештукатурены, а рифленые цинковые листы на крыше были закреплены на месте большими камнями.

— Наконец-то Канделярия привела тебя сюда, — заявила Рорэма, принимая у него из рук небольшой чемоданчик, — а я уже почти перестала верить, что она родилась ведьмой, — она позвала его внутрь небольшой передней, которая переходила в широкую комнату, пустую, если не считать трех стульев, расставленных у стен. Ступенькой ниже находилась спальня, разделенная занавеской на две части. В одной из них под окном стояла двуспальная кровать, на которую Рорэма бросила его чемодан. На другом краю комнаты висел гамак, где, по-видимому, спала малышка.

Следуя за Рорэмой, он прошел по короткому коридору на кухню и сел у деревянного стола, который стоял посреди комнаты.

Гвидо Микони взял руки Рорэмы в свои и, как ребенку, начал объяснять, что в город его привела не Канделярия, а плотина, которую будут строить на холмах.

— Нет, это только на поверхности так. Ты пришел, потому что Канделярия привела тебя сюда, — пробормотала Рорэма, — и вот ты гостишь у нас. Не так ли? — видя, что он молчит, она добавила, — Канделярия родилась ведьмой, — круговым взмахом руки Рорэма указала на комнату, дом и двор, — все это принадлежит ей. Ее крестная мать, знаменитая целительница, подарила ей все это, — она снизила голос и зашептала: — но не этого она хотела. Она хотела тебя.

— Меня! — повторил он, встряхнув озадаченно головой. Он никогда не лгал Рорэме о своей семье в Италии, — я верю, что ее крестная мать прекрасная целительница. Но родиться ведьмой! Это чистейший вздор. Ты же знаешь, что когда-нибудь я вернусь к семье, которую оставил.

Непривычная нервная улыбка пробежала по лицу Рорэмы, когда она достала кувшин и поставила на стол изогнутый бокал. Она наполнила его и протянула ему, добавив: — Микони, эта тамариндовая вода была околдована твоей дочерью Канделярией. Если ты выпьешь ее, ты навсегда останешься с нами.

Секунду он колебался, а затем захохотал: — хитрости ведьм — это ерунда и суеверие, — одним долгим глотком он осушил бокал, — это лучший напиток, который я когда-либо пил, — отметил он, протягивая бокал за следующей порцией.

Слабый кашель дочери прервал его воспоминания. Он вышел на цыпочках в другую часть разделенной комнаты и с тревогой склонился над спящей в гамаке Канделярией. Грустная улыбка тронула его губы, когда он посмотрел в ее маленькое лицо, в котором так часто пытался обнаружить сходство с собой. Он ничего не видел. Как ни странно, бывали случаи, когда девочка заставляла его задуматься о своем дедушке. Здесь не было большого сходства, но скорее настроение, определенный жест, сделанный ребенком, напоминал то, что когда-то пугало его.

У нее была та же самая мягкость животного, что и у старика. Она лечила любого осла, корову, козла, собаку или кошку. Она фактически уговаривала птиц и бабочек садиться на ее вытянутые руки. Его дед имел тот же дар. В маленьком городе Калабрии люди называли его святым.

Было что-то святое или нет в Канделярии, он не слишком в это верил.

Однажды после полудня он нашел ребенка во дворе, лежащей на животе. Ее подбородок упирался в сложенные руки. Она беседовала с болезненным на вид котом, который свернулся калачиком в нескольких дюймах от нее. Кот, казалось, отвечал ей. Он не издавал явных звуков, но короткое пыхтение страшно напоминало смех пожилого человека.

Мгновенно почувствовав его присутствие, и кот, и Канделярия подпрыгнули в воздух, будто какая-то невидимая нить подкинула их. Они приземлились прямо перед ним с жуткими ухмылками на их лицах. Он растерялся; на какой-то миг их черты, казалось, были наложены друг на друга. Он не мог решить, чье лицо кому принадлежит. С того самого дня он понял, почему Рорэма всегда говорила, что Канделярия ведьма, а не святая.

Тихо, чтобы не разбудить ребенка, Гвидо Микони ласкал ее щеку, затем он вышел на цыпочках в небольшую прихожую, слабо освещенную керосиновой лампой. Он потянулся за своим пиджаком, шляпой и туфлями, приготовленными заранее еще вечером, и оделся. Поставив лампу у зеркала, он критически осмотрел свое изображение. Обветренное лицо 46-летнего мужчины, слегка худощавое, было все еще наполнено той неистощимой энергией, которая позволила ему пройти сквозь годы изнурительного труда. Его волосы с прожилками седины были по-прежнему густы, а ясные коричневые глаза ярко блестели под косматыми бровями.

Осторожно, стараясь не наступить на собаку, которая во сне скулила и перебирала ногами, он вышел на улицу. Прислонясь к стене, он подождал, пока его глаза привыкнут к темноте. Вздохнув, он проводил взглядом ранних труженников, идущих на работу. Они словно призраки скользили в пустоте предрассветной тьмы.

Вместо того, чтобы пойти на южный конец города, где строителей плотины ожидал грузовик, Микони направился на рыночную площадь. Там останавливался автобус на Каркас. Слабый свет внутри автобуса очерчивал фигуры нескольких пассажиров, дремавших на своих местах. Он прошел в самый конец и, поднимая чемодан на багажную полку, увидел тень через грязное стекло автобуса. Черная и огромная, она стояла напротив белой церковной стены. Он не знал, что заставило его подумать о ведьме. И хотя он не был верующим, его губы тихо зашептали молитву. Тень растворилась в слабом облаке дыма.

Наверное, ослепительные лампы на площади сыграли шутку с его глазами, подумал он. Рорэма и Канделярия объяснили бы это по-другому. Они бы сказали, что он видел одно из тех ночных существ, которые бродят по ночам.

Существо, которое никогда не оставляет следов, и лишь таинственными сигналами оно сообщает о своем присутствии и исчезновении.

Голос контролера вмешался в его мысли. Микони оплатил свой проезд и спросил, как лучше проехать в порт Ла Гуэйра, а затем закрыл глаза.

Дребезжа и покачиваясь, автобус пересек долину и медленно поднялся на пыльную извилистую дорогу. Микони прильнул к окну, рассматривая все в последний раз. Отступающие пятна крыш и белая церковь с колокольной проплыли перед его помутневшими от слез глазами. Как он любил звон этих колоколов! Он больше никогда не услышит их снова.

Отдохнув немного под неуловимой тенью цветущего миндального дерева, Гвидо Микони прошелся по площади и свернул на сонную, узкую улочку, которая кончалась кривыми ступеньками, вырезанными в холме. Он поднялся до середины и осмотрел порт. Ла Гуэйро —

город, зажатый между горами и морем; розовые, голубые и буро-желтые дома, церковные башни-близнецы и старая таможня, которая, как какой-то древний форт, врезалась в гавань.

Его повседневные экскурсии в это уединенное место стали необходимостью. Только здесь он чувствовал себя в безопасности и покое.

Иногда он проводил здесь несколько часов, наблюдая, как швартуются большие корабли. По флагам и цвету дымовых труб он пытался угадать, какой стране они принадлежат.

Его еженедельные визиты в контору судоходства этого города были так же необходимы для его благополучия, как и это наблюдение за судами. Прошел месяц с тех пор, как он оставил Рорэму и Канделярию, а он все еще не мог решить, вернуться ли ему в Италию напрямик или проездом через Нью-Йорк.

Или последовать совету мистера Гилкема из судоходной конторы: сесть на один из немецких сухогрузов, плывущих через Рио, Буэнос-айрес, через Африку в Средиземное море и посмотреть на мир. Но какими бы заманчивыми ни были его возможности, он не мог заставить себя заказать обратный билет в Италию. Он не понимал, почему. Хотя в глубине души он знал причину.

Он поднялся на вершину холма и свернул на узкую извилистую тропинку, ведущую к пальмовой рощице. Он сел на землю, прислонив спину к стволу, и начал обмахивать себя шляпой. Тишина была абсолютной. Пальмовые листья неподвижно обвисли. Даже птицы парили без каких-либо усилий, словно падающие листья, подколотые к безоблачному небу.

Он услышал отдаленный смех, эхом отозвавшийся в тишине. Вздвогнув, он оглянулся. Звенящий звук напомнил ему смех его дочери. Внезапно ее лицо материализовалось перед его глазами. Мимолетный образ, бестелесный, плывущий в каком-то слабом свете; ее лицо, казалось, было окружено нимбом.

Быстрыми, резкими движениями, словно стараясь стереть наваждение, Гвидо Микони замахал своей шляпой.

Возможно, что Канделярия на самом деле родилась ведьмой, — размышлял он, — может ли ребенок действительно быть причиной его нерешительности с отъездом? — спрашивал он самого себя. Была ли она причиной его неспособности вспомнить лица жены и детей, оставшихся в Италии, как бы сильно он ни желал этого?

Гвидо Микони встал и обвел глазами горизонт. На секунду он подумал, что спит и видит огромный корабль, который появился словно мираж в дрожащем мареве раскаленного воздуха. Судно подходило все ближе и ближе, направляясь в гавань. Несмотря на расстояние, он ясно различал белую, красную и зеленую трубы.

— Итальянское судно! — закричал он, подбросив свою шляпу в воздух. Он был уверен, что теперь его наконец оставят чары Венесуэлы, Рорэмы и Канделярии, этих суеверных созданий, которые читают приметы по полету птиц, движению теней, направлению ветра. Он счастливо улыбнулся. Это судно, входящее в гавань, было прекрасным чудом, было его освобождением.

В волнении он несколько раз оступился, сбегая вниз по кривым ступенькам. Он помчался мимо старых колониальных домов. Не останавливаясь, он мельком услышал плеск воды в фонтанах, пение птиц в клетках, вывешенных у открытых окон и дверей. Он бежал в контору судоходства. Он бежал, чтобы купить билет в этот же день.

Его резко остановил детский голос, назвавший его полное имя.

Преодолевая внезапное головокружение, он закрыл глаза и прислонился к стене. Кто-то схватил его за руку. Он открыл глаза, но увидел лишь черное пятно, маячившее перед ним. Он снова услышал голос ребенка, который звал его по имени.

Понемногу головокружение прекратилось. Все еще рассеянным взором он посмотрел на взволнованное лицо мистера Гилкема, голландца из конторы судоходства, — я не знаю, как здесь оказался, но мне надо поговорить с тобой, — заикаясь, проговорил Гвидо Микони, — с холма я увидел входящее в гавань итальянское судно. Я хочу немедленно купить билет на родину.

Мистер Гилкем недоверчиво покачал головой, — ты уверен в этом? — спросил он.

— Я хочу взять билет на родину, — по-детски настаивал Микони, — прямо сейчас! — под пристальным взглядом мистера Гилкема, красноречивым по смыслу, он добавил: — я в конце концов нарушу это заклятие!

— Конечно, ты сделаешь это, — мистер Гилкем одобряюще похлопал его по плечу, а затем направил к кассиру.

Подняв глаза, Гвидо Микони посмотрел на высокого худощавого голландца, который важно сидел за прилавком. Как обычно, мистер Гилкем был одет в белый льняной костюм и черные матерчатые сандалии. Челка седых волос, проросшая на одной стороне его головы, была

аккуратно зачесана и распределена по его голому черепу. Его лицо постарело от безжалостного солнца и, конечно же, от выпитого рома.

Мистер Гилкем вынул тяжелый грессбух и шумно опустил его на прилавок.

Он пододвинул стул, сел и начал писать, — есть некоторые люди, которые решили остаться здесь, — сказал он. Затем поднял свою ручку и указал ею на Микони, — и ты, мой друг, никогда не вернешься в Италию.

Гвидо Микони, совершенно не зная, что ему ответить, укусил свою губу.

Мистер Гилкем издал громкий хохот, который, зародившись в глубине его брюха, прорвался грохочущим болезненным звуком. Но когда он заговорил, его голос странно смягчился, — я просто пошутил. Я возьму тебя с собой на судно.

Мистер Гилкем сходил с ним в отель и помог собрать его вещи.

Уверившись, что он получил каюту, какую просил, и расплатившись, Микони распрощался с голландцем.

Немного обалдев, он озирался, заинтригованный тем, что на палубе итальянского судна, стоящего на якоре у девятого пирса, никого не было. Он поставил стул рядом со столиком на палубе, сел на него верхом и опустил лоб на деревянную спинку. Нет, он не сошел с ума. Он был на итальянском судне, повторял он сам себе, надеясь рассеять страх того, что вокруг никого не было. Сейчас, отдохнув немного, он спустится на другую палубу и докажет себе, что команда и остальные пассажиры находятся на корабле. Эта мысль вернула ему уверенность.

Гвидо Микони встал со стула и, опираясь на перила, посмотрел на пирс.

Он увидел мистера Гилкема, который замахал ему рукой, увидев его.

— Микони! — кричал голландец, — судно поднимает якорь. Ты уверен, что хочешь уехать?

Гвидо Микони прошиб холодный пот. Неизмеримый страх овладел им. Он очень хотел спокойной жизни рядом с семьей, — я не хочу уезжать, — закричал он в ответ.

— У тебя нет времени, чтобы вернуть свой багаж. Трап уже убрали.

Прыгай немедленно. Тебя поймают в воде. Если ты не прыгнешь сейчас, ты не сделаешь этого никогда.

Гвидо Микони колебался всего секунду. В его чемодане лежали драгоценности, которые он собирал годами, работая почти с нечеловеческим упорством. И все это будет утрачено? Он решил, что у него есть еще достаточно сил, чтобы начать все с начала, и прыгнул с перил.

Все слилось. Он собрался перед ударом о воду. Он не волновался, так как был хорошим пловцом. Но удара так и не последовало. Он услышал голос мистера Гилкема, громко сказавшего: — я думаю, этот человек в обмороке.

Автобус не поедет, пока мы не выведем его. Эй, кто-нибудь, подайте его чемодан.

Гвидо Микони открыл свои глаза. Он увидел черную тень на белой церковной стене. Он не знал, что заставило его подумать о ведьме. Он чувствовал, что его подняли и вынесли из автобуса. Потом пришло разрушительное понимание.

— Я никогда не смогу уехать. Я никогда не уезжал. Это был сон, — повторял он. Его мысли вернулись к драгоценностям в чемодане. Он был уверен, что тот, кто схватил чемодан, украл его. Но драгоценности больше не имели для него значения. Он уже потерял их на судне.

10.

В моей последней поездке к дому Гвидо Микони меня сопровождала Мерседес Перальта. Когда в конце дня мы собрались вернуться в город, Рорэма обняла меня и повела сквозь заросли тростника узкой тропой к небольшой поляне, обсаженной кустами юкки, чьи цветы, прямые и белые, напоминали мне ряды свечей на алтаре.

— Как тебе это нравится? — спросила Рорэма, указывая на грядки, укрытые редким навесом из тонких и сухих ветвей, который по углам поддерживался раздвоенными на концах шестами.

— Прямо как на картинке! — воскликнула я, осматривая поле, покрытое перистыми ростками моркови, малюсенькими листьями салата, сходными по форме с сердечками, и кружевными завитками веточек петрушки.

Сияя восторгом, Рорэма прогуливалась туда и обратно вдоль опрятно вспаханных рядов смежного поля, собирая на свою длинную юбку массу сухих листьев и веточек. Каждый раз указывая место, где она посадила салат, редис или цветную капусту, Рорэма поворачивалась ко

мне, ее рот изгибался в слабой воздушной улыбке, а хитрые глаза сверкали из-под полуприкрытых век, отражая огонек низкого послеполуденного солнца.

— Я знаю, что у меня есть прямое посредничество ведьмы, каким бы оно ни было, — внезапно воскликнула она, — и единственно хороший момент в этом то, что я знаю это.

Прежде чем я воспользовалась случаем расспросить ее подробнее, она подошла ко мне и обняла меня.

— Я надеюсь, ты не забудешь нас, — сказала она и отвела меня к джипу.

Мерседес Перальта крепко спала на переднем сидении.

В одном из окон второго этажа показался Гвидо Микони. Он сделал мне знак рукой, который был скорее манящим, чем прощальным.

Незадолго до того, как мы достигли Курмины, Мерседес Перальта зашевелилась. Она громко зевнула и рассеянно посмотрела в окно.

— Ты не знаешь, что на самом деле произошло с Гвидо Микони? — спросила она.

— Нет, — сказала я, — мне только известно, что Микони и Рорэма называют это вмешательством ведьмы.

Донья Мерседес захихикала, — это определенно было вмешательство ведьмы, — сказала она, — канделярия уже говорила тебе, что когда ведьмы вмешиваются во что-то, они говорят, что делают это своей тенью. Канделярия создала звено для своего отца; она создала ему жизнь во сне. Поскольку она ведьма, она вращала колесо случая.

Виктор Джулио тоже создал звено, и он тоже повернул колесо случая, но так как он не был магом, сон Октавио Канту — хотя он так же реален и нереален, как сон Микони — получился очень длинным и мучительным.

— Как Канделярия создала вмешательство?

— Некоторые дети, — объяснила донья Мерседес, — имеют силу желать чего-либо с огромной страстью долгий период времени, — она откинулась на свое сидение и закрыла глаза, — канделярия была таким ребенком. Она была рождена такой. Она желала возвращения своего отца, и желала этого, ни в чем не сомневаясь. Эта отдача, эта решимость и есть то, что ведьмы называют тенью. Это было той самой тенью, которая не могла позволить Микони уйти.

Мы проехали остаток пути в молчании. Мне хотелось переварить ее слова. Прежде, чем мы вошли в ее дом, я задала ей последний вопрос.

— Как мог Микони иметь такой подробный сон?

— Микони никогда не хотел уезжать, никогда, — ответила она, — поэтому он был открыт непоколебимому желанию Канделярии. Подробности сна сами по себе, однако, не являются частью вмешательства ведьмы, это было воображение Микони.

Часть третья.

11.

Когда что-то пощекотало мою щеку, я села и медленно подняла глаза к потолку, разыскивая гигантского мотылька. С тех пор, как я увидела его в рабочей комнате доньи Мерседес, я была одержима им. Каждую ночь мотылек размером в птицу появлялся в моих снах, трансформируясь в Мерседес Перальту. Когда я рассказала ей, что верю в свои сны, она высмеяла это, как плод моего воображения.

Я вновь опустила на свою смятую подушку. Уже погружаясь в сон, я услышала шарканье Мерседес Перальты, проходящей мимо моей двери. Я вскочила, оделась и на цыпочках выбежала в темный коридор. Тихий смех донесся из ее рабочей комнаты. Янтарное зарево горящих свечей просачивалось сквозь открытую, небрежно задернутую портьеру. Непреодолимое любопытство заставило меня взглянуть внутрь. За столом сидела Мерседес Перальта и мужчина, лицо которого было скрыто шляпой.

— Ты не хочешь присоединиться к нам? — крикнула донья Мерседес, — я только что говорила нашему другу, что вскоре ты придешь взглянуть на меня.

— Лион Чирино! — воскликнула я, как только он повернулся ко мне и приподнял край шляпы в знак приветствия. Мы познакомились во время моего неудачного участия в сеансе. Именно он организовывал встречи спиритов. Ему было около семидесяти-восемидесяти лет, но на его

темном лице было всего несколько морщин. У него были большие черные глаза и искрящиеся белые зубы, которым следовало бы быть желтыми от сигар. На его подбородке торчала щетина, но его седые, коротко стриженные волосы были безупречно причесаны. Его темный костюм, помятый и мешковатый, выглядел так, будто он спал в нем.

— Он работал как сумасшедший, — сказала донья Мерседес, словно читая мои мысли.

Хотя меня больше не приглашали на сеансы, Мерседес Перальта одобряла мои поездки к Леону Чирино. Иногда она сопровождала меня, иногда я ездил одна. Он был плотник по профессии, но его знание различных шаманских традиций, практикуемых в Венесуэле, было изумительным. Его интересовали мои изыскания, он часами изучал мои записи, отслеживая в процедурах магов индейские и африканские корни. Он знал всех спиритуалистов, ведьм и знахарей Венесуэлы восемнадцатого и девятнадцатого веков. Он говорил о них с такой искренней фамильярностью, словно желал, чтобы у меня сложилось впечатление, будто он знает их лично.

Голос Мерседес Перальты бесцеремонно оборвал мои воспоминания, — ты не хотела бы поехать с нами, чтобы выполнить обещание? — спросила она.

Смущенная ее вопросом, я посмотрела сначала на нее, потом на него. Их лица мне ничего не сообщили.

— Мы уезжаем сейчас же, — сказала она мне, — у нас в запасе только ночь и день, — она встала и взяла меня за руку, — я подготовлю тебя для поездки.

Подготовка заключалась в следующем. Она спрятала мои волосы под тесную вязаную матросскую шапочку и вымазала мое лицо черной растительной пастой. Она заставила меня поклясться, что я ни с кем не заговорю и не буду задавать вопросов.

Игнорируя мое предложение воспользоваться джипом, Мерседес Перальта вскарабкалась на заднее сидение старого меркурия Леона Чирино. С мятыми бамперами и разбитой рамой, его машина выглядела так, словно ее вытащили со склада металлолома.

Прежде чем я рискнула спросить, куда мы едем, она велела мне залазить и присматривать за ее корзиной, наполненной лечебными травами, свечами и сигарами. Громко вздохнув, она перекрестилась и заснула.

Я не решалась заговорить с Леоном Чирино; вся его концентрация, казалось, шла на то, чтобы управлять машиной. Ближний свет едва освещал пятачок дороги перед нами. Слегка сгорбившись, он напряженно крутил баранку, словно этим как-то мог помочь машине пересекать темные холмы.

Когда она артачилась на крутых подъемах, он тихо уговаривал ее продолжать путь. Но под гору он выжимал из машины все, проходя повороты в темноте на безрассудной скорости, так что я заволновалась за наши жизни. Сумерки врывались сквозь неостекленные окна и щели в картоне, который скрывал ржавые дыры в полу.

Торжественно улыбаясь, он наконец резко остановился и погасил передние фары. Донья Мерседес зашевелилась на заднем сиденье.

— Мы приехали, — мягко сказал Леон Чирино.

Мы вышли из машины. Стояла темная безоблачная ночь. На небе не было ни одной звезды. Прямо перед нами что-то протянулось черной полосой. Я неловко шагнула и ухватилась за донью Мерседес, у которой, казалось, никаких проблем видеть в темноте не было.

Леон Чирино взял меня за руку и повел. Я услышала около себя приглушенный смех. Здесь явно были другие люди, которых я пока не могла видеть.

Наконец, кто-то зажег керосиновый фонарь. В слабом дрожащем свете я различила силуэты четырех мужчин и доньи Мерседес, сидящих кругом. Леон Чирино отвел меня на несколько шагов от группы. Я чувствовала полный упадок сил. Он помог мне сесть, прислонив меня к какой-то глыбе, торчащей из земли, затем подал фонарь и проинструктировал, как держать его и освещать то, что скажут. Затем он дал мне две солдатские кружки; та, что побольше, была наполнена водой, в другой был ром. Я должна была подавать их мужчинам по их просьбе.

Молча и без усилий двое мужчин начали копать мягкий грунт, аккуратно возводя у ямы кучу земли. Прошло по крайней мере полчаса, прежде чем они остановились и потребовали ром. Пока они пили и отдыхали, Леон Чирино и другой мужчина продолжали копать.

Так, сменяя друг друга, они работали, пили — кто ром, кто воду — и отдыхали. За час мужчины выкопали яму, в глубине которой спокойно мог спрятаться человек. Когда один из них ударил лопатой о что-то твердое, они перестали работать. Леон Чирино попросил меня осветить внутрь ямы, но не смотреть туда, — это он, — сказал один из мужчин, — теперь нам надо обкопать его, — он и его партнер присоединились к тем, кто находился в яме.

Я умирала от любопытства, но не смела нарушить своего обещания. Ах, если бы я только могла говорить с доньей Мерседес, которая сидела неподалеку от меня. Она была так неподвижна, что казалось, будто она в трансе.

Мужчины лихорадочно работали в яме. Прошло почти полчаса, прежде чем я услышала голос Леона Чирино, говорящего донье Мерседес, что они готовы открыть его.

— Музия, зажги сигару из моей корзины и дай ее мне, — приказала она.

— и принеси мне корзину.

Я зажгла сигару и уже хотела встать, чтобы принести ее ей, как Леон Чирино зашептал со дна ямы: — присядь, Музия! Присядь!

Я остановилась и передала сигару и корзину донье Мерседес.

— Не смотри в яму ни за что на свете! — шепнула она мне в ухо.

Я вернулась туда, где сидела, борясь с почти непреодолимым желанием посветить фонарем в яму. Я знала с абсолютной уверенностью, что они выкапывают сундук, полный золотых монет. Я даже могла слышать звук лопат, тупо ударяющих обо что-то, что казалось большим и тяжелым.

Очарованная, я смотрела, как донья Мерседес достала из своей корзины черную свечу и банку с черной пудрой. Она зажгла свечу, установила ее на землю возле ямы, затем приказала мне потушить фонарь.

Черная свеча источала жуткий свет. Донья Мерседес села у свечи.

Повинуясь какой-то произнесенной команде, мужчины по очереди высунули свои головы прямо перед ней. Каждый раз, когда возникала голова, она отсыпала небольшую порцию черного порошка в ладонь, а затем натирала им каждую голову. Вскоре, после того, как она управилась с головами, она намазала черным порошком руки мужчин.

Мое любопытство достигло предела, когда я услышала треск открываемой крышки.

— Мы достали ее, — сказал Леон Чирино, высунув свою руку из ямы.

Донья Мерседес подала ему банку с черным порошком, затем банку с чем-то белым, и после этого задула свечу.

Нас снова поглотила полнейшая тьма. Стоны и вздохи мужчин, вынимавших что-то из ямы, еще больше подчеркивали неестественную тишину. Я прижалась к донье Мерседес, но она оттолкнула меня.

— Все сделано, — прошептал Леон Чирино напряженным голосом.

Донья Мерседес вновь зажгла черную свечу. Я с трудом различила контуры трех мужчин, которые несли большой узел. Они положили его на кучу грунта. Я наблюдала за ними с такой увлеченностью, что чуть не упала в яму, услышав голос доньи Мерседес. Она приказала Леону Чирино, который все еще находился в яме, поскорее забить гвоздями то, что там было, и вылезать.

Леон Чирино появился сейчас же, и донья Мерседес массировала ему лицо и руки, в то время, как трое других мужчин, взяв лопаты, засыпали яму.

Когда они закончили работу, донья Мерседес поставила свечу в центр зарытой ямы. Леон Чирино бросил на нее последнюю лопату земли и погасил пламя.

Кто-то зажег керосиновый фонарь и мужчины немедленно продолжали свой труд; они утрамбовали землю так идеально, что никто не смог бы догадаться о произведенных раскопках. Я следила за ними все это время, но в последний миг все мое любопытство сфокусировалось на узле, завернутом в брезент.

— Теперь никто не узнает, — сказал один из мужчин и тихо засмеялся, — а сейчас надо уходить отсюда. Скоро начнет светать.

Мы подошли к узлу. Я освещала путь. Мне очень не терпелось узнать, что там такое. В попытках я налетела на узел, брезент соскользнул, приоткрыв часть женской ноги, одетой в черный ботинок.

Не в силах сдержать себя, я сдернула брезент и осветила раскрытый узел. В нем был труп женщины. Мой испуг и ошеломление достигли таких размеров, что я даже не закричала, хотя желала этого и прилагала к этому все силы. Все, что я смогла сделать, это каркнуть. Затем все в моих глазах потемнело.

Я залезла на заднее сидение машины Леона Чирино и уткнулась в колени доньи Мерседес. Она плотно прижала к моему носу платок, смоченный смесью нашатыря и розовой воды. Это было любимое средство доньи Мерседес. Она называла его духовной инъекцией.

— Я всегда знала, что ты трусиха, — отозвалась она и начала массировать мне виски.

Леон Чирино крутился вокруг, — ты очень смелая, Музия, — сказал он, — но у тебя еще нет сил, чтобы отступить. Тебе придется потерпеть. Несколько дней придется потерпеть.

Я не отзывалась. Мой испуг был слишком велик, чтобы можно было успокоиться. Я со злостью обругала их за то, что они не предупредили меня о своих действиях.

Донья Мерседес ответила, что все, сделанное ими, делалось преднамеренно, и частью их замысла была моя полная неосведомленность. Это давало им род защиты против осквернения могилы. Слабым местом оказался мой жадный интерес к тому, что было под брезентом.

— Я говорила тебе, что мы приехали выполнить обещание, — сказала мне донья Мерседес, — мы закончили первую часть — выкопали труп. Теперь мы должны похоронить его снова, — она закрыла свои глаза и заснула.

Я пересела на переднее сиденье.

Тихо напевая, Леон Чирино поехал по грунтовой дороге к побережью.

Было уже утро, когда мы достигли заброшенной кокосовой рощи.

Почувствовав запах морского бриза, Мерседес Перальта проснулась. Она громко зевнула и выпрямилась. Высунувшись в окно, она, казалось, вдыхала плеск дальних волн.

— Вот хорошее место для остановки, — заявил Леон Чирино, притормозив в нескольких шагах от пальмового дерева, прямее и выше которого я еще не встречала. Казалось, что тяжелые серебристые листья подметают облака на темно-синем небе.

— Здесь поблизости находится дом Лоренцо Паза, — продолжал болтать Леон Чирино, помогая донье Мерседес выйти из машины, — прогулка пойдет нам на пользу, — улыбаясь, он подал мне ее корзину.

Мы пошли проторенной дорогой через густые заросли высокого бамбука, обрамлявшего ручей. Здесь было прохладно и темно, а воздух наполнялся зеленой прозрачностью листьев. Леон Чирино шагал впереди нас, его соломенная шляпа была сдвинута на глаза так, чтобы ее не унес ветер.

Мы догнали его на узком мосту. Опираясь на балюстраду из свежесрезанных шестов, мы немного отдохнули, наблюдая за группой женщин, стиравших белье. Из чьих-то рук выскользнула рубашка, и юная девушка прыгнула в воду, чтобы поймать ее. Тонкое платье вздулось воздушным пузырем, затем облепило ее грудь, живот и мягкий изгиб бедер.

Прямая грунтовая дорога по ту сторону моста вела к маленькой деревушке, в которую мы так и не зашли. Свернув на заброшенное маисовое поле, мы пошли вдоль оросительной канавы. Затвердевшие початки жалко обвисали шелухой на засохших стеблях; при слабых дуновениях ветра они издавали трескучее шуршание. Мы подошли к маленькому дому. Его стены были недавно покрашены, а черепичная крыша частично переделана. Банановые деревья, листья которых были почти прозрачны на солнечном свете, словно часовые стояли стеной перед дверью.

Дверь была приоткрыта. Без стука и отклика мы вошли в дом. На кирпичном полу, опираясь о стены, сидело несколько мужчин. Увидев нас, они в знак приветствия подняли наполовину наполненные ромом стаканы, а затем вновь продолжили беседу низкими, ленивыми голосами. В узкое окно врвался солнечный луч. Пыль, клубящаяся в нем, подчеркивала спертую духоту и острый запах керосина. В дальнем углу комнаты на двух упаковочных ящиках стоял открытый гроб.

Один из мужчин поднялся и, нежно взяв меня под локоть, подвел к гробу. Мужчина был небольшой, но крепко сложенный. Его седые волосы и морщинистое лицо указывали на ?????????? ?????????? ??? Что-то молодежливое было в изящном наклоне его скул и озорном выражении его красно-коричневых глаз.

— Взгляни на нее, — шепнул он, склоняясь над мертвой женщиной, лежавшей в грубом неокрашенном гробу, — видишь, как она еще красива.

Я едва сдержала крик. Это была та самая женщина, которую мы откопали прошлой ночью. Я подошла поближе и внимательно осмотрела ее. Несмотря на серо-зеленый цвет кожи, который не мог скрыть даже грим, в ней было что-то живое. Казалось, будто она улыбается своей собственной смерти. Ее тонкий нос венчали круглые очки без стекол. Яркие выкрашенные губы были полуоткрыты, обнажая прекрасные белые зубы. Ее длинное тело было завернуто в мантию, отделанную белым. На подставке лежала красно-черная деревянная маска дьявола, украшенная двумя угрожающе вывернутыми рогами барана.

— Она была очень красива и очень дорога для меня, — сказал мужчина, расправляя складку на мантии.

— Невероятно, как она еще красива, — согласилась я с ним. Боясь, что он перестанет говорить со мной, я не стала задавать ему вопросы.

С волнением продолжая расправлять красную мантию, он подробно рассказал мне о том, как они выкопали ее из могилы на кладбище вблизи Курмины и принесли в его дом.

Внезапно он взглянул на меня и понял, что я здесь посторонняя. Он осмотрел меня с любопытством.

— Ох, милая моя! Ну что я за хозяин? — воскликнул он, — я все говорю и говорю, а еще не предложил тебе ни еды, ни питья, — он взял меня за руку и представился: — я — Лоренцо Паз.

Я хотела сказать ему, что мне кусок в горло не полезет, но он быстро провел меня через узкий проход на кухню.

Здесь у керосиновой плиты хозяйничала Мерседес Перальта. Она размешивала какую-то стряпню из лекарственных растений, которые принесла с собой, — ты лучше похорони ее поскорее, Лоренцо, — сказала она, — не надо слишком долго держать ее над землей.

— Она еще хороша, — уверял ее мужчина, — я уверен, ее муж отвалил солидный куш тем, кто бальзамировал ее в Курмине. Для большей надежности я посыпал гроб негашеной известью, а ее тело обернул в ткань, пропитанную керосином и креозолом, — он умоляюще посмотрел на целительницу, — я должен быть уверен, что ее дух последует за нами.

Кивнув, донья Мерседес продолжала мешать свою стряпню.

Лоренцо Паз наполнил ромом две эмалированные кружки. Он подал одну мне, а другую — донье Мерседес, — мы похороним ее, как только она остынет, — пообещал он и вышел в другую комнату.

— Кем была эта мертвая женщина? — спросила я донью Мерседес и села на кипу сухих пальмовых листьев, сложенных у стены.

— Для тех, кто тратит большую часть своего времени на изучение людей, ты не очень наблюдательна, — заметила она, мягко улыбаясь, — я указывала тебе на нее несколько раз прежде. Она была женой фармацевта.

— Шведка? — ошеломлено спросила я, — но почему?., — конец моей фразы потонул в шумном хохоте мужчин в соседней комнате.

— Я думаю, они узнали, что ты была той, кто держал фонарь прошлой ночью, — сказала донья Мерседес и вышла в другую комнату посмеяться вместе с мужчинами.

Непривычная к спиртному, я почувствовала, что фактически засыпаю.

Голоса мужчин, их смех, а несколько позже ритмичный стук молотка доносились до меня как будто издалека.

12.

Ближе к вечеру мужчины ушли с гробом на кладбище, а я и донья Мерседес отправились в деревню.

— Интересно, где все люди? — спросила я. Кроме девчушки, стоявшей у дверей с голым карапузом на спине, и нескольких собак, лежавших в тени домов, на площади никого не было.

— На кладбище, — сказала донья Мерседес, направляясь через площадь к церкви, — сегодня день поминовения умерших. Люди приводят в порядок могилы своих покойных родственников и молятся за них.

Внутри церкви было прохладно и сумрачно. Последние нити солнечного света, дробясь цветными стеклами узких окон, падали вниз, освещая статуи святых в стенных нишах. Распятие в натуральную величину, с разорванной, вывернутой плотью и упавшей, кровоточащей головой, освещенной ярким светом, возвышалось на алтаре. Справа от распятия стояла статуя счастливой девы из Коромото, облаченной в голубую бархатную накидку с вышитыми звездами. Слева был косоглазый образ святого Иоанна, в узкополой шляпе и в красном фланелевом плаще, порванном и пыльном, небрежно наброшенном на его плечи.

Донья Мерседес потушила пламя семи свечей, горевших на алтаре, положила их в свою корзину и зажгла семь новых. Она закрыла глаза и, сложив руки, прочла длинную молитву.

Солнце едва мерцало за холмами, когда мы вышли из церкви. Малиновые и оранжевые облака, украшенные закатом, медленно тянулись к морю в золотистых сумерках. Когда мы пришли на кладбище, было уже темно.

Казалось, что здесь собралась вся деревня. Мужчины и женщины, присев возле могилы, молились тихими голосами, окруженные горящими свечами.

Мы прошли вдоль низкой кладбищенской стены к уединенному месту, где отдыхали Лоренцо Паз и его друзья. Они уже опустили гроб в землю и забросали его грунтом. Их лица, освещенные расположенными по кругу свечами, превратились в абстрактные маски, чьи призрачные формы скорее годились тем, кто был погребен под нами. Как только они заметили Мерседес Перальту, они ретиво бросились устанавливать крест в изголовье могилы.

Сделав это, они исчезли, быстро и беззвучно, как если бы их поглотила тьма.

— Сейчас мы вызовем сюда духа Бирджит Брицены, — сказала донья Мерседес, доставая из корзины семь свечей, которые взяла с церковного алтаря, и столько же сигар. Воткнув свечи в мягкий грунт на вершине могилы, она зажгла их и сунула в рот первую сигару, — следи внимательно, — шепнула она, передавая мне остальные сигары, — когда я выкурю ее, у тебя уже должна быть раскурена следующая.

Делая глубокие затяжки, она выпустила дым в четырех главных направлениях. Она сидела у могилы и непрерывно курила, шепча заклинания низким дребезжащим голосом.

Казалось, что табачный дым выходил не из ее рта, а прямо из-под земли. Тонко струясь, он окутывал нас облаком. Очарованная, я сидела возле нее, подавала сигару за сигарой и слушала ее мелодичное, но непонятное пение.

Когда она начала передвигать свою левую руку над могилкой, я придвинулась к ней поближе. Мне казалось, что она встряхивает трещоткой, но в руке у нее ничего не было видно. Я только слышала трескучий звук зерен или, возможно, мелкой гальки, которую она быстро перекачивала в руке. Крошечные искры, словно светлячки, выскакивали между ее сжатых пальцев. Она начала насвистывать странный мотив, который стал вскоре неотличим от шуршащего шума.

Из дыма выплыла высокая фигура, облаченная в длинную мантию и колпак.

Я прижала руку ко рту, заглушая нервный смех. Я считала, что еще нахожусь под воздействием рома и принимаю участие в каком-то трюке, который, возможно, является частью дневного праздника в память умерших.

Полностью поглощенная, я следила за фигурой, вышедшей из дымного круга и бредущей к кладбищенской стене. Взгляд задержался на грустной улыбке призрака. Я услышала мягкий смех, такой тихий и нереальный, что, возможно, он был лишь частью пения Мерседес Перальты.

Но голос стал громче. Звук, казалось, исходил из четырех углов могилы, каждая сторона повторяла слова эхом. Дым рассеялся; он поднялся к пальмовым листьям и исчез в ночи. Некоторое время донья Мерседес продолжала сидеть у могилы, что-то тихо бормоча. Ее лицо едва виднелось в свете догоравших свечей.

Она повернулась ко мне, на ее губах промелькнула улыбка.

— Я заманила дух Бирджит Брицены сюда, но не к ее могиле, — сказала она. Взяв мою руку, она встала.

Я хотела спросить ее о странном видении, но что-то в пустом выражении ее глаз заставило меня замолчать. Лоренцо Паз, прислонясь к огромному валуну, ожидал нас за кладбищем. Ни слова не говоря, он встал и последовал за нами по узкой тропе, ведущей к пляжу. Полумесяц ярко сиял на выбеленном плавнике, разбросанном по широкой полосе песка.

Донья Мерседес приказала мне подождать ее у ствола вырванного с корнем дерева. Она и Лоренцо Паз ушли на берег. Он снял свою одежду, вошел в воду и исчез в волнистом фосфоресцирующем седом покрывале, обшитом серебристыми тенями.

Он показался несколько раз на волне, блеснув в лунном свете, затем его вынесло на берег.

Мерседес Перальта достала из корзины банку и посыпала ее содержимым распростертую на песке фигуру. Встав на колени рядом с ним, она положила свои руки ему на голову и забормотала заклинания. Она нежно массировала ее, ее пальцы едва касались тела, наконец вокруг него показалось слабое свечение. Быстрыми рывками она покатила его из стороны в сторону, ее рука описывала в воздухе округлое движение. Казалось, что она собирала тени и обматывала их вокруг него.

Немного позже она вернулась ко мне, — дух Бирджит Брицены прилип к нему, как вторая кожа, — сказала она, садясь рядом со мной на ствол дерева.

Вскоре Лоренцо Паз, одевшись, подошел к нам. Донья Мерседес движением своего подбородка приказала ему сесть перед ней на песок. Поджимая губы, она издала несколько громких шлепающих звуков и своими быстрыми, короткими выдохами заставила вибрировать горло в приглушенном рычании.

— Пройдет много времени, прежде чем призрака Бирджит Брицены будет забыт, — сказала она, — процесс умирания длится некоторое время и после того, как тело предано земле. Умерший очень медленно теряет память о себе.

Она повернулась ко мне и приказала сесть на песок рядом с Лоренцо Пазом. Его одежда пахла дымом свечей и розовой водой.

— Лоренцо, — обратилась она к нему, — мне хочется, чтобы ты рассказал Музии историю о том, как ты околдовал Бирджит Брицену.

Он озадаченно посмотрел на нее, затем обернулся и взглянул на море; его голова слегка склонилась, казалось, что он выслушивает тайное послание от волн, — почему ей нравится слушать нелепые истории стариков? — спросил он ее, не обращая внимания на меня, — у Музии есть свои собственные истории. Я уверен в этом.

— Но это же я прошу тебя рассказать ей твою историю, — сказала донья Мерседес, — она рассматривает пути и способы, посредством которых колесо случая может быть повернуто человеком. В твоем случае объект, который повернул колесо, это ты, Лоренцо.

— Колесо случая! — сказал он грустным голосом, — я помню это, словно все случилось только вчера, — по-видимому, размышляя о чем-то, он потыкал гальку кончиком своего ботинка и вытянулся плашмя на песке.

Со своего кресла позади прилавка в тусклом, прокуренном баре Лоренцо наблюдал за группой мужчин, склонившихся за бильярдным столом над партией корнера. Он перевел взгляд на часы у камина, отмечавшие каждый час стеклянным перезвоном. Почти рассвело. Он уже хотел подняться и напомнить мужчинам о позднем времени, когда услышал шаркающие шаги Пэтры. Он опять быстро уселся. Злая усмешка пробежала по его лицу. Пусть посетителями занимается его тетушка. Никто в городе еще не избежал ее порицаний. Их слушали, не считаясь с тем, какими бы мерзкими и возмутительными они ни были.

— Этот чертов стук бильярдных шаров не дает человеку заснуть, — пожаловалась она хриплым голосом, едва только вошла в комнату, — вы не подумали о том, что вас ждут жены? Вы не думаете, что вам надо завтра идти на работу, как и всем добрым христианам? — не давая мужчинам прийти в себя от неожиданности, она продолжала в той же негодующей манере, — я знаю, что делается с вами. Вы уже сожалеете о том, что принесли эти языческие рождественские деревья в свои дома, что разрешили своим детям играть в рождественские игры.

Она перекрестилась и набросилась на одного из мужчин, — вот ты, мэр.

Как же ты можешь позволять такое? Неужели вы все обратились в протестантов?

— Упаси бог, Пэтра, — сказал мэр, крестясь, — не делай из мухи слона.

Какой вред в деревьях и играх? Посмотри, как детям это нравится.

Проворчав что-то неразборчивое, она хотела было уйти, но вдруг остановилась: — мне стыдно за дону Серапио! Он более чужд нам, чем истинные иностранцы. Мне стыдно за то, что он более чужой нам, чем даже его жена. Благодаря им большинство детей в городе не получит подарков трех волхвов шестого января, как то полагается каждому доброму христианину, — она достала на прилавок пачку сигарет, — сейчас они собирают их на рождество, — продолжала она, — называя каких-то типов Санта Клаусами. Это позор!

Прислонясь к двери, она угрожающе рассматривала мэра, не замечая, что сигарета из ее рта давно упала на пол. Она потянулась к полуоткрытой бутылке рома рядом с бильярдным столом и пропустила стаканчик, шепча что-то про себя.

Улыбнувшись, Лоренцо ясно вспомнил тот день, когда грузовик, нагруженный необычными ароматными деревьями, приехал в город. Дон Серапио, фармацевт, назвал их рождественскими елками. Он заказал их в Каркасе вместе с украшениями и пластинками европейских рождественских песен.

Не желая уступать друг другу, друзья дона Серапио вскоре последовали его примеру и, уплатив кучу денег за хрупкие деревья, выставляли их так, чтобы они были заметны в их жилых комнатах.

К большому огорчению старых родственников, живущих в этих домах, деревья ставили рядом, а то и прямо в тех местах, которые по традиции отводились для рождественских сцен.

Открывая окна, чтобы каждый прохожий мог заглянуть и услышать незнакомые мотивы "тихой ночи" и "танненбаума", женщины украшали тощие веточки стеклянными шарами, бусами, золотой и серебряной мишурой и снегом из ваты.

Шорох дребезжащей занавеси рассеял воспоминания Лоренцо. Он помахал рукой мужчинам, покидавшим бар, а затем принялся расставлять бутылки на полках. Его взгляд остановился на маске, засунутой за дешевые статуэтки богородиц, святых и страдающего Христа. Фигурки дарили бедные клиенты, которые не в силах были оплатить спиртное. Он вытащил маску. Это была маска дьявола с огромными рогами. Ее оставил приезжий из Каркаса. Он не смог оплатить заказанный стакан рома.

Прислушиваясь к тому, как Пэтра гремит горшками и кастрюлями на кухне, он поставил маску обратно на полку. Вместо того, чтобы запереть бар, он вытащил свое кресло-качалку на тротуар. Широкие ветви древних деревьев на площади резко вырисовывались на бледном предрассветном небе.

Он неторопливо раскачивался взад и вперед. Сквозь полуприкрытые веки он следил за стариками, которые, наверное, никогда не спали на рассвете.

Они сидели у своих дверей, беседуя и вспоминая поминутно детали прожитых дней с какой-то все возрастающей живостью.

Сквозь тишину плыла мелодия. Через улицу прямо на Лоренцо смотрела Бирджит Брицена, жена фармацевта. Это звучало ее радио. Ему стало интересно, проснулась ли она только что или тоже еще не ложилась.

Ее лицо было безупречно овальным. Уголки ее маленького, чувственного, прекрасного рта выражали вызов и нахальство. Ее желтые волосы оплетали голову косой, а холодные голубые глаза, казалось, блеснули, когда она улыбнулась ему.

Он кивнул ей в знак безмолвного приветствия. Он всегда немел в ее присутствии. С первого дня, как он увидел ее, она была для него идеалом красоты, — это из-за нее я прожил до сорока лет, так и не женившись, — подумал он. Для него все женщины были привлекательны и неотразимы, но Бирджит Брицена была более чем неотразима, она была действительно недостижима.

— Почему ты не зашел к нам вечером на рождественские игры? Сегодня вечером будет рождество Евы, — прокричала она через улицу.

Старики, дремавшие у своих дверей, внезапно оживились и повернули головы к владельцу бара. Нетерпеливо усмехаясь, они ждали его ответа.

До сих пор Лоренцо постоянно отказывался от приглашений донна Серапио.

Он не мог терпеть важного вида фармацевта. Ему претила его неуступчивость в попытках убедить всех знакомых и близких в том, что он самый влиятельный человек в городе, и что только он может служить примером цивилизованного человека.

Но каким несносным ни казался ему этот мужчина, Лоренцо не мог сопротивляться приглашению его жены. Громким голосом он пообещал Бирджит Брицене, что придет этим вечером. Он затащил в дом свое кресло и отправился спать в заднюю часть дома, довольный и уверенный в себе.

Одетый в белый льняной костюм, Лоренцо вышагивал по своей спальне, испытывая новые лакированные туфли. Это была большая комната, заставленная тяжелой витой мебелью из красного дерева. Она стояла прежде в гостиной, но отец перестроил ее несколько лет назад в небольшой бар. Лоренцо сел на постель, снял туфли и носки и надел матерчатые сандалии.

— Я рада, что ты не зря старался, — отозвалась Пэтра, входя в комнату, — нет ничего хуже, чем неудобная обувь. Она делает человека абсолютно ненадежным.

Ее небольшие темные глаза одобритительно засияли, когда она осмотрела его костюм, — и все же ты никогда не заманишь Бирджит Брицену обычными средствами, — заявила она, поймав его взгляд в зеркале, — эта иностранка отзовется лишь на хитрости ведьмы.

— Неужели? — пробормотал Лоренцо, пожимая плечами с напускным безразличием.

— Не в этом ли причина того, что ты хотел увидеться с ведьмой?

Попросить приворотное зелье для Музии? — подзадоривала она его, скрестив тонкие руки на плоской груди. Понимая, что он не посмеет ответить, она добавила: — ладно, но почему ты не следуешь совету ведьмы?

Лоренцо усмехнулся и внимательно посмотрел на свою тетку. Она жутким образом знала все, что было в его мыслях, а ее оценка всегда была точна.

Пэтра поселилась в доме после смерти отца. Ему было тогда десять лет.

Она не только присматривала за ним все эти годы, но и заведовала баром до тех пор, пока он не вырос и не стал справляться с этим самостоятельно.

— Бирджит Брицена ответит только на уловку ведьмы, — угрюмо повторила Пэтра.

Лоренцо осмотрел себя в зеркале. Он был слишком мал и приземист, чтобы выглядеть достойно. У него чересчур сильно выступали скулы, рот был тонким, а нос большим. Однако он без смущения любил женщин и знал, что женщины любят мужчин такого образа поведения. Но любить Бирджит Брицену — что можно желать более? И он желал ее больше всего на свете.

Он никогда не сомневался в силе ремесла ведьм. Рекомендации ведьмы в том, как соблазнить иностранку, однако, были слишком необычными, — приворотное зелье готовят для людей, не

имеющих силу идти прямо к душе вещей, — говорила она ему, — любая исполнит твоё желание, твоё самое серьёзное желание, если у тебя имеется достаточно силы, чтобы желать прямо в душу вещей. У тебя есть маска дьявола. Попроси маску соблазнить Бирджит Брицену, — он решил, что всё это слишком неясно. Он был очень практичен и мог полагаться только на что-то конкретное.

— Ты знаешь? — спросил он, взглянув на свою тетку, — бирджит Брицена сама пригласила меня к себе в дом.

— Она наверное пригласила полгорода, — цинично ответила Пэтра, — а не приглашенная половина тоже будет там, — она встала, но прежде чем оставить комнату, добавила: — я не предлагаю тебе — не ходить к Бирджит Брицене. Но запомни мои слова. У тебя ничего не получится с помощью обычных средств.

Он отбросил совет ведьмы из-за того, что больше не хотел соблазнять шведку; он хотел, чтобы она любила его, пусть даже на мгновение. В этот миг эйфории он подумал, что до встречи осталось менее часа.

Парадная дверь и окна дома Брицены были открыты настежь. Даже с площади можно было увидеть высокую ель в гостиной, которая пылала бесчисленными яркими огнями во всем своём великолепии.

Лоренцо вошел в дом. Что-то здесь напоминало железнодорожный вокзал.

В патио на возвышающейся платформе были расставлены ряды стульев. Из гостиной вместе с мебелью из ивы вынесли кожаные кресла, диваны и сафьяновые табуретки. Мальчишки и девчонки носились босиком, таща на буксире своих матерей, которые на ходу пытались поправить их костюмчики.

— Лоренцо! — закричал дон Серапио, увидев его в широко открытых дверях гостиной. Он был высок и худощав, к тому же обладал приличным брюшком. Поправив свои толстые роговые очки, дон Серапио радушно похлопал Лоренцо по плечу, — мы подаем кофе, — сказал он, сопровождая его к гостям, элите города. Здесь были доктор, мэр, парикмахер, директор школы и священник. Увидев Лоренцо в доме дон Серапио, они пришли в полное недоумение.

Фармацевт, казалось, искренне радовался тому, что заполучил неуловимого владельца бара к себе в гости.

Лоренцо поздоровался с каждым и, отходя от двери, едва не столкнулся с Бирджит Бриценой, которая в этот миг входила в комнату.

— Отлично! — воскликнула она, улыбаясь гостям, — дети уже начинают игру. Но сначала идите и помогите вашим женам приготовить печенье и кофе.

— взяв под руку мужа, она прошла в столовую.

Лоренцо не сводил с нее глаз. Она была высока и прекрасно сложена, однако, подумал он, было что-то незащищенное, почти хрупкое в ее длинной шее, нежных руках и ступнях.

Почувствовав, что ее оценивают, она взглянула на него. Секунду подумав, она налила кофе в две маленькие чашки в золотой оправе и понесла их туда, где стоял он, — здесь есть еще и ром, — сказала она, задумчиво поглядывая на бутылку в конце стола, — который предназначен только для мужчин.

— Я позабочусь о нем без промедлений, — воскликнул Лоренцо, одним глотком приканчивая кофе. Он взял бутылку, наполнил свою чашку ромом и непринужденно обменял ее пустую чашку на свою.

Усмехаясь, она взяла печенье, немного откусила и элегантно выпила ром маленькими глотками, — со мной всегда происходят странные истории, — прошептала она, ее глаза вдруг заблестели, а щеки покраснелись.

Лоренцо не замечал вокруг себя ничего — только ее. Все, о чем говорил гостям дон Серапио, пролетало мимо его ушей, пока она, досадливо отмахиваясь, не сказала: — я лучше вернусь к детям.

А фармацевт медлительно и педантично разоблачал традиции рождественских гуляк Венесуэлы, которые каждую ночь проводят в пении импровизированных колядок, иступленно играя на своих барабанах. Это так надоедливо, подчеркивал он, слушать непрерывный бой барабанов. Ему казалось просто возмутительным видеть молодежь, шатавшуюся по улицам от рома, которым их обпаивали в награду за пение.

Лоренцо вспомнил последний визит к ведьме. Выражение озорства и злорадства озарило его лицо.

— Я не верю в то, о чем ты мне говоришь, — кричал он, — потому что я не знаю, кто сможет дать мне такое монументальное желание.

— Доверься мне, — ответила она, — нет способа узнать, кто дает такое желание. Но оно случается, когда ты меньше всего этого ожидаешь, — она настаивала на том, что у него уже есть предмет, который позволит ему насладиться заклятием на Бирджит Брицену — дьявольская маска, — и еще добавлю.

Ты должен надеть маску в момент торжества, и она удовлетворит твоё желание.

Ведьма объяснила ему, что требовалось выбирать лучшее время, так как магическая маска могла сработать только один раз.

И то, что маска попала ему этим утром на глаза, было более чем совпадение. Лоренцо бесцеремонно вышел во двор, уверенный в том, что никто не видит его. Он перебежал улицу и незаметно проскользнул в тыльную дверь своего дома.

Он вошел на цыпочках в бар, зажег свечу и достал маску с полки.

Нерешительно провел пальцами по красно-черной поверхности. Резчик вложил в свое творение что-то адское, подумал Лоренцо. У него было странное чувство, что глазные щели, прикрытые густыми бровями, обвиняли его за пренебрежение. Рот, с длинными клыками в уголках, дьявольски скривился в усмешке, подбивая его на танец с маской.

Он одел ее на свое лицо. Его глаза, нос и рот так хорошо подходили к маске, что он почти поверил, будто маска сделана для него. Лишь скулы слегка терлись о гладкую поверхность. Он связал сыромятные ремешки на затылке и прикрыл их волосами из пакли, окрашенными в фиолетовый, зеленый и черный цвета. Волосы свисали на его спину.

Лоренцо не слышал, как в комнату вошла Пэтра. Испугавшись, он подпрыгнул, когда она заговорила.

— Ты должен переодеться, — заявила она, подавая ему брюки и залатанную рубашку, — сними сандалии, дьявол ходит босиком, — она оглянулась, боясь, что кто-то может подслушать, затем добавила: — помни, дьявол приказывает, не произнось слов.

Тихо, той же дорогой, какой пришел, Лоренцо выскользнул через заднюю дверь. Секунду он колебался, размышляя, каким путем вернуться. И вдруг увидел группу гуляк, игравших на своих барабанах в конце улицы. Укрываясь в тени, он пошел вдоль стены к ним.

— Дьявол! — закричал один из них, увидев Лоренцо, затем бросился вприпрыжку по улице, крича, что в город пришел дьявол.

Четверо юношей отделились от группы и окружили дьявола, продолжая бить в свои барабаны. Один из них запел импровизированные стихи о том, что они будут этой ночью под началом дьявола.

Лоренцо почувствовал, как дрожь пробежала по его позвоночнику. Она наполнила его нетерпением, которое он не мог контролировать. Он медленно поднял свои мускулистые руки, его ноги задвигались по собственной воле под ритм барабанов.

На их пути открывались окна и двери. Они шествовали по улице к площади, а сзади их сопровождала растущая толпа. Вдруг словно по велению дьявола освещение на площади и в окрестных домах погасло на три-четыре секунды. Музыка оборвалась. И в этот момент парализованная толпа глазела на то, как дьявол входит в дом Брицены.

Он вспрыгнул на платформу патио, и ракеты, пущенные кем-то снаружи, взвились в воздух. Красные, голубые, зеленые и белые огни расползлись по небу, а затем головокружительно понеслись на землю ливнем слабых золотых искр.

Прикованные к месту, ошеломленные гости смотрели на дьявола и барабанщиков, которые следовали за ним. Словно прислушиваясь к какой-то безмолвной музыке, он кружился среди умолкших барабанщиков. Его тело слегка горбилось, а рога были угрожающе направлены в небо.

Словно гром, взорвались барабаны, превратив затянувшуюся тишину в грохот, который заползал в каждый уголок дома.

Дьявол, увидев у дверей столовой Бирджит Брицену, спрыгнул с платформы, схватил бутылку рома со стола и подал ей.

Улыбаясь, она взяла бутылку и, запрокинув ее, выпила до капли.

Уверенный в своей силе, дьявол кружился вокруг нее, двигаясь с изумительной грацией.

Вытянув руки и восторженно улыбаясь, Бирджит Брицена раскачивалась в такт барабанам, словно была в трансе.

Дон Серапио сжался в комочек на кресле, которое вдруг оказалось слишком широким для него. В его глазах под толстыми роговыми очками был ужас.

Гости, смешавшись с толпой, нахлынувшей с площади, начали танцевать.

Скромно покачивая бедрами, они старались сдерживать свои движения.

Лоренцо был окружен все увеличивающимся числом танцующих женщин, которые хотели коснуться его, прижаться к нему, удостовериться, что он из плоти и крови. Он потерял из виду Бирджит Брицену. Без усилий разорвав нить нетерпеливых женских рук, он скрылся за дверью. Уверенный, что его не будут преследовать, он бросился в заднюю часть дома, заглядывая в каждую комнату.

Радостный смех настиг его на полпути. У арки, отделявшей прачечную от заднего двора, стояла высокая тучная фигура, одетая в черные сапоги, длинную красную мантию, отделанную белым, и красный фригийский колпак поверх кудрявого парика.

Лоренцо приблизился к странно одетой персоне, — бирджит Брицена, — прошептал он вполголоса, глядя в ее ясные, нахальные глаза, обрамленные очками в проволочной оправе без стекол.

— Санта Клаус! — поправила она; широкая усмешка тронула ее губы, скрытые лохматой бородой и усами. Она потянулась за джутовым мешком, набитым пакетами.

— Я ждала двенадцати часов, чтобы раздать детям рождественские подарки, — объяснила она, — но теперь не могу пройти мимо такой возможности, — она хитро улыбнулась, — ты пойдешь со мной? — спросила она, и ее глаза хищно блеснули, когда она согнулась, заглядывая в щели его маски.

Лоренцо кивнул ей, затем поднял джутовый мешок, взвалил его на плечо и движением руки приказал ей следовать за ним.

Через задний двор они вышли на улицу, ведущую к площади, где несколько стариков, женщин и детей собрались посмотреть на праздник в доме Брицены.

— Там дьявол! — завизжала маленькая девочка. Позвав других детей за собой, она побежала на середину площади. Дети резко остановились. Их глаза расширились от ужаса и любопытства.

— Это дьявол, — сказала маленькая девочка, указывая на Лоренцо, — а ты кто? — спросила она высокую фигуру, — почему ты так одет?

— Я Санта Клаус, и я принес подарки, — сказала Бирджит Брицена, вытаскивая из мешка пакеты. Смеясь, она раздавала их детям.

— А нам ты принес подарки? — кричали другие дети, танцуя вокруг нее.

Громко хохоча, Бирджит Брицена положила пакеты в их жадные маленькие ручки.

Растерянная малышка, прижимая завязанную коробку к груди, возбужденно кричала: — Санта Клаус и дьявол пришли к нам танцевать!

Восторженный визг детей в один миг привлек толпу. Несколько музыкантов заиграли на своих инструментах, снова загремели барабаны.

— Давай танцевать подальше от твоего дома, — шепнул Лоренцо в ухо Бирджит Брицены, — а когда мы войдем в переулок, то улизнем от них.

Лоренцо обвязал вокруг ее талии цветастый платок и крепко держал его концы. Их тела сплетались и дрожали в пламенных, ритмичных объятиях.

Боясь выпустить из рук концы платка, он напрочь игнорировал явные приглашения других женщин, которым тоже хотелось потанцевать с ним.

Несмотря на свою полную увлеченность танцем, он вдруг услышал другую группу музыкантов, идущих в конце улицы. На глазах у всех он схватил вскрикнувшую Бирджит Брицену на руки и вытащил ее из толпы. Прежде чем кто-либо понял, что случилось, дьявол и Санта Клаус исчезли.

Они бежали, пока было дыхание. А когда услышали гул толпы за углом, Лоренцо поднял Бирджит Брицену на руки и вошел в парадную дверь дома одного из своих друзей. Он увидел его в гостиной с небольшой группой людей. Лоренцо и в голову не приходило, что он может помешать семейному торжеству. Все, о чем он думал, было тем, как он убедит своего друга дать ему на время машину.

— Какая ночь, — вздохнула Бирджит Брицена. Радостная улыбка озарила ее лицо, — эта толпа почти настигла нас, — она сняла парик, бороду, усы и выбросила их в окно, затем вытащила подушку из-под мантии и кинула ее на заднее сидение, — куда мы едем? — спросила она, всматриваясь в темноту.

Лоренцо сбросил свою маску и продолжал гнать к небольшому домику у моря.

Хихикнув, она откинулась на своем сидении, — я чувствую запах морского ветра, — резко прошептала она, глубоко вздохнув, — люди моей нации всегда хоронят своих умерших близких у моря, и единственное, о чем я жалею, что не буду похоронена у моря. Серапио уже купил участок на городском кладбище.

Озадаченный ее странным замечанием, он остановил машину.

— Сможет ли маска дьявола исполнить мое желание быть похороненной у моря? — спросила она так серьезно и решительно, что он только кивнул в знак согласия.

— Обещание, подобное этому, священо, — сказала она. Взгляд ее глаз выражал понимание какой-то тайны. Она была спокойна, но странная, почти озорная улыбка играла на ее устах, — и я, на этом месте, обещаю любить владельца исполняющей желаний маски всю эту ночь, — прошептала она.

Он отчаянно торопил мгновения любви. А потом была ночь — как вечность.

13.

Весь конец дня я размышляла над смыслом историй, которые услышала. Я думала, что понимаю то, что означает звено или тень ведьмы или колесо случая, но я все же еще нуждалась в пояснениях донья Мерседес или Канделярия.

Я приняла за исходный пункт то, что не могу истолковать свои переживания с точки зрения моей академической подготовки, однако мне не хотелось переводить их на язык того, чему я научилась в мире нагвалы.

Флоринда объясняла это с точки зрения намерения: универсальной абстрактной силы, ответственной за формирование всего, что есть в мире, где мы живем. Наличие абстрактной силы, ее формирующая способность обычно находятся за пределами досягаемости человека, однако при некоторых обстоятельствах ими можно манипулировать. И это дает нам ложное впечатление того, что люди и вещи исполняют наши желания.

По сравнению с Флориндой — а я не могла удержаться от сравнения — донья Мерседес и Канделярия не имели общего законченного понимания своих действий. Они понимали лишь то, что делали как медиумы, ведьмы и целители, на уровне отдельных, конкретных событий, свободно связанных друг с другом.

К примеру, донья Мерседес дала мне конкретный образец способа манипулировать чем-то неизвестным. Акт манипуляции им она называла тенью ведьмы. Результат этой манипуляции она называла звеном, непрерывностью, поворотом колеса случая.

— Конечно, это маска исполняла желания Лоренцо, — сказала донья Мерседес с абсолютной убежденностью, — я знаю другие, очень похожие примеры вещей, исполнявших желания.

— Но скажи мне, донья Мерседес, какой фактор важнее — вещь сама по себе или личность, которая имеет желание?

— Вещь сама по себе, — ответила она, — если бы Лоренцо не имел этой маски, он бы всю жизнь вздыхал о Бирджит Брицене; и это было бы всем, что дало бы ему его желание. Ведьма должна сказать, что маска, а не Лоренцо, создала звено.

— Почему ты называешь это тенью ведьмы? Разве здесь вовлекалось влияние ведьмы?

— Тень ведьмы — это только название. Все мы имеем в себе кусочек ведьмы. Лоренцо безусловно не был ни спиритом, ни целителем, однако он имел определенную силу очарования. Я думаю, недостаточно создать звено и передвинуть колесо случая. С помощью маски получается совсем другая история.

Часть четвертая.

14.

Меня испугал слабый шум. Я попробовала передвинуться, но моя левая рука, которую я отлежала, затвердела и не слушалась меня. Я заснула в комнате Мерседес Перальты, изнуренная проведением инвентаризации ее лекарственных растений.

Услышав голос, звавший меня по имени, я повернула голову, — донья Мерседес? — прошептала я. Кроме скрипа узлов гамака о металлические кольца, я ничего не услышала в ответ. Я прошла на цыпочках в угол. В гамаке никого не было. Но я имела четкое ощущение, что она только что была в комнате, какое-то присутствие ее еще было здесь.

Застигнутая необъяснимой тревогой, я открыла дверь и выбежала в темный пустой коридор; я прошла через патио на кухню, затем во двор. Здесь в гамаке отдыхала донья Мерседес, окутанная табачным дымом.

Ее лицо медленно показалось из дымного облака. Оно больше походило на образ во сне. Ее глаза сверкали странной глубиной.

— Я только что думала о тебе, — сказала она, — о том, что ты здесь делаешь, — она вытянула свои ноги и выпрыгнула из гамака.

Я рассказала ей, что уснула в ее комнате и была напугана звуком ее пустого гамака.

Она молча слушала с тревожным выражением на лице, — музья, — сказала она строго, — сколько раз я советовала тебе не спать в комнате ведьмы? Мы очень уязвимы, пока спим.

Неожиданно она хихикнула и прикрыла рот рукой, словно сказала слишком много. Она сделала мне знак подойти ближе и сесть на землю у края гамака.

Затем начала массировать мне голову. Ее пальцы скользили волнообразными движениями вниз по моему лицу.

Успокоительное оцепенение распространилось по лицу. Кожа, мускулы и кости, казалось, растворились под ее ловкими пальцами. Полностью расслабленная и успокоенная, я чувствовала себя находящейся в дремоте, которая, однако, не была и сном. Я полусознавала ее мягкие прикосновения и наконец легла лицом вверх вблизи от цементной плиты.

Донья Мерседес молча стояла надо мной, — смотри, Музья, — внезапно крикнула она, указывая на полную луну, бегущую сквозь облака. То скрываясь, то появляясь вновь, луна, казалось, в спешке рвала облака, — смотри, — крикнула она снова, подбросив горсть золотых медалей, связанных длинной золотой цепочкой, над своей головой, — когда ты увидишь цепочку еще раз, ты вернешься в Каркас.

На миг темная горсть, казалось, была подвешена к луне, показавшейся среди облаков. Я не видела ее падения. Я была слишком озабочена тем, что побудило ее упомянуть о моем возвращении в Каркас. Я спросила ее об этом; она заметила, что для меня было бы глупо предполагать, что я останусь в Курмине навсегда.

15.

Настойчивый, резкий треск цикад на ветвях над моей головой был больше похож на колебания, разрывавшие тишину жаркой и влажной ночи. Я лежала лицом вниз на циновке и ожидала женщину, которая являлась ко мне каждую ночь на этом самом месте.

Донья Мерседес, дремавшая в гамаке поблизости, решила составить мне этой ночью компанию и, похоже, нарушила своим присутствием всю исключительность таких появлений. Она с самого начала установила, что поскольку еще никто не был свидетелем моих встреч с духом, они могли оказаться чисто личным событием. Но если кто-то еще будет присутствовать при этом, все станет, как говорится, общественным достоянием.

Я уже приобрела некоторый опыт в курении сигар. Сначала я жаловалась донье Мерседес на раздражающее действие горячего дыма на нежные ткани внутри рта. Она смеялась над моими страхами, уверяя меня, что дым ритуальных сигар на самом деле прохладен и успокоителен.

Потренировавшись немного, я согласилась с ней; дым действительно был прохладным; казалось, что табак ментолизирован.

Решение доньи Мерседес сопровождать меня этой ночью было вызвано сомнениями Канделярии в том, что я достаточно сильна для самостоятельного проведения сеанса. По ее словам, полный сеанс означал то, что в некоторый момент медиум абсолютно оставлял весь контроль над своей личностью и дух мог выражать себя посредством тела медиума.

Днем раньше донья Мерседес объяснила мне, что мое присутствие в ее доме не могло длиться слишком долго. Не потому, что она или Канделярия были как-то против меня, но потому, что она не могла дать мне ничего ценного. Она уверяла меня, что и Канделярия и она сама не чувствовали ничего другого ко мне, кроме глубокой любви. Если бы я ей меньше нравилась, она бы удовлетворилась тем, что разрешила мне наблюдать ее лечение больных, и делала бы вид, что я являюсь ее помощницей. Но любовь ко мне вынуждала ее быть правдивой. Мне нужно было звено, а она не могла мне его дать. Она создавала его для Канделярии. Однако, поскольку дух выбрал меня как посредника, а возможно даже как настоящего медиума, она уважала этот выбор. Пока она помогала мне только косвенно при ночных контактах с призраком.

— Тот факт, что дух моего предка избрал тебя, — говорила она, — делает тебя, Канделярию и меня в некотором роде родственниками.

Канделярия потом мне рассказала, что у нее был контакт с тем же духом еще в детстве. Но, следуя традиции медиумов хранить все в глубочайшей тайне, она не могла рассказать мне об этом.

Донья Мерседес пошевелилась в гамаке и скрестила свои руки за головой, — музья, ты лучше садись и начинай курить, — сказала она тихим, расслабленным голосом.

Я зажгла сигару и часто запыхтела ею, шепча заклинания, которым она меня научила. Дым и звук были обязательными средствами для вызова призрака. Я услышала тихий шелест. Донья Мерседес тоже услышала его, она повернулась в том же направлении, что и я. В нескольких шагах от нас, между гигантскими терракотовыми цветочными горшками, сидела женщина.

Донья Мерседес присела рядом со мной и взяла сигару из моих губ. Она запыхтела ею, шепча заклинания, отличные от моих. Я почувствовала дрожь в теле; невидимая рука сжала мое горло. Я услышала, что испускаю свистящий, булькающий шум. К моему изумлению он звучал как слова, сказанные кем-то еще с помощью моих собственных голосовых связок. Я мгновенно узнала — хотя и не понимала слов — что это было другое заклинание. Призрак парил над моей головой, затем он исчез.

Я обнаружила себя в доме вместе с доньей Мерседес и Канделярией. Я насквозь пропотела и чувствовала себя физически истощенной. А тут были две женщины. Однако мое истощение не изнуряло. Я чувствовала удивительную легкость и оживление.

— Как я очутилась здесь? — спросила я.

Канделярия взглянула вопросительно на донью Мерседес и сказала: — у тебя был полный сеанс.

— Это меняет все, — воскликнула донья Мерседес слабым голосом, — дух моего предка даст звено для тебя. Поэтому ты должна остаться здесь, пока дух не позволит тебе уйти.

— Но почему дух избрал меня? — спросила я, — я же иностранка.

— Для духов не существует иностранцев, — ответила Канделярия, — духи имеют дело только с медиумами.

16.

Мерседес Перальта сидела сгорбившись у алтаря, бормоча заклинания.

Голодная и утомленная, я наблюдала за ней со своего места. Было почти шесть часов вечера. Я пылко желала о том, чтобы крупная женщина, сидевшая за столом, оказалась последней пациенткой доньи Мерседес в этот день.

Обычно она принимала не более двух больных, но последние четыре субботы донья Мерседес осматривала более двенадцати пациентов за день.

Большей частью это были женщины из соседних деревень, которые, совершая еженедельную поездку на рынок, задерживались, чтобы пройти осмотр у целительницы. Некоторые из них искали помощи от таких недугов, как головные боли, простуды и женские расстройства. Большинство посетителей, однако, приходило решать свои эмоциональные проблемы. Безответная любовь, семейные затруднения, конфликты с родней и подростками, проблемы на работе и в обществе были наиболее частыми темами бесед. Поседевшие волосы, отсутствие волос, появление морщин и полоса неудач были самыми легкомысленными жалобами. Донья Мерседес лечила каждого, независимо от его или ее проблемы, с одинаково искренним интересом и эффективностью.

Сначала она определяла недуг, применяя морской компас или истолковывая узор пепла сигары на тарелке. Если отсутствие целостности человека было вызвано физиологическим смятением — она называла его духовным — она накладывала молитвы-заклятия и делала массаж. Если человек страдал физическим недугом, она прописывала лекарственные растения.

Ее изумительное владение языком и великолепная чувствительность к каждой мельчайшей перемене в настроении человека побуждали сопротивляющихся мужчин и женщин раскрываться и откровенно говорить о своих интимных делах.

Голос Мерседес Перальты испугал меня, — в этот раз ты действительно испортила все дело, — отчитывала она крупную женщину, которая сидела перед ней за столом. Недоверчиво встряхнув головой, она еще раз осмотрела пепел сигары, который собрала на металлическую тарелку, — ты дурачишь меня, — заявила она, поднеся тарелку к лицу женщины и призывая ее

узнать в мягком, серо-зеленом порошке природу своего недуга, — на этот раз ты действительно в беде.

Покраснев от волнения, женщина суетливо озиралась, словно пытаюсь найти путь к отступлению. Она надула губы совсем как ребенок.

Донья Мерседес поднялась и подошла ко мне, произнесла официальным голосом: — я прошу тебя подробно записать методы лечения этой пациентки.

Как обычно, я сначала выслушивала названия прописанных трав и цветочных эссенций и диетические ограничения. Затем я записывала подробный отчет о том, при каких обстоятельствах пациент должен принимать отвар из трав или очищающие ванны. По указанию доньи Мерседес я никогда не делала копий для себя. И наконец, по ее просьбе я несколько раз перечитывала то, что написала. Я была уверена, что донья Мерседес не только убеждает себя в том, что я правильно поняла ее, но главным образом учитывает возможность того, что пациент будет неграмотен.

С инструкцией в руке женщина встала и повернулась к алтарю. Она положила несколько банкнот под статуэтку девы, затем торжественно пообещала, что будет следовать инструкциям доньи Мерседес.

Донья Мерседес подошла к алтарю, зажгла свечу и, встав на колени, помолилась святым о том, чтобы ее мнение оказалось правильным.

Я упомянула, что знаю докторов, которые тоже очень часто молятся.

— Единственное, что объединяет хороших докторов и целителей, это терпеливое уважение к своим пациентам, — объяснила она, — они доверяются великой силе, которая ведет их. Они могут вызвать эту силу с помощью молитвы, заклинаний, табачного дыма, лекарств или хирургического скальпеля.

Она взяла копии инструкций, которые я написала в этот день и сосчитала листы, — я в самом деле осмотрела сегодня столько людей? — спросила она, по-видимому, совершенно не интересуясь моим ответом. Слабая улыбка тронула ее губы, когда она закрыла глаза и откинулась на спинку своего неказистого стула, — иди и принеси мне все твои записи о моих клиентах, кроме тех, кто рассказал тебе свою историю. Я хочу посмотреть, сколько людей я вылечила за то время, как ты появилась здесь, — она встала и прошла со мной до двери, — принеси все в патио. Я хочу, чтобы Канделярия помогла мне, — добавила она.

Почти час я собирала все мои материалы. За исключением нескольких дневников я принесла все в патио, где донья Мерседес и Канделярия уже поджидали меня.

— Это оно и есть? — спросила донья Мерседес, разглядывая стопку бумаг, которую я положила на землю перед ней.

Не ожидая моего ответа, она приказала Канделярии сложить бумаги и каталоги у металлической бочки, которая стояла в дальнем конце патио.

Сделав это, Канделярия снова села рядом со мной на циновку. Мы сидели перед доньей Мерседес, которая лежала в своем гамаке.

— Я уже говорила тебе, что ты находишься под покровительством духа моего предка, — сказала мне донья Мерседес, — прошлой ночью дух избрал тебя как медиума. А медиумы не держат записей о целительстве. Подобная мысль отвратительна.

Она встала и подошла к стопке моих бумаг. Только сейчас меня осенило, что она намерена сделать. Она разрезала бечевку переплета ножом и бросила пригоршню листьев в металлический бак. Раньше я не заметила, что внутри него горит огонь.

Пытаясь спасти хотя бы часть моей работы, я вскочила. Слова Канделярии остановили меня.

— Если ты сделаешь это, ты должна будешь уехать сейчас же, — она улыбнулась и похлопала по циновке рядом с собой.

В этот момент я поняла все. Я просто ничего не могла здесь сделать.

17.

Проработав целый день, донья Мерседес крепко заснула на своем стуле.

Я начала перебирать различные флаконы, банки и коробочки в ее стеклянном буфете. Когда я проходила на цыпочках мимо нее, она вдруг открыла глаза, медленно повернула голову, прислушиваясь к чему-то, ее ноздри затрепетали, словно нюхая воздух.

— Чуть не забыла, — сказала она, — приведи его сейчас же.

— Но там никого нет, — ответила я с абсолютной уверенностью.

Она подняла руки в беспомощном жесте, — делай то, что тебе говорят.

Не сомневаясь, что на этот раз она ошибается, я вышла из комнаты.

Было почти темно. Никого не было. С торжествующей улыбкой я уже собиралась вернуться, когда услышала слабый кашель.

Словно вызванный по велению доньи Мерседес, из сумрачного коридора вышел аккуратно одетый мужчина. У него были непропорционально длинные ноги. Плечи же, по контрасту, казались маленькими и выглядели слабыми и хрупкими. Мгновение он колебался, затем в знак приветствия поднял гроздь зеленых кокосов. В другой руке он держал мачете, — мерседес Перальта у себя? — спросил он низким, скрипучим голосом, прерванным резким кашлем.

— Она ждет тебя, — сказала я и отодвинула занавес в сторону.

У него были короткие, жесткие, выющиеся волосы, пространство между бровями измято глубокими складками, а темное угловатое лицо приковывало к себе внимание неприступной суровостью, свирепым и безжалостным выражением глаз. Лишь кое-где в уголках его рта проступала некоторая мягкость.

Слабая улыбка медленно пробежала по его лицу, когда он приблизился к донье Мерседес. Опустив кокосы на землю и поправив на коленях брюки, он присел перед ее стулом. Он выбрал самый крупный кокос и тремя искусными ударами острого мачете срезал макушку, — они как раз такие, как тебе нравится, — сказал он, — еще мягкие и очень сладкие.

Донья Мерседес пригубила фрукт и, делая шумные глотки, заметила, как прекрасно молоко, — дай мне немного внутренности, — потребовала она, возвращая фрукт ему.

Одним ловким ударом он разделил кокос пополам, а затем отрезал сладкую желатиновую мякоть от макушки.

— Дай Музии другую половину, — сказала донья Мерседес.

Он строго посмотрел на меня, потом без слов соскоблил оставшуюся половину кокоса с той же самой тщательностью и подал ее мне. Я поблагодарила его.

— Что привело тебя сюда сегодня? — спросила донья Мерседес, прерывая неловкое молчание, — тебе нужна моя помощь?

— Да, — сказал он, доставая портсигар из своего кармана. Прикурив от зажигалки, он сделал долгую затяжку и сунул портсигар обратно в карман, — дух был прав. Проклятый кашель стал еще сильнее. Он не дает мне заснуть. У меня от него болит голова. Он не дает мне работать.

Она пригласила его сесть, но не напротив нее, где обычно сидели ее клиенты, а на стул у алтаря. Она зажгла три свечи перед девой, затем небрежно спросила о кокосовых плантациях, которыми он владел где-то на побережье.

Он медленно оглянулся и посмотрел в ее глаза. Она успокоила его кивком головы, — эта Музия помогает мне, — сказала она ему, — ты можешь говорить все, словно ее тут нет.

Его взгляд на миг остановился на мне, — мое имя Бенито Сантос, — сказал он и быстро взглянул на донью Мерседес, — как ее зовут?

— Она говорит, что ее имя Флоринда, — ответила донья Мерседес, прежде чем я смогла вставить словечко, — но я зову ее Музия.

Она внимательно осмотрела его и встала ему за спину. Медленными легкими движениями она растирала мазь на его груди и на шее почти полчаса.

— Бенито Сантос, — сказала она, поворачиваясь ко мне, — очень крепкий человек. Он приезжает время от времени повидаться со мной, причем всегда или с головной болью, или с простудой, или с кашлем. Я излечу его за пять встреч. У меня для него есть особо приготовленная мазь и молитва к духу моря.

Она вновь массировала его длительное время, — ушла головная боль? — спросила она, положив руки на плечи Бенито Сантоса.

Казалось, он не слышал ее вопроса. Его невидящий взор был направлен на мигающие свечи. Он начал говорить о море и о том, каким зловещим оно бывает на рассвете, когда солнце встает из тусклой, потерявшей блеск воды.

Монотонным шепотом он говорил о своих повседневных полуденных экскурсиях в море.

— Пеликаны кружились вокруг меня, — говорил он, — иногда они пролетали очень низко и смотрели прямо мне в глаза. Я уверен, они хотели знать, не иссякла ли моя сила.

Опустив голову он замолчал на длительное время, а потом перешел на низкий, почти неразборчивый шепот.

— В сумерки, когда солнце садится за дальние холмы и его лучи больше не ласкают воду, я слышу голос моря. Он говорит мне, что в такой-то день он умрет, но пока он жив, он неумолим. А потом я знаю, что люблю море.

Мерседес Перальта сдавила ладонями его виски, ее пальцы оплели его голову, — бенито Сантос, — сказала она, — это мужчина, который преодолел свою вину. Он стар и утомлен. Но даже сейчас он такой же безжалостный, как и море.

Бенито Сантос приходил к донье Мерседес пять дней подряд. Окончив ежедневный лечебный сеанс, она просила его рассказать мне свою историю. Он ничего не говорил в ответ, полностью игнорируя меня, — твой джип на улице?

— Спросил он, и тут же добавил, не дав мне времени на ответ: — отвези меня, пожалуйста, на кокосовую плантацию.

Мы ехали в молчании. Уже достигнув побережья, я попыталась заверить его, что он может и не выполнять просьбу доньи Мерседес.

Он решительно замотал головой, — все, о чем бы она ни просила, священно для меня, — сухо произнес он, — я просто не знаю, что говорить, вернее, как говорить об этом.

Под предлогом доставки кокосов для доньи Мерседес я посетила Бенито Сантоса много раз. Мы долго беседовали друг с другом, но он так и не потеплел ко мне. Он всегда вызывающе сверлил меня взглядом, пока я не отводила глаза. Он совершенно ясно давал мне понять, что говорит со мной только потому, что об этом его попросила Мерседес Перальта. Он, конечно же, был таким, как она и описала его, строгим и безжалостным.

Яростно сжимая в руке мачете, Бенито Сантос неподвижно стоял под палящим полуденным солнцем. Оно обжигало его спину, изрезанную тростником.

Сдвинув край шляпы, он пристально следил за группой усталых мужчин, бредущих в город по пустым, убраным полям сахарного тростника.

Последние день и ночь все работали без отдыха. Это был последний урожай сахарного тростника. Теперь эту землю выровняют трактора, а затем ее распродадут по частям. Владелец этих полей не выдержал. Как и все другие плантаторы, он был вынужден продать свои владения Каркасской строительной компании.

Долина превращалась в индустриальный центр. Немцы и американцы строили свои фармацевтические лаборатории. Итальянцы привезли на строительство обувной фабрики своих собственных рабочих.

— Проклятые иностранцы, — ругнулся Бенито Сантос, сплюнув на землю.

Он не мог ни писать, ни читать, у него не было профессии. Он был рубщиком сахарного тростника и знал только, как обращаться с мачете. Обтерев длинное лезвие о землю, он вошел во внутренний двор гасиенды, свернув к небольшому бунгалу, где был расположен кабинет мастера. Толпа рабочих, сидящих в тени крыши, подозрительно смотрела ему вслед, когда он входил в контору.

— Что тебе надо? — спросил его маленький толстопузый мастер, сидящий за серым металлическим столом, — хочешь получить расчет? — добавил он нетерпеливо, вытирая потную шею аккуратно сложенным белым платком.

Бенито Сантос кивнул. Он был неразговорчив и большей частью груб.

Услышав, что с ним заговорили, он спросил любезно: — я слышал, что сахарный тростник повезут на фабрику в город, — пробормотал он, уставившись на массивную шею мастера, которая как тесто выпирала на воротник его крахмаленной рубашки, — я однажды ходил на фабрику. Скажи, ты можешь нанять меня туда?

Откинувшись на стуле, мастер смотрел на Бенито Сантоса сквозь прикрытые веки, — ты живешь где-то здесь, не так ли? Как ты будешь добираться до города? До него, пожалуй, больше пятнадцати миль.

— На автобусе, — буркнул Бенито Сантос, глядя украдкой ему в глаза.

— На автобусе! — презрительно захохотал мастер, приглаживая тонкие, аккуратно подрезанные усы, — ты прекрасно знаешь, что автобус отходит только тогда, когда он полный. Ты никогда не уедешь раньше полудня.

— Уеду, — отчаянно возразил Бенито Сантос, — если ты дашь мне работу, я всегда буду приезжать вовремя. Я прошу тебя.

— Слушай, — прошипел мастер, — я нанимаю любого, кто может рубить тростник, несмотря ни на возраст, ни на опыт. Но я устанавливаю им срок. И это известно каждому, кто работает у меня

шестидневку. На заводе и так людей больше, чем надо, — мастер начал перебирать бумаги на столе, — не отвлекай меня больше. Я занятый человек.

Бенито Сантос шагнул во внутренний двор, стараясь не наступать на траву, проросшую между камней. Мельница в конце двора выглядела опустевшей. Он знал, что никогда больше не увидит долину такой.

Громкий гудок грузовика отрезвил его. Он быстро шагнул в сторону, поднимая руку в просьбе подвезти его в город. Его окутало облако пыли.

— Эй, Бенито, пройдишь пешком, — крикнул кто-то из машины.

Пыль осела, а он еще слышал крики и смех рабочих на грузовике. Его пальцы сдавили рукоятку мачете. Он натянул шляпу на брови, прикрыв глаза от яркого солнца и слепящей голубизны неба.

Он не пошел в город по широкой дороге. Бенито Сантос шагнул по пустынным полям, узкой пыльной тропой, ведущей к южной окраине города, где находился субботний открытый рынок.

Он медленно брел по тропе, ощущая в одном башмаке дыру, а в другом хлопающую подошву, поднимающую пыль перед ним. Время от времени он отдыхал в прохладной тени манговых деревьев, удрученно рассматривая мимолетные зеленые очертания ящериц, которые стремительно носились взад и вперед между кустов.

Было послеобеденное время, когда он наконец добрался до рынка.

Площадь бурлила людьми. Торговцы, с уже охрипшими голосами, расхваливали товар с тем же энтузиазмом, какой они проявляли и рано утром. Покупатели, в основном женщины, бесстыдно торговались за цену. Бенито Сантос проходил мимо лотков португальских фермеров, которые ломались под увядающими овощами; мимо мясных и рыбных рядов, вокруг которых роились мухи, а шелудивые собаки с бесконечным терпением дожидались кусочка мяса, упавшего на землю. Он улыбнулся, увидев наемных мальчишек, стоявших за фруктовыми лотками. Они потихоньку подкладывали гнилые фрукты в бумажные пакеты вместо тех, что выбрал покупатель.

Он позвенел монетами в своем кармане, своей шестидневной зарплатой, размышляя, купить ли ему продуктов для жены Альтаграции сейчас или немного позже, — позже, — сказал он вслух. Имелась возможность сторговаться повыгоднее под конец распродажи.

— Покупай продукты, пока у тебя еще есть деньги, — крикнула ему старая женщина, которая немного знала его, — бобы и рис не станут дешевле.

— Только женщины ждут послеобеденной торговли, — поддразнил его продавец, делая непристойный жест своим тазом.

Бенито Сантос яростно оглядел смеющиеся лица разносчиков лебанессы, стоявших за броскими лотками с рекламой дешевой одежды, поддельных драгоценностей и духов. Гнев вздул жилы на его висках, мышцы на шее напряглись. В уме вновь возник унижительный инцидент в кабинете мастера. В ушах зазвенел презрительный смех рабочих на грузовике. Мачете сверкнул в его руке. С огромным усилием он повернулся и зашагал прочь.

Холодный пот выступил на теле. Во рту было сухо. В желудке возникла неприятная дрожь, хотя он не был голоден. Надо сейчас же достать ром, решил он. Не дожидаясь прихода домой. Ему был нужен ром, чтобы рассеять гнев, рассеять его уныние, его подавленность.

Он целеустремленно направился к центральному выходу рынка, где грузовики и вьючные обозы ожидали разгрузки продуктов. Он пересек улицу и, войдя в небольшой темный магазин на углу, купил три поллитровые бутылки дешевого рома.

Он сел в тени дерева, разглядывая грузовики и ослов, стараясь не упустить момент, когда торговцы начнут расходиться. Довольно вздохнув, он прислонился к дереву и, сняв шляпу, вытер рукавом пот и пыль с изможденного лица.

Открыв бутылку, он опустошил ее одним долгим глотком. Мало-помалу ром притупил напряжение в его желудке, успокаивая боль в натруженной спине и усталых ногах. Он улыбнулся. Смутное чувство благополучия зашумело в голове. Да, задумался он, лучше сидеть здесь, наслаждаясь ромом, чем идти домой и слушать непрерывные придирики Альтаграции. Пусть он немного успокоился, но это будет больше, чем он сможет вынести.

Сквозь усталые веки Бенито Сантос разглядывал людей, собравшихся в круг возле ворот рынка. Это была толпа, которая каждую субботу приходила сюда из ближайших деревень биться об заклад на петушиных боях. Его сонный взгляд остановился на двух мужчинах, которые сидели под деревом прямо напротив него. Он совершенно не интересовался петушиными боями, однако его внимание привлекли два петуха в руках мужчин. Они отскакивали, взлетая и опускаясь, поминутно приседая на своих крепких ногах.

Станным мягким жестом мужчина взъерошил перья птиц и толкнул их друг к другу, возбуждая их боевой дух.

— Эта птица прекрасно выглядит, — сказал Бенито Сантос человеку, который держал темного петуха с золотистыми перьями.

— Так оно и есть, — охотно согласился мужчина, — после обеда ты увидишь ее в последней драке. Лучших птиц берегут для последнего боя, — гордо добавил он, разглаживая перья петуха, — ты можешь смело ставить на него. Сегодня он будет победителем.

— Ты уверен? — небрежно спросил Бенито Сантос, вынимая другую бутылку из своего бумажного пакета. Он сделал долгий глоток, затем пробрался сквозь толпу возбужденных мужчин, сидящих вокруг песочной ямы. Они отодвигались, не глядя на него. Их глаза были направлены в центр арены, где птицы сцепились в смертельной схватке.

— Ваши ставки! Джентльмены, ваши ставки! — крикнул мужчина, и его голос на миг успокоил шум толпы, — ваши ставки на последнюю драку! На настоящую драку!

Мужчина жадно меняли свои грязные банкноты на цветные фишки, которые обозначали сумму ставок.

— Ты уверен, что твой петух сегодня выиграет? — спросил Бенито Сантос владельца птицы с золотистыми перьями.

— Он уверен! — воскликнул мужчина, восторженно целуя алый гребешок.

— Боишься поставить на кон, Бенито Сантос? — спросил его один из парней, который работал с ним эту неделю, — лучше иди и купи еду для своей старухи, если не хочешь скандала сегодня вечером, — насмешливо добавил он.

Бенито Сантос сгреб фишки и без колебаний поставил все свои заработанные деньги на петуха с золотистыми перьями. Он верил, что удвоит свой капитал. Тогда он купит не только рис, но и мясо, и даже ром. А может быть даже хватит денег на то, чтобы купить сыну его первую пару башмаков.

Бенито захлестнуло волнение зрителей, он, как и все, одобрительно закричал, когда владельцы подняли своих птиц высоко над головами. Они сосали острые, смертельные шпоры на ногах петухов, доказывая, что они не отравлены. Мужчины бормотали что-то ласковое своим птицам, а затем по команде судьи положили их в центр песочной ямы.

Бойцы гневно оглядывали друг друга, но от боя пока воздерживались. На них опустили плетеные клетки. Толпа кричала, возбужденно подбадривая птиц на драку. Петухи дрожали от ярости, их оперение под бритыми, налитыми кровью шеями, распустилось.

Клетки подняли. Петухи прыгнули друг на друга, умело избегая ударов клювами и крыльями. Но вскоре они сцепились в смертельном взрыве бешеных взмахов крыльев, ударов головой и ногами. Белые перья петухов покраснели от крови из своих ран и глубоких порезов на шеях противников.

Бенито Сантос молчаливо молился за птицу, на которую он поставил. По сигналу судьи из ямы убрали петухов с открытыми клювами и тяжелым дыханием. С нарастающей тревогой Бенито Сантос смотрел на владельца птицы с золотистыми крыльями, который дул на раны. Он что-то говорил, успокаивая петуха.

По команде судьи птиц вновь поставили в центр круга. Белокрылая птица тут же совершила прицельный прыжок, запустив шпоры в шею своего противника. Ликующий крик петуха нарушил безмолвие зрителей. Петух с золотистым оперением упал замертво.

Бенито Сантос горько улыбнулся, затем захохотал, стараясь сдержать свои слезы, — по крайней мере у меня остался ром, — прошептал он, допивая остатки второй бутылки. Дрожащими пальцами он вытер подбородок и, выйдя из толпы, направился к холмам. Пустые тростниковые поля тянулись вдаль, сверкая в ярком послеполуденном солнечном свете. Желтая пыль на дороге, поднятая его башмаками, прекрасным золотым порошком оседала на его руки.

Он медленно взбирался на крутой холм. Где бы ни было дерево, он сворачивал с пути и отдыхал в его тени.

Он откупорил последнюю бутылку и сделал глоток. Ему не хотелось видеть свою жену. Он не выносил взгляда ее обвиняющих глаз. Бенито обвел глазами холмы вокруг себя, его взор остановился на зеленом откосе по другую сторону дороги. Там была ферма генерала высшего ранга из правительства.

Бенито Сантос глотнул еще. Ром наполнил его смутной надеждой.

Возможно, ему дадут работу на ферме. Он мог бы подрезать сочную, зеленую люцерну, которая выращивалась специально для лошадей. Черт! У него хватит умения! Подумал он. Бенито Сантос — рубщик тростника. Резать тростник или люцерну — какая разница. Он может даже попросить аванс. Совсем немного.

Лишь бы купить риса и бобов.

Он взбежал на холм и по недавно проложенной дороге направился к генеральской ферме. Он был так возбужден возможностью получить работу, что даже не заметил двух солдат у широко открытых ворот.

— Ты думаешь, куда идешь? — остановил его один из них, указывая винтовкой на знак у дороги, — читать умеешь? Тебе нельзя пересекать эту линию. Это частная дорога.

У Бенито Сантоса с каждым вдохом в горле росла обида. Он переводил взгляд с одного солдата на другого, затем обратился ко второму, который прислонился к крупному валуну около знака. Он выглядел постарше и казался более дружелюбным, — я отчаянно ищу работу, — прошептал он.

Солдат молча кивнул головой, его глаза остановились на жестких черных волосах Бенито Сантоса, которые вылезли сквозь порванную соломенную шляпу. Его поношенные подвернутые брюки и рубашка цвета хаки влажно липли к его высокому, исхудавшему телу, — здесь ты не получишь работы, — дружелюбно сказал он, — во всяком случае, здесь нет никого, кто мог бы нанять тебя.

— Но кто-то же должен был остаться с лошадьми, — настаивал Бенито Сантос, — я мог бы помогать ему. Хотя бы пару часов в день.

Часовые переглянулись, а затем, пожав плечами, проказливо улынулись.

— попроси Германа, он отвечает за лошадей, — сказал мужчина помоложе, — возможно, он поможет тебе.

На миг Бенито Сантосу показалось, что солдаты смеются над ним. Но он чувствовал себя слишком признательным за их заботу о нем. Боясь, что они могут изменить решение и прогнать его, он поспешил к холму по прямой мощеной дороге.

Он резко остановился перед генеральским домом, нерешительно рассматривая двухэтажное здание. Оно было ослепительно белым, с длинным балконом на массивных колоннах. Вместо того, чтобы окликнуть кого-нибудь, он на цыпочках подкрался к одному из окон нижнего этажа. Оно было открыто и ветерок ласково шевелил ажурную занавеску. Ему захотелось хотя бы одним глазом посмотреть на то, что было внутри. Он слышал, что роскошную мебель сюда привезли из Европы.

— Что ты здесь делаешь? — громко крикнул кто-то за его спиной.

Вздвогнув, Бенито Сантос едва не выронил бутылку. Он удивленно оглядел жилистого мужчину среднего возраста, с белокурыми, тщательно подстриженными волосами. Это Наверное Герман, которого солдаты советовали повидать, подумал он, заглядывая в беспокойные глаза мужчины. Они были голубы, как небо, и свирепо сияли под нависшими бровями.

— Дай мне работу, — попросил Бенито Сантос, — какую угодно работу, — мужчина подошел поближе к Бенито Сантосу и угрожающе взглянул на него, — как ты посмел прийти сюда, пьяница? — презрительно закричал он, — убирайся прочь, пока я не спустил на тебя собак.

Взгляд Бенито Сантоса дрогнул, веки непроизвольно затрепетали. Он чувствовал себя, как нищий. Он не выносил просить о милости. Он всегда был честным тружеником. Его язык отяжелел, — хотя бы на пару часов, — он протянул свою руку так, чтобы мужчина мог видеть трещины и мозоли на его ладони, — я хороший работник. Я рубщик тростника. Я могу резать траву для лошадей.

— Пошел прочь, — закричал Герман, — ты пьян.

Бенито Сантос медленно брел по дороге, волоча конец мачете по земле.

Путь казался длиннее, чем обычно, протягиваясь вдаль, словно нарочно пытаясь задержать его приход домой. Ему хотелось с кем-нибудь поговорить.

Монотонное жужжание насекомых создавало чувство еще большего одиночества.

Он шел вдоль сухого оврага к своей лачуге. На миг он остановился, глубоко вдыхая вечернюю свежесть и позволив ласковому ветерку остудить его покрасневшее лицо.

Сутулясь, он вошел в хижину. Здесь не было окон, лишь отверстия спереди и сзади, которые он закрывал на ночь кусками картона, подпирая их палками.

Внутри стояла удушливая жара. Его раздражали звуки трущихся о дерево веревок гамака и неровное дыхание Альтаграции. Он знал, что она кипит от гнева. Он обернулся, взглянув на сына, спящего на земле. Его прикрывали грязные лохмотья, которые едва закрывали маленькую грудь. Бенито Сантос не мог вспомнить, было ли ребенку два года или три.

Альтаграция вылезла из гамака, ее взгляд устремился к пакету в его руках. Она опустилась перед ним на колени и спросила резким, визгливым голосом: — где еда? Бенито?

— Когда я пришел туда, рынок уже закрылся, — пробормотал Бенито Сантос, перейдя от детской кровати в угол лачуги. Крепко сжимая в руке бумажный пакет, он добавил: — Мне кажется, у нас еще осталось немного бобов и риса.

— Ты прекрасно знаешь, что у нас ничего нет, — сказала Альтаграция, пытаясь схватить пакет, — у тебя хватило времени, чтобы напиться, — ее лицо с желтоватой, обвисшей кожей покраснело. Ввалившиеся, обычно безжизненные глаза засверкали в гневе и отчаянии.

Он ясно почувствовал ускоренное биение ее сердца. Ему не было перед ней оправдания. Он ничего не мог объяснить ей.

— Заткнись, женщина, — крикнул он. Он достал бутылку рома и выпил остатки, не переводя дыхание, — всю ночь я работал, рубя тростник. Я устал, — он бросил пустую бутылку в отверстие хижины, — сейчас я хочу немного тишины и покоя. Я не позволю, чтобы женщина кричала на меня.

Забери ребенка и убирайся отсюда ко всем чертям.

Альтаграция схватила его за руку, прежде чем он опустился на детскую кроватку, — дай мне денег. Я сама куплю еду. Ребенок хочет есть, — она вывернула его карман, — где деньги? — повторяла она в смятении, непонимающе разглядывая его, — ты не получил сегодня заработок? Не мог же ты пропить все деньги, полученные за шесть дней, — непристойно ругаясь, она вцепилась ему в волосы и заколотила сжатыми кулаками по его спине и груди.

Он почувствовал себя пьяным, но не от рома, а от бешенства и безнадежности. Проблеск ужаса мелькнул в ее глазах, когда он поднял свой мачете. Ее крик наполнил воздух, затем наступила тишина. Он взглянул на ее распростертую фигуру, на ее спутанную копну волос, намокшую от крови.

Кто-то дергал его за штаны. Маленький сын вцепился в его ногу с такой силой, что ему подумалось страшное. Он никогда не сможет освободиться от его объятий. Одержимый необъяснимым страхом, он попробовал освободить его хватку, но ничего не вышло. Глаза ребенка, направленные на мать, были темны, а глубоко в них бушевало все то же обвинение. Под неумолимым взором ребенка у него застучало в висках. В слепом неистовстве он поднял мачете еще раз.

Никогда в жизни он не чувствовал такого мучительного одиночества.

Никогда прежде у него не было такого ясного ума. словно совсем из другой жизни, более многозначительной — жизни с высокой целью — он вглядывался сейчас в кошмар, которым стало его существование. Он намочил несколько тряпок в стоявшей поблизости канистре с керосином и поджег свою хижину.

Он бежал, сколько мог, затем остановился. Он неподвижно рассматривал опустошенные поля у подножия холма и далекие горы. По утрам у этих гор цвет надежды. За ними море. Он никогда не видел моря. Он только слышал, что оно огромно.

Бенито Сантос подождал, пока горы, холмы и деревья не превратились в тени. Тени, словно воспоминания о детстве. Он чувствовал, что снова шагает со своей матерью по узким улочкам деревушки среди толпы верующих за какой-то процессией в сумерках, со свечами, мигающими в темноте, — святая Мария, мать божья, молись за наших грешников сейчас и в час их смерти.

Аминь, — его голос, подхваченный ветром, тысячью маленьких звуков окутал холмы. Он съезжился от страха и вновь понесся в диком беге. Он бежал до тех пор, пока не прервалось дыхание. Он чувствовал себя втоптаным в мягкую землю. Почва поглощала его, успокаивала своей чернотой. И Бенито Сантос знал, что это последний день его бесполезной жизни. Он наконец умрет.

Он открыл глаза на звук женского плача. Это был ночной бриз, посвистывающий вокруг него. Как он хотел остаться навсегда в этой тьме! Но он знал, что теперь ничто не достанется ему легко. Он встал, поднял свой мачете и зашагал по дороге, которая вела к горам. Ясный свет струился с небес. Он струился вокруг него, он делал воздух тоньше и легче для дыхания.

Он шел в никуда. Ни на что не глядя. У него не было никаких эмоций.

Было только смутное ощущение, смутная надежда на то, что он может увидеть море.

18.

— Пришло время уезжать, — сказала мне Канделярия, — ты не должна работать по воскресеньям, — она спустила в туалет мои записанные ленты.

В это время на кухню вошла донья Мерседес. Она нахмурилась, заметив, что я еще в своем халате, — почему ты не готова? — спросила она меня.

— Я знаю, почему, — вмешалась Канделария. Ее голос был любопытно мягким, а в глазах сверкали шаловливые блески, — она не хочет больше забирать кокосы у Бенито Сантоса. Она боится его.

Прежде чем я успела опровергнуть ее обвинение, она вышла из комнаты.

— Это правда, Музия? — спросила донья Мерседес, наливая себе в чашку кофе, — я не замечала раньше, что ты имеешь к нему какую-то неприязнь.

Я заверила ее, что не имею. Однако я ничего не могла поделать с ощущением, что Бенито Сантос поступил со своей женой и ребенком ужасно мерзко.

— Не смотри на его историю с позиции морали и справедливости, — перебила она меня, — это история о яростном, отчаявшемся человеке.

Я запротестовала, так как была глубоко против того, чтобы рассматривать его только самого по себе. Я почти истерично заговорила об отчаянии и безнадежности женщины и ребенка.

— Брось это, Музия, — она ткнула меня своим пальцем в грудь около ключицы. Мне показалось, что она толкнула меня железным наконечником, — не давай своему ложному чувству распоряжаться собой. Не будь Музией, которая приехала из дальних стран искать здесь недостатки; пусть другие обижаются на Бенито Сантоса и на промах, который я пытаюсь показать тебе. Я хочу подставить тебя в тень тех людей, которых я выбрала для того, чтобы они рассказали тебе свои истории.

История последнего дня бесполезной жизни Бенито Сантоса подводит итог всему его существованию. Я попросила его рассказать тебе все детали, какие он вспомнит. Я также заставила тебя увидеть его кокосовую рощу у моря, чтобы ты могла проверить, как повернулось колесо случая.

Мне было трудно объяснить донье Мерседес мои чувства, не используя моральных категорий. Я не только не хотела, но и не могла помочь в этом себе. Она одарила меня все понимающей улыбкой.

— Ценность его истории, — внезапно сказала она, — заключается в том, что он без какой-либо подготовки создал для себя звено; он повернул колесо случая.

Ведьма сказала бы, что иногда одно-единственное действие может создать такое звено.

Донья Мерседес приподнялась со стула, на котором сидела и, взяв твердо мою руку, пошла из кухни в свою комнату.

У дверей она остановилась и взглянула на меня, — бенито Сантос убил свою жену и сына. Это действие повернуло колесо случая; но то, что заставило его оказаться там, где он сейчас находится — было его желание увидеть море.

Он должен был рассказать тебе, что это было смутное чувство, смутное желание, но оно было единственной вещью, которую он имел после совершения поступка, проявившегося в таком насилии и финале. Поэтому желание захватило его и повело.

Вот почему он остается верным этому желанию, оно спасло его. Он любит море. Он приезжает ко мне для того, чтобы я помогла ему сохранить его непоколебимый курс.

Я могу сделать это, ты же знаешь. Мы можем создавать свои собственные звенья одним-единственным действием. Оно не обязательно должно быть таким отчаянным и насильственным, как поступок Бенито Сантоса, но оно может стать последним. Если за этим действием следует желание огромной силы, мы иногда, подобно Бенито Сантосу, можем быть вынесены за основы морали.

Часть пятая.

19.

Наступил вечер. Донья Мерседес и я вышли из дома и пошли по улице к дому Леона Чирино. Мы неторопливо проходили мимо старых колониальных домов вблизи рыночной площади, заглядывая в открытые окна. В комнатах было темно, и все же мы могли различить тени старых женщин, которые перебирали бусинки четок, читая свои безмолвные молитвы.

Мы вышли на площадь и отдохнули на скамье в окружении стариков, сидящих на грубых деревянных стульях. Мы сидели с ними, ожидая, когда солнце исчезнет за холмами и вечерний бриз охладит воздух.

Леон Чирино жил на другой стороне города у подножия холма, усеянного хижинами. Его дом, сделанный из нештукатуренных цементных блоков, имел большой двор и был окружен высокой стеной.

Маленькая деревянная калитка в стене была открыта, так же как и передняя дверь. Без стука и оклика мы прошли через большую гостиную и направились прямо в заднюю часть патио, которая была превращена в мастерскую.

В свете одинокой лампочки Леон Чирино шлифовал кусок дерева. Он сделал широкий жест, приглашая нас присесть на скамью недалеко от его рабочего стола.

— Я догадался, время собираться, — сказал он, отряхивая опилки со своих курчавых волос и одежды.

Я вопросительно взглянула на донью Мерседес, но она просто кивнула головой. Таинственный огонек блеснул в ее глазах, когда она обернулась к Леону Чирино. Ни слова не говоря, она встала и пошла по коридору в заднюю часть патио.

Я последовала за ней, но Леон Чирино резко остановил меня, — тебе лучше пойти со мной, — сказал он, выключая свет. Он сплюнул сквозь зубы, метко попав в цветочный горшочек в углу.

— Куда пошла донья Мерседес? — спросила я.

Он нетерпеливо пожал плечами и повел меня в противоположном направлении к узкой нише, которая отделяла гостиную от кухни. У одной из стен небольшой конторки стояла глиняная посуда с процеженной водой, около другой — холодильник.

— Хочешь одну? — он указал на бутылку с пепси.

Не дожидаясь моего ответа, он открыл ее и небрежно добавил: — донья Мерседес уверяла, что сигар будет достаточно.

— Здесь будет сеанс? — спросила я, принимая от него бутылку.

Леон Чирино включил свет в гостиной и прошел к высокому окну, выходящему на улицу. Он достал деревянный щиток и вставил его в оконную раму. Затем оглянулся через плечо. Его глаза блеснули. Одна рука поглаживала подбородок. Его улыбка, слегка перекошенная, была дьявольской.

— Здесь безусловно что-то будет, — сказал он.

Потягивая пепси, я села на кушетку у окна. Отсутствие мебели делало комнату гораздо большей, чем она была на самом деле. Кроме кушетки, здесь был еще высокий шкаф, набитый книгами, снимками, бутылками, банками, чашками и стаканами. У стен рядами стояли стулья.

Что-то неразборчиво прошептав, Леон Чирино выключил свет и зажег свечи, который стояли на вырезанных полочках под образами святых, индейских вождей и черных лидеров. Стены комнаты были выкрашены охрой, — я хочу, чтобы ты сидела здесь, — попросил он, поставив два стула в центр комнаты.

— А на котором?

— На любом, который ты предпочтешь, — широко улыбаясь, он отстегнул мои ручные часы и спрятал их в карман, затем подошел к шкафу и вынул оттуда небольшую банку. Она была наполовину наполнена ртутью. В его темных руках она казалось гигантским зрачком живого чудовища.

— Я так понял, что ты вполне оперившийся медиум, — сказал он, положив банку на мои колени, — ртуть удержит духа от притяжения к тебе. Мы не хотим, чтобы он приближался к тебе. Это слишком опасно для тебя, — он подмигнул и надел на мою шею серебряное ожерелье с медалью девы, — эта медаль гарантирует покровительство, — заверил он меня.

Прикрыв глаза, он сложил свои руки в молитве. Закончив ее, он предупредил меня, что нет способа узнать, чей дух посетит нас во время сеанса, — смотри не урони банку, и ни в коем случае не снимай ожерелье, — предостерег он, устанавливая в круг стулья в центре комнаты. Он погасил все свечи, оставив только одну, ту, что горела под образом Эла Негро Мигуэля — знаменитого лидера черных, который повел рабов на первое восстание в Венесуэле. Леон Чирино прочел небольшую молитву и молча покинул комнату.

Когда он вернулся, свеча почти догорела. Посоветовав мне смотреть только на банку, он сел рядом со мной. Не в силах преодолеть любопытство, я все же несколько раз осмотрелась, особенно когда услышала шаги входящих в комнату людей и скрип стульев. В неясном свете я не могла разглядеть отдельных лиц.

Мерседес Перальта была последней, кто вошел в комнату. Она сняла свечу с полки и раздала самодельные сигары, — ни с кем не разговаривай ни до, ни после сеанса, — прошептала она в

мое ухо, поднося мигающее пламя к моей сигаре, — никто, кроме Леона Чирино, не знает, что ты медиум. Медиумы очень уязвимы.

Она села напротив меня. Я закрыла глаза, раскуривая сигару так, как делала это неоднократно в патио доньи Мерседес. Я так углубилась в это действие, что потеряла счет времени. Тихий стон раздался из дымной темноты. Я открыла глаза и увидела женщину, которая материализовалась в центре круга из стульев. Это была туманная фигура. Красноватый свет медленно распространялся по ней, пока она не запылала огненным вихрем.

Манера, в которой она вела себя, ее одежда — черная юбка и блуза — знакомый наклон головы набок — все это заставило меня подумать, что передо мной стояла Мерседес Перальта. Однако чем дольше я за ней наблюдала, тем меньше была уверена в этом.

Меня заинтересовало это необъяснимое видение, которое я уже наблюдала однажды. Я взяла в руки банку с ртутью и встала со стула. Но женщина стала прозрачной. Я остановилась, прикованная к месту. В ее прозрачности не было ничего пугающего. Я просто приняла, что сквозь нее можно видеть.

Неожиданно женщина распласталась не земле темной кучей. Свет внутри нее погас. Я полностью поняла, что это не призрак, когда она вытащила платок и высморкалась.

Устав, я опустилась на свой стул. Леон Чирино, сидящий слева, подтолкнул меня локтем, показывая на центр комнаты. Там в кругу стульев, где только что находилась призрачная женщина, стояла старуха, по-видимому, иностранка. Она пристально смотрела на меня, ее голубые глаза были широко открыты, они пугали и приводили меня в замешательство. Ее голова дернулась взад, потом вперед. Но прежде чем у меня появилось какое-либо чувство относительно видения, оно угасло. Не очень быстро она растворилась в воздухе.

В комнате было так тихо, что я подумала на миг о том, что все ушли. Я потихоньку осмотрелась. Все, что я увидела, было огнями сигар. Но это были не те сигары, которые раздавала донья Мерседес, подумала я. Когда я наклонилась вперед, чтобы привлечь к себе внимание Леона Чирино, кто-то положил руку на мое плечо.

— Донья Мерседес, — воскликнула я, узнав ее прикосновение. Все еще склонив голову, я ждала, что она скажет мне что-то. Но она молчала. Я осмотрелась еще раз. Никого вокруг не было. Я была одна в комнате. Все уже ушли. Испугавшись, я вскочила и бросилась к двери, но меня остановил Леон Чирино.

— Дух Фриды Герцог бродит вокруг, — сказал он, — она умерла на ступенях этого холма.

Он подошел к окну и открыл деревянную панель. словно призрачное видение, дым забурлил, выходя из комнаты и растворяясь в ночном воздухе.

Леон Чирино обернулся ко мне и вновь повторил, что Фрида Герцог умерла на ступенях этого холма. Он прошелся по комнате, тщательно проверяя затемненные углы; возможно, он думал, что в комнате кто-то спрятался.

— Фрида Герцог — это та старуха, которую я видела? — спросил я, — ты тоже видел ее?

Он кивнул, затем еще раз прошептал, что ее дух бродит вокруг. Он несколько раз обтер лоб рукой, будто пытаясь избавиться себя от мысли или, возможно, образа устрашающей старухи.

Тишина в комнате стала невыносимой, — я лучше догоню донью Мерседес, — тихо сказала я и открыла дверь.

— Подожди! — Леон Чирино бросился вперед и схватил меня за руку. Он снял с меня серебряное ожерелье и взял из моей руки банку с ртутью, — во время сеанса хронологическое время прекращается, — прошептал он медленно и устало, — спиритуальное время — это время равновесия, это и не действительность, и не сон. Но это время существует в пространстве, — он намекнул, что я была отброшена в событие, которое произошло много лет назад, — прошлое — это не последовательность событий во времени, — продолжал он, — сегодняшний день может стать днем вчерашним или событием давно минувших лет, — он застегнул на моем запястье часы, — но лучше не говорить о таких вещах. То, что случается, является неопределенным и неуловимым, и его нельзя обозначить словами.

Я хотела присоединиться к донье Мерседес и равнодушно соглашалась с ним. Но, кажется, Леон Чирино решил держать меня в своем доме. Он вновь и вновь повторял, что Фрида Герцог умерла на холме прямо за его домом.

— Я видела, как Мерседес Перальта стала прозрачной, — перебила я его.

— Ты это тоже видел?

Он взглянул на меня так, словно не ожидал, что я задам ему вопрос. Но в следующий момент он рассмеялся, — она хотела ошеломить тебя, — сказал он, наливаясь гордостью, — она

безупречный медиум, — слегка улыбаясь, он прикрыл утомленные глаза, по-видимому, смакуя какое-то бесценное видение.

А потом он мягко вытолкнул меня на улицу и без слов закрыл за мной дверь.

На секунду я опешила и остановилась у дверей Леона Чирино. Я знала, что потеряла счет времени в течение сеанса, но все же не ожидала, что ночь прошла и что ночью шел дождь. Однако уже рассвело, а на тротуаре блестели лужи.

Где-то далеко закричал попугай. Я огляделась. Через дорогу, словно тень, под эвкалиптом у цементных ступеней, ведущих на холм, стояла Мерседес Перальта. Я подбежала к ней.

Предвидя мои вопросы, она коснулась моих губ пальцами, затем низко согнулась и подняла небольшую свежесломанную ветвь, лежавшую на земле. Она была мокрой от ночного дождя. Донья Мерседес встряхнула ее; аромат эвкалипта, заключенный в сотне капель, обрушился на мою голову.

— Нам лучше уйти, — сказала она, но повела меня не домой, а на холм.

В воздухе стоял запах гниющего ковыля. Вокруг нас не было ни души.

Лачуги на холме выглядели брошенными. От широких ступеней, как от ствола, ветвилось множество тропинок. Мы свернули на одну из них и вскоре остановились перед желтым домиком, покрытым листьями рифленой жести.

Передняя дверь открывалась прямо в спальню. Узкая опрятная постель стояла в середине комнаты. На стульях стояли экзотические горшки с лохматыми папоротниками. Под потолком висели бамбуковые клетки с канарейками. На кованых крюках, вбитых в стены, болтались брюки, жакеты и накрахмаленные рубашки.

Из-за ярко окрашенной занавески, которую я сперва ошибочно приняла за настенное украшение, вышел мужчина.

— Эфраин Сандоваль! — воскликнула я, горя желанием узнать, что делает здесь человек, в лавке которого я покупаю свои блокноты и карандаши. Я хорошо знала его и его жену-немку, у которой речь и манеры были более венесуэльскими, чем у кого-либо. Вместе с двумя дочерьми они жили на площади над магазином канцелярских и радиотелевизионных товаров, которым он владел.

Ему было сорок, но легкое сложение и тонкие черты лица намного молодили его. Раскосые темные глаза, обрамленные длинными ресницами, ярко сияли. Как всегда, его одежда была безукоризненной; но этим утром он весь пропах дымом сигар.

— Вы были на сеансе? — спросила я его недоверчиво.

Прижав палец к губам, он пригласил нас присесть на кровать.

— Я сейчас вернусь, — пообещал он и исчез за занавеской. Вскоре он вернулся, держа в руках бамбуковый поднос с едой, тарелками и приборами.

Он взял свободный табурет, поставил на него поднос и пышными движениями метрдотеля обслужил нас черными бобами, рисом, пизангом, острым шинкованным мясом и кофе.

В нервном ожидании я переводила взгляд с одного блюда на другое, предвкушая обсуждение спиритической встречи, — музья скоро лопнет от любопытства, — сообщила донья Мерседес, ее глаза дьявольски сверкнули, — она хочет знать, почему ты живешь здесь, когда у тебя есть славная квартира над твоим магазином в городе. Мне бы хотелось, чтобы ты рассказал ей, почему.

— Ты этого хочешь? — безразлично спросил Эфраин Сандовал. Доедая последние бобы, он медленно жевал некоторое время, затем встал, подошел к окну и открыл его. Взглянув на бледное предрассветное небо, он повернулся и осмотрел меня, — наверное, у тебя есть какая-то причина тому, чтобы узнать нечто обо мне? — добавил он вопросительным тоном.

— Да, это так, — ответила донья Мерседес, — поэтому, не смущайся, когда она придет в твой магазин мучить тебя твоей историей.

Эфраин Сандоваль робко улыбнулся, наклонив свой табурет, и прислонился к стене. Его взгляд блуждал по комнате. В его глазах было столько глубины, что казалось, будто он забыл о нашем присутствии.

— Но какой смысл рассказывать ей это? — наконец спросил он, не глядя на донью Мерседес, — это ничем не примечательная история. Скорее даже банальная.

— В ней есть смысл, — сказала она, — музья сейчас выслушивает разные истории. Твоя интересна тем, что ты никогда не делал ничего против того, что должно было случиться. Ты просто был здесь, положившись на высший порядок.

— И все же я не вижу, как история Фриды Герцог может помочь Музии, — настаивал Эфраин Сандоваль.

— Это уже ее забота, — сухо сказала Мерседес Перальта. Она встала с кровати и поманила меня за собой.

Эфраин Сандоваль, кажется, хотел возразить ей, но вместо этого лишь кивнул головой, — как ты уже знаешь, у меня есть большой дом в городе, — сказал он, поворачиваясь ко мне. Он обвел рукой вокруг себя, — и все же я иногда живу здесь. Именно здесь я могу ощутить присутствие Фриды Герцог, той, кто невольно дал мне все, что я имею, — он подошел к окну, но прежде чем закрыть его, как-то неопределенно взглянул на донью Мерседес: — ты дашь мне сегодня очищение?

— Конечно, — засмеялась она, — не думай о Музии. Она уже видела, как я делаю это.

Эфраин Сандоваль секунду колебался, затем, по-видимому, испугавшись, что ему, возможно, не хватит времени, быстро снял пиджак и лег лицом вниз на постель.

Мерседес Перальта вытащила из кармана маленькую бутылочку, белый платок, две свечи и две сигары. Она тщательно разложила их на полу у кровати, затем зажгла одну из свечей, раскурила сигару и глубоко затянулась. Слова заклинаний, окутанные дымом, вырывались из ее рта с каждым выдохом. Злая улыбка пробежала по ее лицу; она подняла белый платок и маленькую бутылочку, наполовину наполненную микстурой из ароматной воды и нашатыря. Она обильно смочила платок и сложила его в идеальный квадрат.

Вдохни! — приказала она и одним быстрым и точным движением поднесла платок к носу Эфраина Сандовалья.

Бессвязно бормоча, он несколько раз изогнулся в тщетной попытке сесть. Слезы покатались по его щекам, его губы в волнении скривились в напрасной мольбе. Донья Мерседес удерживала его на месте совершенно без усилий, просто увеличивая давление своей руки на его нос. Вскоре он отказался от борьбы, сложив руки на груди. Совершенно изнуренный, он лежал тихо и неподвижно.

Донья Мерседес зажгла вторую сигару. Тихо шепча молитву, она попросила дух Ганса Герцога защитить Эфраина Сандовалья. Последние несколько затяжек дыма она вдунула в свои чашечкой сложенные руки, а затем провела пальцами по его лицу, сложенным рукам и ногам.

Услышав странный звук, я испугалась и оглянулась. Комнату наполнял дым, и из этого тумана появилась фигура, не более чем тень или волна дыма, которая, казалось, парила рядом с кроватью.

Глубокий сон Эфраина Сандовалья прерывался громким храпом и заклинаниями. Мерседес Перальта встала, сложила все свои вещи и окурки сигар в свой карман, затем повернулась к окну и открыла его. Указав своим подбородком на дверь, она приказала мне следовать за ней.

— С ним будет все в порядке? — спросила я, когда мы вышли. Я никогда не присутствовала на такой короткой встрече.

Он также хорош, как и в другие годы, — заверила она меня, — каждый год Эфраин Сандоваль приходит на такую спиритическую встречу, — она обвела рукой вокруг себя, — здесь бродит дух Фриды Герцог. Эфраин верит, что она принесла ему счастье. Вот почему он держит эту хижину, в то время как его семья живет в городе. Это, конечно, не так, но его вера никому не вредит.

Фактически она приносит ему облегчение.

— Но кто такая Фрида Герцог? — спросила я, — и кто такой Ганс Герцог?

Ты еще попросила его дух покровительствовать Эфраину.

Донья Мерседес зажала мне рот, — музия, имей терпение, — сказала она.

— Эфраин со временем расскажет тебе об этом. Я же добавлю только одно. Для Эфраина колесо случая было повернуто не Фридой Герцог. Да, она была причиной. Но сделал это призрак. Призрак Ганса Герцога.

Донья Мерседес тяжело оперлась на меня. Мы медленно спускались с холма, — скорей бы добраться до моего гамака, — прошептала она, — я умираю от усталости.

Боясь, что кто-то может подменить или даже украсть его мопед, Эфраин вытащил его на тротуар и закатил в прихожую нового двухэтажного дома, который принадлежал его хозяйке Фриде Герцог.

Финка и ее ребенок, которые ютились в нижних комнатах, обиженно смотрели на него. Они считали прихожую своей верандой. Он извинительно пожал плечами и поднялся по ступенькам в апартаменты Фриды Герцог.

Он работал на Герцогов еще подростком. Сначала на Ганса Герцога, который и купил ему мопед. Время, которое Эфраин работал на него, пролетело так быстро, что он даже не заметил его. Ему нравилась работа на птицеферме, где он был и помощником, и курьером. Но больше всего его привлекала аристократичность хозяина, его величайшее чувство юмора. Иногда Эфраину казалось, что он не работает, а, приходя на службу, каждый день получает урок искусства хорошей жизни.

С годами он стал скорее приемным сыном или учеником Ганса Герцога, чем его служащим, — я думаю, что ты, Эфраин, — говорил он ему, — человек моего склада потребностей, в определенном возрасте, конечно.

Ганс Герцог приехал из Германии перед войной, но искал не счастья и денег, а скорее удовлетворения. Он очень поздно женился и считал брак, а тем более отцовство, моральной необходимостью. Он называл их управляемыми видами рая.

Когда с ним случился удар, Эфраин ухаживал за ним день и ночь. Ганс Герцог не мог ничего говорить, но прекрасно общался с Эфраином с помощью глаз. В свой последний миг он сделал безумное усилие сказать что-то Эфраину — но не смог. Тогда он пожал плечами и рассмеялся. И умер.

Сейчас Эфраин работал на вдову, правда, не так охотно и, конечно, не с тем удовольствием. Она продала птицеферму, напомиравшую, как она говорила, ее супруга, но продолжала держать Эфраина на службе, так как он был единственным, кто знал, как ездить на мопеде.

Заметив, что дверь в апартаменты Фриды Герцог приоткрыта, он толчком, без стука, открыл ее и вошел в крошечную переднюю, которая вела в гостиную.

Комнату, заваленную мебелью с бежевой обивкой, отделял от столовой прекрасный рояль. Остекленный книжный шкаф стоял рядом с огромным камином, который Фрида Герцог разжигала раз в год на рождество Евы.

Эфраин отошел на несколько шагов так, чтобы мог видеть себя в позолоченном зеркале на каминной доске. Ему было двадцать лет, но маленькое суховатое тело и мальчишеское, незрелое, безбородое лицо делали его еще моложе. Он старательно причесал свои вьющиеся волосы, поправил галстук и надушенный носовой платок в нагрудном кармане. Бедность — это еще не причина для того, чтобы выглядеть неопрятным, подумал он и, оглядываясь, осмотрел пиджак сзади, расправляя складки и морщины.

Весело насвистывая, он пересек комнату и вышел на широкий балкон.

Декоративные пальмы, орхидеи, высокие папоротники и птичьи клетки почти скрывали Фриду Герцог. Полная и солидно сложенная, она сидела за белым письменным чугунным столом с тяжелой матовой стеклянной крышкой.

— Я жду тебя с девяти часов, — сказала она вместо приветствия.

Сердитое выражение ее глаз усиливалось линзами толстых роговых очков, угрожающе спущенных на ее орлиный нос.

— Ну что за красота! Какой прохладой дышит это истинное небо! — воскликнул Эфраин восторженным тоном. Он знал, что восхваляя ее искусственные джунгли, Фриду Герцог всегда можно вернуть в хорошее расположение духа, — даже в полдень ваши канарейки поют как ангелы, — подражая крику птиц, он снял пиджак и аккуратно повесил его на спинку стула.

— Ладно, хватит о птичках, — сварливо сказала она, приказав ему сесть возле себя, — я плачу тебе жалование и хочу, чтобы ты был здесь все время.

— Меня задержали наши будущие клиенты, — важно возразил он.

Она посмотрела на него с сомнением и вытерла капельки пота вышитым платком с верхней губы и лба, — ты принял все заказы? — она не дала ему возможности ответить, подтолкнув несколько белых коробочек, — проверь это, — проворчала она.

Не смущаясь ее плохим настроением, он весело сообщил ей, что заказы в сущности написаны и подписаны. Затем он почти благоговейно открыл одну из коробочек и почтительно осмотрел покрытый серебром набор шариковых ручек, уложенных на темно-синюю вельветовую подкладку. Он открыл одну ручку, отвинтил колпачок и аккуратно проверил небольшой прямоугольный кусок металла с резиновым оттиском. Это была печать. Эту операцию он повторил со всеми ручками, после чего тщательно проверил правильность написания фамилии и адреса покупателя.

— Сколько раз тебе повторять — на ручках не должно быть отпечатков пальцев, — затрещала Фрида Герцог, выхватив авторучку из его рук. Она обтерла ее своим платком и опустила в коробочку, — сейчас же заверни их!

Он бросил на нее недружелюбный взгляд, — вы хотите, чтобы я наклеил на них адреса? — спросил он, закончив заворачивать последнюю коробку.

— Да, сделай это, — она дала ему шесть аккуратно отпечатанных наклеек из небольшого металлического ящика, — постарайся наклеить их ровно.

— Что? — раздраженно переспросил он, не расслышав слов, которые она сказала. Ее акцент, обычно едва заметный, становился невыносимым, когда она была в гневе или страхе.

Фрида Герцог медленно повторила, четко произнося каждое слово: — наклейте все уголки этикеток ровно, — она взглянула на него и добавила: — я хочу, чтобы этикетки были приклеены крепко.

— Если бы взглядом можно было убивать, я был бы уже мертв, — прошептал он, поднимая обе руки над головой в притворном жесте муки. Затем он очаровательно улыбнулся ей и обругал ее скороговоркой.

— Что ты сказал? — спросила она. Ее акцент был так силен, что слова получались невнятными.

— Я сказал, что у меня нет столько времени, чтобы сделать все, что вам хочется, — он ослабил свой галстук в голубую полоску и расстегнул воротничок жестко накрахмаленной рубашки, затем достал из ящика стола тюбик с клеем и выдавил по небольшой капле на каждую этикетку. Он тщательно подровнял резиновую насадку со всех сторон и наклеил этикетки на аккуратно завернутые пакеты.

— Хорошо сделано, Эфраин, — намек на одобрение мгновение играл на полном, румянном лице Фриды Герцог. Она никогда не удивлялась той аккуратности, с которой он приклеивал наклейки как раз посередине коробок.

Она не могла признать, что кто-то может делать это лучше ее самой.

Окрыленный ее комплиментом, он решил спросить о ручке, которую она обещала ему. Хотя юноша уже оставил надежду когда-нибудь получить что-то от нее, он тем не менее напоминал ей об этом при первой возможности.

Каждый раз у нее были различные отговорки, чтобы не выполнить свое обещание, — когда же вы дадите мне авторучку? — повторил он высоким, настойчивым голосом.

Фрида Герцог молча посмотрела на него, затем подвинула стул ближе к столу и опустила на него свои локти, — я не говорила тебе раньше о трудностях, которые я имею, чтобы убедить фирму направлять торговое судно в эту местность? Да ты и не поймешь, что быть в моем возрасте (она никогда не говорила, сколько ей лет) и быть женщиной — это огромный недостаток, — она помолчала секунду, а затем гордо добавила: — и то, что я так хорошо продаю авторучки, еще не означает, что я должна их кому-то дарить.

— Одна авторучка не разорит вас, — настаивал Эфраин.

— Твоя ручка! Твоя ручка! Это все, о чем ты думаешь? — ее голос дрожал от негодования. Она приблизила свое лицо к нему. Ее глаза сверлили его немигающим взглядом.

Он ошеломленно смотрел в ее голубые глаза, в которых бушевал огонь безумия.

Возможно, заметив, что зашла слишком далеко, Фрида Герцог потупила взор. Ее лицо смягчилось. Просительным тоном она продолжала говорить о своей уверенности в том, что вместе они смогут продать тысячи авторучек.

Они будут продавать их не только в городе и в окрестных деревнях, но и по всей стране, — будь терпелив, Эфраин, — умоляла она, склоняясь к нему, — когда дело пойдет в гору, мы оба будем богачами! — она резко откинулась на стул и ласково провела рукой по маленькой серой коробке.

— Но мне нужна только ручка, ты понимаешь, старая идиотка, только ручка, — отчаянно прошептал Эфраин.

Фрида Герцог не слышала его. Она сонно смотрела на свои птичьи клетки грустным мечтательным взглядом.

— Я работаю как лошадь, — сказал Эфраин громко и ясно, — я не только доставляю товар, я нахожу покупателей на ваши ручки, — он игнорировал ее попытку перебить его, — а вы не хотите дать мне одну ручку.

— Я не буду говорить, как нехорошо ты поступаешь, — капризно сказала она, — я из сил выбиваюсь, пытаюсь вдолбить тебе то, что начало любого бизнеса требует каких-то жертв, — она вышла на балкон, — очень скоро я дам тебе не только ручку и комиссионные, я сделаю тебя партнером, — она остановилась перед ним, — я деловая женщина. Представь, эти ручки будут в каждом доме по всей стране. Эфраин, мы продадим их каждому грамотному человеку в этом государстве.

Она отошла от него и оперлась на перила, — взгляни на эти холмы! — крикнула она, — посмотри на эти хижины! — взмахом руки, от которого затрепетали широкие рукава ее халата, она описала панораму перед собой.

Улыбка засияла на ее губах, она повернулась к нему, — подумай об этих лачугах на холмах. Какие возможности! Мы продадим ручки всем, кто может писать. А те, кто не могут, вместо того, чтобы ставить крестик каждый раз, когда им нужно подписать документ, будут штамповать свое полное имя на любой бумаге, где необходима их подпись, — она захлопала в ладоши в детском восторге и, присев возле него, сунула руку в карман, — это, — утвердительно произнесла она, доставая свою позолоченную ручку, — идеальное решение всех проблем! — она осторожно отвинтила колпачок и, нажав небольшой выступ на конце авторучки, проштемпелевала каждый пакет, а затем гордо прочла свое имя и адрес, которые вмиг отпечатались фиолетовыми буквами, — сотни людей живут в этих хижинах. И я знаю, что они все захотят такие ручки, — она коснулась его руки, — эфраин, с сегодняшнего дня я буду платить тебе комиссионные за каждую ручку, проданную тобой на этих холмах.

— Они не купят ни одной. Это им не по средствам, — напомнил он ей саркастически.

— Я сделаю то, чего не делала никогда прежде, — напыщенно провозгласила она, — я позволю им покупать авторучки в кредит, — она опустила с рассеянным видом несколько авторучек — включая свою золотую ручку — в кожаный ранец Эфраина, — а сейчас можешь идти.

Он недоверчиво посмотрел на нее. Неужели она не заметила свою ошибку?

Юноша беспечно взял свой ранец, — увидимся завтра, — сказал он.

— Но тебе надо доставить всего шесть ручек, — напомнила она ему, — я жду тебя к пяти часам. За эти ручки уже заплатили, и тебе не придется ждать денег.

— Сейчас середина дня, — запротестовал Эфраин, — неужели вы хотите, чтобы я таскался по этому пеклу? Кроме того, мне надо сначала пообедать. И мне нужны деньги на транспортные расходы, — заметив ее мрачное лицо, он пояснил: — мне нужен бензин для мопеда.

Она дала ему немного мелочи, — не забудь спросить квитанцию на заправке, — сказала она, свирепо посмотрев на него через очки.

Его передернуло от недовольства, — скупая идиотка. Этого не хватит даже на то, чтобы наполнить бак, — сказал он быстрой скороговоркой.

— Что ты сейчас сказал мне? — крикнула Фрида Герцог.

— За эти деньги нельзя наполнить бак, — сказал он, ссыпая монеты в карман. Он вынул расческу и, не обращая внимания на ее недовольное лицо, пробежал ею по своим непослушным черным волосам.

— Всего четыре адреса, и все они рядом, — убеждала она, — не надо даже ездить на мопеде. Я сама хожу на такое расстояние, а иногда и дальше.

Если уж я в своем возрасте делаю это, то вправе ожидать от молодого человека, что он сделает то же.

Тихо насвистывая, он поправил свой галстук и надел пиджак, затем, лениво махнув рукой на прощание, повернулся и вышел в гостиную. С его губ сорвался радостный вздох. Его глаза расширились, выражая удивление и восторг.

В одном из объемистых кресел, оголив ноги, поднятые на подлокотник, сидела Антония, единственная дочь Фриды Герцог. Не прикрывая ног, она посмотрела на него с нежной заботой — так женщины смотрят на своих младенцев — а затем соблазнительно улыбнулась.

Она была маленькой, симпатичной женщиной около двадцати лет, но ее изможденное лицо и отчаявшийся вид очень старили ее. Она отсутствовала уже долгое время. К великому смущению матери Антония уходила с мужчинами при каждом удобном случае и периодически возвращалась навестить родной дом.

Жаль, что старуха в таком скверном настроении, подумал Эфраин. Он почувствовал клубящуюся страсть Антонии, ему хотелось остаться, поговорить с ней, но зная, что Фрида Герцог может услышать их с балкона, он сморщил губы и послал Антонии воздушный поцелуй. А затем вышел в переднюю дверь.

Фрида Герцог неподвижно стояла у ограды балкона. Палящее солнце и дрожащее марево заставляли ее глаза слезиться. Жара волнами вздымалась в ближайшее предгорье, превращая разноцветные лачуги в мерцающие пятна.

Совсем недавно эти холмы были зеленые. Почти за ночь переселенцы превратили их в скопище хибар. словно грибы после сильного дождя, лачуги выросли в одно утро, и никто не осмелился снести их.

Ее взгляд остановился на шумном мопеде Эфраина, который тархтел внизу на улице. Она знала, что сначала он поедет к двум секретаршам из фармацевтической лаборатории, которые были помешаны на авторучках. Фрида Герцог была уверена, что хотя бы одна из них похвастается своей ослепительной новинкой среди коллег, и это заставит других придти к ней.

Тихо хохотнув, она повернулась и взглянула через балкон в гостиную, где сидела ее дочь. У нее вырвался тяжелый вздох, голова разочарованно качнулась из стороны в сторону. Не было способа заставить Антонию понять, что нельзя класть ноги на бежевый шелк кресел. Как много надежд возлагала она на свою красивую дочь! Антония могла выйти замуж за какого-нибудь богатого человека. И почему девочка связала себя браком с нищим, безродным продавцом? Это было выше ее понимания. К тому же он однажды ушел от нее.

Она не могла вспомнить, обед был или полдник, когда он встал из-за стола и больше никогда не вернулся.

Сложив губы в приятную улыбку, Фрида Герцог смиренно вошла в гостиную.

— Подумать только! Эфраин стал опаздывать каждый день, — сказала она, садясь в кресло напротив Антонии, — я боюсь, что если я дам ему авторучку, которую он просит, мальчик совсем бросит работу. Это все, чем он интересуется.

— О, ты знаешь, чего он хочет, — сказала Антония. Не глядя на мать, она продолжала рассматривать свои длинные, холеные ногти, — итак, единственное желание Эфраина — это получить ручку. Что плохого в этом?

— Он бы мог ее купить! — злобно огрызнулась Фрида Герцог.

— Ну что ты, мамочка, — упрекнула Антония, — эти глупые безделушки стоят слишком дорого. Козе понятно, что он не сможет себе этого позволить.

— Не смей меня, — фыркнула Фрида Герцог, — я прекрасно оплачиваю его труд. Если бы он не тратил зря денег на одежду, он мог бы...

Антония оборвала ее на полуслове, — эти ручки просто причуда, — заявила она, — и Эфраин знает это. Вот так. Через несколько месяцев и даже недель люди перестанут покупать их.

Фрида Герцог выпрямилась в своем кресле. Ее лицо покраснело от гнева.

— не смей со мной так разговаривать, — закричала она, — эти ручки всегда будут в цене!

— Успокойся, мать. Ты сама не веришь в это, — примирительно отозвалась Антония, — ну почему ты думаешь, что продашь ручки в этом богом забытом местечке? Неужели ты не понимаешь, что в Каркасе их больше никто не покупает?

— Это неправда, — крикнула Фрида Герцог, — когда-нибудь я буду торговать по всей области, а может быть даже по всей стране. Если бы я изготовляла авторучки, я бы расширила торговлю в международном масштабе. И я сделаю это. Я создам империю.

Антония захохотала и отвернулась к зеркалу на каминной доске. Полоски преждевременной седины бороздили ее темноватые волосы. В уголках рта появились морщины. Ее большие голубые глаза можно было бы считать прекрасными, не будь в них такого ожесточенного выражения. Не возраст, а отчаяние и изнеможение были началом увядания лица и тела этой молодой женщины.

— Ты просто не знаешь, в чем опытен Эфраин, — сказала Антония, — никто не сравнится с ним в нахождении способов делать деньги. А ты думаешь, что разбогатеешь на ручках! Это же анекдот. Почему бы тебе не использовать его там, где ему нет равных?

Презрительная ухмылка заиграла на лице Фриды Герцог, — использовать его там, где он лучший! Ты думаешь, я не знаю, где ты была последние несколько месяцев? Возможно, я немного глуховата, но зато не глуповата, — увидев, что Антония встала, она торопливо добавила: — у тебя никогда не было никакого достоинства. Связалась с Эфраином! Тебе когда-нибудь будет стыдно за себя. Он же мулат. Он цветной!

Когда ее гнев утих, она откинулась в кресле и закрыла глаза. Ей хотелось отказаться от своих слов, но когда она заговорила, ее голос был по-прежнему сердит: — неужели нет ничего, что тебе было бы нужно от жизни?

— Я хочу выйти замуж за Эфраина, — тихо сказала Антония.

— Только через мой труп! — закричала Фрида Герцог, — я лишу тебя наследства. Я выгоню тебя из дома! — она жадно ловила ртом воздух, — погоди! Я все скажу тебе! Я отберу у него мопед и сожгу его.

Но Антония больше не слушала ее. Хлопнув дверьми, она покинула гостиную.

Несколько секунд Фрида Герцог смотрела на дверь, за которой исчезла ее дочь, ожидая ее возвращения. Ее глаза отяжелели от слез. Она молча отправилась в спальню.

Сев перед туалетным столиком, она трясущимися руками сняла очки и осмотрела себя в зеркале. Надо было сделать новую завивку, подумала она, проводя пальцами по своим волосам с полосками седины. Ее глаза, окруженные темными тенями, ввалились. Ее кожа, когда-то гладкая и белая, как тонкий фарфор, неумолимо старела, разъедаемая безжалостным тропическим солнцем.

Слезы катились по щекам, — о боже, — тихо прошептала она, — не дай мне заболеть и умереть в этой чужой стране.

Она услышала тихий шорох за дверь; несомненно, ее подслушивала Антония. Фрида Герцог была слишком утомлена, чтобы волноваться из-за этого. Она легла на постель и забылась в полусне, убаюкиваемая нежными звуками сонаты Моцарта. Мысль о том, что на рояле играет Антония, наполнила ее печальной радостью. Девочка играла всегда так прекрасно.

Когда Фрида Герцог проснулась, было почти 4 часа. Как всегда, немного подремав, она почувствовала себя посвежевшей, настроение у нее поднялось.

Она решила одеть шелковое платье в горошек и туфли, которые Антония подарила ей на рождество.

Заходящее солнце наполняло комнату тенями. Она взглянула через балкон на ярко раскрашенные хижины на далеких холмах. В вечернем свете они казались намного ближе. Она прошла на кухню и приготовила послеобеденный поднос: кофе, сахар, сливки и тарелку маковых пирожных.

— Антония, — ласково позвала она, садясь в одно из кресел. Прежде чем налить себе кофе, она услышала знакомую дробь каблучков. Она крикнула снова, но ответа не было. Ушла, наверное, решила Фрида Герцог, разворачивая на коленях белую льняную салфетку.

Она посмотрела на свои золотые часы. Было около пяти. Вот-вот должен вернуться Эфраин, подумала она. Может быть, он сказал ей правду и действительно нашел новых клиентов. Она давно знала, что, несмотря на отсутствие честолюбия, он прекрасно сговаривался с людьми. Плохо, что она разрешила ему уйти. Ей давно надо было найти ему замену, а теперь, узнав планы Антонии относительно него, она не позволит ему втереться в свою семью. А может быть дочь хочет просто подразнить ее. Ну как же она могла поверить, что Антония захочет выйти замуж за этого молокососа?

К шести часам Фрида Герцог была так обеспокоена, что позвонила секретаршам в лаборатории и владельцу магазина одежды. Авторучек им не приносили.

Она ошарашено посмотрела на телефон, затем выбежала на балкон и дрожащими руками нервно ощупала каждый предмет на своем рабочем столе, — он взял мою ручку! — завизжала она. Через парадную дверь она торопливо сбежала по ступенькам на улицу. Она не замечала испуганных лиц соседей, которые сплетничали на тротуарах. Она не слышала их приветствий, огибая поворот. Лишь достигнув подножия холма, она остановилась передохнуть.

Проклиная себя за то, что не надела более удобную обувь, Фрида Герцог медленно поднималась по широкой грунтовой дороге, которая вела к хижинам.

Она никогда не была в доме Эфраина, но примерно знала, где он находится. Ей приходилось слышать об опасностях этих трущоб, где чужим появляться не следовало. Даже полиция неохотно преследовала преступников, которые скрывались на этих холмах. Но это ее не пугало. Кто захочет причинить вред старой женщине? Она почувствовала себя в полной безопасности, заметив, что не все жилища были лачугами. Некоторые из них были сделаны из цементных блоков, а несколько домов имели даже два этажа.

У нее часто захватывало дух, тогда она останавливалась, успокаивая бешенное биение сердца. Люди оглядывались на нее с любопытством. Босые, полуголые дети бросали свои игры и хихикали, когда она проходила мимо.

Перед тем, как взобраться на вершину холма, она оглянулась и оглядела город внизу. Мягкий бриз овеивал ее покрасневшее лицо.

Промытый в сочном рассеянном зареве сумерек, еще дрожащем от послеобеденной жары, город никогда не казался ей более красивым. Преодолев странное и неопределенное предчувствие роковой гибели, она выискивала силуэт своего дома.

Приветливый голос девочки рассеял ее думы, — может быть вам нужна помощь? — спросила она, рассматривая ее с любопытством, — вы что-то потеряли?

— Я ищу дом Эфраина Сандовая, — отозвалась Фрида Герцог. Поглощенная поисками своего дома, она и не заметила, что уже наступает ночь, — ты не можешь мне показать, где живет Эфраин? — она несколько раз повторила вопрос, но девочка наверное не понимала слов, которые говорила Фрида Герцог.

— Ты зашла слишком далеко, — вежливо сообщил ей старик, сидевший поблизости на корточках. Слабый свет между криво сбитыми досками едва освещал его, — спустись немного и сверни налево по тропинке. Там будет желтый дом. Ты не промахнешься. Он выглядит как канарейка, — он с тревогой следил за ее нетвердыми шагами, когда она начала спускаться с холма, — шла бы ты лучше домой, — крикнул он ей вслед, — здесь полно пьяниц в это время, а они всегда готовы к ссоре.

Но Фрида Герцог не услышала его предостережения. Оно утонуло в оглушительной брани мужчины и топота торопливых шагов. Прежде чем она успела обернуться и посмотреть, что случилось, ей нанесли резкий удар.

Земля дрогнула у нее под ногами и она полетела через перила низкой Стеллы.

На мгновение она увидела, как острые камни внизу рванулись ей навстречу.

Потом были голоса, то громкие, то тихие, а после остались лишь тишина и мрак.

Вздвогнув, Эфраин проснулся. Ему приснился жуткий сон. Как и много раз прежде в своих снах, он вновь гулял с Гансом Герцогом. Друг торопил его взять дела в свои руки и жениться на Антонии. Вместе они смогут объехать весь мир. Эфраин засмеялся и попросил друга рассказать ему одну из своих историй об иноземных странах. Ганс Герцог отказался, говоря, что настанет день, когда Эфраин сам сможет увидеть эти страны.

И хотя живость его снов о Гансе Герцогом стала привычной, одна деталь заставляла задуматься; это было затаенное чувство реальности, которое Эфраин не мог развеять. Он уже отказывался признавать, что его друг и хозяин умер. В конце концов он же виделся и говорил с ним каждую ночь в своих снах.

Эфраин зажег керосиновую лампу на столе у кровати и открыл бутылку пива, стоявшую на столе. Он перелил пиво в высокий бокал и, прежде чем сделать глоток, сдул пену с ободка. Он не обратил внимания на то, что пиво было теплым.

— Взять дела в свои руки! — повторил он, вынимая позолоченную ручку из своего ранца. Тихо смеясь от удовольствия, он отвинтил колпачок и прочертил несколько линий на своей ручке.

Неделю назад он решил взять дела в свои руки и договорился с гравером из ювелирного магазина, чтобы тот сделал ему точную копию печати, но с его именем. Эфраин не сомневался, что к нему пришла удача. Как еще он мог объяснить это пугающее совпадение: в тот день, когда он получил печать со своим именем и адресом, Фрида Герцог ошиблась, положив свою позолоченную ручку в его ранец.

Он вылил остатки пива в свой бокал и выпил до дна маленькими глоточками. Возможно, какая-то бессознательная часть Фриды Герцог перешла к нему вместе с этой авторучкой. Ему хотелось верить в это.

Настойчивый стук в дверь перебил его мысли.

— Эфраин! — прокричал кто-то, — старуху-иностранку, которая искала тебя, столкнул вниз какой-то пьяница.

— Фриду Герцог! — схватив ранец со стола, он побежал туда, где уже собралась толпа.

— Этого не может быть, — повторял он, расталкивая людей в стороны.

Она лежала на земле. Он опустился перед ней на колени. Тусклый блеск керосиновой лампы бросал на ее лицо желтоватый отблеск. Он хотел что-то сказать, но ни одно слово не вырвалось из его рта. Эфраин смотрел в ее голубые глаза. Без очков — они лежали рядом, раздавленные кем-то — ее глаза выглядели большими, внимательными, почти детскими. Складки у рта придавали ей строгий вид. Белые зубы были слегка приоткрыты. Ему почудилось, что она хочет что-то сказать.

— Я принес авторучки, — шепнул он, успокаивая ее. Вынув шесть коробочек из ранца, он поднес их к ее лицу поближе, — я не отдал их сегодня, потому что был занят составлением нескольких заказов. У нас будут четыре новых клиента.

Она нахмурилась еще больше. Ее губы дрогнули, шепча что-то об его увольнении с работы и об Антонии. Ее глаза стали еще больше, зрачки расширились, а затем жизнь иссякла.

— Я работал у нее, — сказал Эфраин, ни к кому конкретно не обращаясь.

— жизнь так необычна. Только этим утром она подарила мне эту прекрасную ручку, — рассказывал он, доставая из кармана позолоченную авторучку. Точно и аккуратно он приложил кончик с печатью к своему предплечью, — эфраин Сандоваль. Канареечная хижина. Курмина, — прочитал он свое имя и адрес громким ясным голосом, — и я могу договориться с любым из вас о продаже такой же прекрасной ручки в кредит.

20.

Было воскресное утро. Я и донья Мерседес сидели на площади и ожидали выхода Канделярии из церкви. Часом раньше у меня была последняя встреча с Эфраином Сандовалем.

На соседней скамье сидел прилично одетый достойный старичок. Он громко читал газету из Каркаса, причем читал таким серьезным голосом и так увлеченно, что даже не замечал улыбок людей вокруг него.

На другой стороне улицы из бара, уже открытого в это время, вышел растрепанный пожилой мужчина. Он надел свою шляпу и, положив бутылку в пластиковый пакет, хрипя и кашляя, пошел вниз по улице.

С необъяснимым чувством печали я взглянула на донью Мерседес. Она надела темные очки, и я не могла видеть выражения ее глаз. Она сложила свои руки на груди, обнимая себя, словно замерзнув на холодном ветру.

Я пыталась рассказать ей, как я понимаю теперь истории, которые успела услышать, а она внимательно слушала.

— Ты показываешь мне различные способы манипуляции той силой, которую Флоринда называла намерением, — сказала я.

— Привести ее в движение — это не то же самое, что манипулировать ею, — поправила она меня, по-прежнему обнимая себя, — я пыталась сделать большее. Как я уже говорила, я подставляю тебя время от времени в тень этих людей, так, чтобы ты чувствовала движение колеса случая. Без этого чувства все сделанное тобой окажется ерундой. Ты будешь переходить от человека к человеку, выслушивая их рассказы; на миг ты окажешься в их тени.

— Как в случае Эфраина Сандовала? Он, конечно, ничего не делал для того, чтобы с ним случилась подобная перемена. Но зачем мне надо было быть в его тени? — спросила я.

— Как колесо случая передвинулось для него? Он не двигал его сам, и все же его жизнь изменилась. Я хочу, чтобы ты почувствовала это изменение, почувствовала это движение колеса.

Я уже напоминала тебе, что это призрак, дух Ганса Герцога передвинул колесо для него. Так же как Виктор Джулио в момент смерти повернул колесо случая, погубив жизнь Октавио Канту. Ганс Герцог передвинул это колесо после своей смерти и обогатил жизнь Эфраина Сандовала.

Донья Мерседес сняла очки и посмотрела мне в глаза. Затем раскрыла рот, собираясь что-то добавить, но вместо этого улыбнулась и встала со скамьи, — месса скоро закончится, — сказала она, — встретим Канделярию у церковных дверей.

Часть шестая.

21.

— Музия, ты здесь? — шепнула Мерседес Перальта, бесшумно открывая дверь в мою комнату. В слабом свете настольной лампы она выглядела настоящей ведьмой. Ее наряд состоял из длинного черного платья и широкополой фетровой шляпы, которая скрывала половину ее лица.

Не включай свет, — сказала она, увидев, что я потянулась к выключателю, — не выношу резкого света, — она села на мою постель. Ее брови были задумчиво нахмурены, руки бесконтрольно разглаживали морщинки на моем одеяле. Она пристально взглянула мне в лицо долгим немигающим взором.

Я застенчиво провела пальцами по своим щекам и подбородку, стараясь понять, что же здесь не так.

Хихикая, она отвернулась к книжному столику и начала аккуратно складывать мои тощие блокноты, — прямо сейчас мне нужно уезжать в Чуао, — наконец сказала она, ее голос был тревожным.

— В Чуао? — спросила я, — в этот час? — увидев ее решительный кивок, я добавила: — мы застрянем в грязи, если пойдет дождь, — деревня Чуао находилась на побережье по крайней мере в часе езды от Курмины.

— Дождь будет, — небрежно произнесла она, — но в твоём джипе мы не застрянем, — она села, сгорбившись, на ночной столик и закусила нижнюю губу, раздумывая над тем, что еще сказать, — я должна быть там сегодня вечером перед полуночью, — произнесла она тоном,

который выдавал скорее срочность, чем желание, — я еду за некоторыми растениями, которые надо срывать только этой ночью.

— Сейчас одиннадцатый час, — сказала я, указывая на светящийся циферблат своих часов, — мы не успеем к полночи.

Улыбаясь, донья Мерседес достала мои джинсы и рубашку, висевшую в изголовье моей кровати, — мы заставим твои часы остановиться, — слабая улыбка осветила ее лицо; ее глаза доверчиво и нетерпеливо смотрели на меня, — ты сделаешь это для меня, не так ли?

Когда мы выехали из города, по джипу забарабанили крупные капли дождя. За секунду дождь превратился в сплошную стену, плотную и темную. Я сбавила ход, не в состоянии разглядеть дорогу. Меня раздражал скрип "дворников", очищавших стекло, которое тут же заливало снова. Деревья по сторонам дороги смутно маячили то рядом с нами, то выше нас, создавая впечатление того, что мы проезжаем через туннель. Лишь прерывистый одинокий лай собаки указывал на то, что мы проехали мимо какой-то хижины.

Ливень окончился так же резко, как и начался, но небо оставалось пасмурным. Облака нависали гнетуще низко. Я не сводила глаз с ветрового стекла, увертываясь от лягушек, которые, ослепнув от света фар, прыгали через дорогу.

Стоило нам свернуть на дорогу, ведущую к побережью, и облака исчезли как по мановению волшебной палочки. Луна сияла ярко и таинственно над плоской равниной, где бриз мягко раскачивал редкие деревья. Их листва отливала серебром в нереальном свете.

Я остановилась на середине перекрестка и вылезла из джипа. Воздух, теплый и влажный, пахнул горами и морем.

— Почему ты остановилась здесь, Музия? — спросила Мерседес Перальта, ее голос наполняло изумление. Она вышла из машины и остановилась передо мной.

— Я ведьма, — объяснила я, глядя ей в глаза. Я знала, что если расскажу ей о моем простом желании размять ноги, она не поверит мне, — я родилась в местечке, похожем на это, — продолжила я, — где-то между горами и морем.

Мерседес Перальта хмуро оглядела меня, а потом в ее глазах заблестел юмористический, восторженный огонек. Неудержимо расхохотавшись, она села на мокрую землю и потянула меня за собой, — возможно, ты не родилась, как все нормальные люди, может быть куриоза потеряла тебя на своем пути через небо, — сказала она.

— Что такое куриоза? — спросила я.

Она ободряюще посмотрела на меня и объяснила, что куриозы — это ведьмы, которые совершенно не интересуются явными аспектами колдовства: символическими вещами, ритуалами и заклятиями, — куриозы, — прошептала она, — это существа, озабоченные вещами вечными. Они, как пауки, плетут тонкие невидимые нити между известным и неизвестным, — она сняла свою шляпу и легла на спину, расположив свою голову точно на середине перекрестка так, чтобы она указывала на север, — ложись, Музия, — произнесла она, протягивая руки на восток и запад, — макушка твоей головы должна касаться моей, а твои руки и ноги пусть будут в такой же позе, как и у меня.

Лежать голова к голове на перекрестке было неудобно. У меня было ощущение, что наши скальпы, хотя и разделенные волосами, сплывались вместе. Я повернула свою голову в сторону и к своему великому удивлению заметила, насколько длиннее ее руки, чем мои. По-видимому, осознав мое открытие, донья Мерседес подвинула свои руки ближе к моим.

— Если кто-нибудь увидит нас, то подумает, что мы сошли с ума, — сказала я.

— Возможно, — согласилась она, — однако, если найдутся люди, которые обычно прогуливаются по этому перекрестку в это время ночи, они убегут прочь в ужасе, думая, что увидели двух куриоз, готовых к полету.

Мы молчали некоторое время, а когда я спросила ее о полете куриоз, она заговорила снова.

— Что заставило меня так заинтересоваться, почему ты остановилась на перекрестке? Есть люди, готовые присягнуть, что видели куриозу, лежавшую голой на этом самом месте. Они говорят, что у нее появились крылья, выросшие из спины. Они видели, как ее тело стало просвечиваться белизной, когда она взлетела в небо.

— Я видела, как твое тело стало прозрачным на сеансе Сандоваля, — сказала я.

— Конечно, ты видела это, — ответила она с веселым пренебрежением, — я сделала это для того, чтобы ты поняла, что ты никогда не будешь целительницей. Ты медиум и возможно даже ведьма, но учти — не целительница. Я знаю это, так как я сама — ведьма.

— Чем ведьма отличается от других? — спросила я между приступами смеха. Я не хотела воспринимать ее серьезно.

— Ведьмы — это существа, которые не только способны видеть колесо случая, — ответила она, — но способны создавать свое собственное звено.

Что ты скажешь, если в этот миг мы отправимся в полет, связанные друг с другом головами?

На секунду или две у меня было ужаснейшее восприятие. Затем чувство полного безразличия овладело мной.

— Повторяй любое из заклинаний, которым тебя научил дух моего предка, — приказала она, — я буду повторять его с тобой.

Наши голоса слились в единый гармоничный звук, который наполнил пространство вокруг, окутывая нас гигантским коконом. Слова выстраивались в ряд непрерывной линией, унося нас все выше и выше. Я видела, как облака двинулись на меня. Мы начали вращаться, словно колесо, пока все вокруг нас не стало черным.

Кто-то энергично тормозил меня. Я проснулась от неожиданного толчка.

Сидя за рулем джипа, я вела машину! Это потрясло меня. Я никак не могла вспомнить, как и когда я вернулась в машину.

— Не спи, — пробурчала донья Мерседес, — мы же можем так разбиться и умереть, как две дуры.

Я нажала на тормоза и выключила зажигание. Мысль о том, что я спала и управляла машиной, заставила меня задрожать от страха.

— Куда мы едем? — мой голос прозвучал на октаву ниже.

Она улыбнулась и сделала жест полного отчаяния, поднимая брови, — ты слишком быстро устаешь, Музия. Ты слишком маленькая. Но я думаю, что это твоя лучшая черта. Если бы ты была больше, ты была бы невыносимой.

Я настаивала на том, чтобы она назвала мне место назначения. Мне хотелось знать, где оно находится, чтобы ощутить чувство направления.

— Мы едем на встречу с Леоном Чирино и другими коллегами, — сообщила она, — трогай. Я покажу тебе, куда надо ехать.

Я завела джип и ехала некоторое время в молчании. Мне все еще хотелось спать.

— Леон Чирино медиум или целитель? — наконец спросила я.

Она тихо засмеялась, но ничего не ответила, — почему ты думаешь об этом? — спросила она после долгого молчания.

— В нем есть что-то совершенно необъяснимое, — ответила я, — он напоминает мне тебя.

— И даже сейчас? — насмешливо спросила она, и вдруг совершенно серьезным голосом признала, что Леон Чирино и медиум и ясновидец.

Уйдя в раздумья, я прослушала ее указание и вздрогнула, указывая на высокое дерево букаре: — ты проехала мимо! Дай задний ход, — затем она улыбнулась и добавила: — останови здесь! Мы немного пройдемся.

Дерево отмечало въезд на узкую дорожку. Земля была усыпана мелкими цветами. Я знала, что они красного цвета, но при лунном свете цветы казались черными. Букаре почти никогда не растут сами по себе. Обычно они украшают рощи, затеня кофейные и какаовые деревья.

Следуя узкой тропой между тонких стволов букаре, мы направились к гряде холмов, мрачно маячивших перед нами. Кругом стояла тишина, нарушаемая лишь неровным дыханием Мерседес Перальты и хрустом ветвей под нашими ногами. Тропа кончилась перед низким домиком, грязные стены которого едва держались. Крышу покрывали пальмовые листья вперемежку с оцинкованной жестью. Скат крыши доходил почти до земли, создавая широкую веранду. Окон на фасаде не было, и слабый свет проникал только через узкую дверь.

Донья Мерседес распахнула ее настужь. Мерцание свечей и блики причудливых теней наполняли комнату, в которой почти не было мебели. Леон Чирино, сидя на стуле, смотрел на нас с удивлением и восторгом. Он вскочил, горячо обнял целительницу и подвел ее к стулу, который только что освободил.

Потом он приветствовал меня, шутливо встряхнув мою руку, — я хочу представить тебе одного из величайших целителей нашего времени, — сказал он, — второго после доньи Мерседес.

Прежде чем он успел что-либо добавить, кто-то крикнул: — я Августин.

Только сейчас я заметила в углу низко опущенный гамак, а в нем небольшого мужчину. Он лежал изогнувшись, и его нога касалась земли, раскачивая гамак назад и вперед. Он не казался особенно молодым, но не был и старым. Ему было, пожалуй, лет тридцать, однако его впалые

щеки и костлявое тело делали его похожим на ребенка-дистрофика. А какие у него были глаза! Голубые, на смуглом лице, они сияли ослепительной силой.

Я неловко топталась посреди комнаты. Было что-то жуткое в неясном свете свечей, играющем нашими тенями на стенах, увешанных паутиной.

Спартанская обстановка — стол, три стула, два табурета, раскладушка создавала в комнате нежилую атмосферу.

— Ты здесь живешь? — спросила я Августина.

— О, нет, — сказал он, приближаясь ко мне, — это мой летний дворец, — довольный своей остротой, он откинул голову назад и захохотал.

Смущенная, я двинулась к ближайшему табурету и вскрикнула, когда что-то большое оцарапало мою лодыжку. Гнусный грязный кот глазел на меня.

— Нет нужды кричать, садясь на стул, — сказал Августин и взял на руки костлявое животное. Стоило хозяину погладить его по голове, как он начал урчать, — он нравится тебе? Ты не хочешь его погладить?

Я категорически замотала головой. Меня страшили не столько блохи и чесоточные голые пятна, рассыпанные по его желтоватой шкуре, как эти пронзительные желто-зеленые щелочки глаз, ни на миг не спускавшие взора с моего лица.

— Если мы хотим отыскать растения, нам лучше выходить, — сказал Леон Чирино, помогая донье Мерседес подняться. Он отцепил старую лампу, висевшую на гвозде за дверью, зажег ее и дал нам сигнал следовать за ним.

Низкая дверь, закрытая занавесом, вела в заднюю часть дома, которая служила кухней и кладовой. Одной стороной комната выходила на небольшой участок земли, усаженный толстыми саженцами деревьев и высоким кустарником. В свете лампы он выглядел как фруктовый сад без фруктов.

Мы протиснулись сквозь брешь в непроходимой стене кустарника и оказались в пустынной унылой местности. Склон холма, покрытый недавно сожженной травой и обуглившимися пеньками, выглядел в лунном свете уродливо и страшно.

Не сказав ни слова, Леон Чирино и Августин исчезли.

— Куда они пропали? — шепнула я донье Мерседес.

— Они впереди нас, — сказала она, неопределенно указывая в темноту.

Тени, оживленные керосиновой лампой в руках доньи Мерседес, зигзагами пронеслись рядом с нами и впереди нас по тропе, ведущей в чащу. Я заметила вдали свет, он слабо мерцал сквозь кусты.словно светлячок, он то появлялся, то исчезал. Подойдя к нему поближе, я услышала монотонное пение, смешанное с резкими звуками жужжащих насекомых и листвы, волнуемой ветром.

Мерседес Перальта погасила лампу. Но перед тем, как исчез последний блик света, я увидела, как взметнулась в воздухе ее юбка, оседая возле осыпавшейся низкой стены, шагах в двенадцати от меня. Огонек сигары осветил ее фигуру. Из макушки ее головы исходило прозрачное мерцающее сияние. Я окликнула ее по имени, но ответа не было.

Очарованная, я смотрела на туманное облако дыма от сигары, которое парило по кругу прямо надо мной. Дым не рассеивался, а оставался сконцентрированным над землей довольно долгое время. Что-то коснулось моей щеки. Автоматически я поднесла руку к лицу и в полном изумлении уставилась на кончики пальцев — они светились. Я испуганно бросилась к стене, где сидела донья Мерседес. Но стоило мне сделать несколько шагов, как меня перехватили Леон Чирино и Августин.

— Куда ты, Музия? — насмешливо спросил Леон Чирино.

— Я хотела помочь донье Мерседес собирать растения.

Мой ответ, казалось, рассмешил их. Они тихо рассмеялись. Леон Чирино погладил меня по голове, а Августин ловко схватил меня за большой палец и сдавил его несколько раз, словно он был резиновой грушей.

— Нам придется терпеливо ожидать здесь, — сказал он, — а сейчас с помощью этого пальца я просто закачиваю в тебя терпение.

— Она взяла меня сюда, чтобы я помогала ей, — настаивала я.

— Все верно, — успокоил он меня, — ты помогаешь ей, но это не относится к ее занятиям, — взяв мою руку, он повел меня к упавшему дереву.

— подожди донью Мерседес здесь.

Серебристо-зеленые и блестящие листья свисали на лоб Мерседес Перальты. Она закрепила фонарь на ветвях, присела на землю и начала сортировать растения, складывая их в отдельные кучи. Корни вербены прописывались при менструальных болях. Корни валерианы, вымоченные в роме, были идеальным средством от неврозов, раздражительности, беспокойства и кошмаров. Корни торко, настоянные в роме, излечивали от анемии и желтой лихорадки. Корни гваритото, в основном мужское средство, предназначались при затруднениях с мочевым пузырем. Розмарит и рута главным образом использовались как дезинфицирующее средство. Листья мальвы надо было прикладывать на кожу при сыпях, а артемизия, сваренная в соке сахарного тростника, успокаивала менструальные боли, убивала паразитов и уменьшала жар. Цебила излечивала астму.

— Все эти растения растут в твоём дворе, — озадаченно сказала я, — почему ты приехала за ними сюда?

— Хочешь, я что-то тебе расскажу, Музия? — вмешался Августин, весело улыбаясь. Он наклонил голову поближе к моей и прошептал: — эти растения выросли на трупах, — он сделал широкий жест рукой, — мы с тобой стоим посреди кладбища.

Я встревожено огляделась. Здесь не было ни надгробных плит, ни холмиков, которые бы указывали места погребения, хотя, впрочем, я не видела их и на других кладбищах.

— Здесь похоронены наши предки, — сказал Августин и перекрестился, — вот в такие ночи, когда полная луна встает над могилами, рисуя белые тени в шаге от деревьев, можно услышать жалкие стоны и дребезг цепей. Это бредут мужчины, неся свои срезанные головы. Они — призраки рабов, которые, зарыв в глубокой яме сокровища своих хозяев, были обезглавлены и погребены на проклятом золоте. Не надо бояться их, — торопливо добавил Августин, — все, что им нужно, это немного рома. Если ты дашь им его, они расскажут тебе, где закопаны сокровища.

Здесь бродят призраки монахов, которые умерли богохульствуя и сейчас жаждут исповедоваться в своих грехах, но нет никого, кто бы услышал их.

Здесь есть призраки пиратов, пришедших в Чуао в поисках золота испанцев, — он тихо хохотнул и доверчиво добавил: — тут есть и одинокие призраки. Они завывают, увидев прохожего. Они самые простенькие из всех. Они не просят многого. Единственное желание этих призраков в том, чтобы кто-то рассказал о них нашему отцу.

Собрав корни в одну руку, Мерседес Перальта медленно подняла свою голову. Ее темные глаза уставились на меня, — у Августина неиссякаемый запас историй, — сказала она, — каждый рассказ он украшает до предела.

Августин встал, вытягивая тело и конечности. Казалось, у него не было костей. Он опустился на колени перед доньей Мерседес и спрятал свою голову в ее коленях.

— Нам лучше уйти, — сказала она, нежно погладив его по голове, — я пришлю к тебе Музию через несколько дней.

— Но я лечу только детей, — пробормотал Августин, рассматривая меня с грустным и виновным видом.

— Она не нуждается в лечении, — засмеялась донья Мерседес, — все, чего она хочет, это посмотреть на тебя и послушать твои истории.

22.

Я вскочила от толчка. Что-то с сильным стуком свалилось на постель у моих ног. Собака, спящая поблизости, вскинула голову, наострила уши, но, не услышав ничего другого, кроме моих проклятий, вновь положила голову на свои передние лапы. Секунду я совершенно не понимала, где нахожусь.

Услышав мягкий, настойчивый шепот доньи Мерседес, я вспомнила, что нахожусь в доме брата Леона Чирино, в маленьком городе в часе езды от Курмины. Я прилегла на раскладушке, а они собрались на кухне. Леон Чирино и я с доньей Мерседес приехали сюда в середине ночи. Они хотели провести частный сеанс для его брата.

Закрыв глаза, я села на скомканную подушку и прислушалась к успокаивающим звукам голоса целительницы. Мне казалось, что звуки окутывают меня. Я почти заснула, когда новая серия шума разбудила меня вновь.

Затхлое одеяло, которым я была укрыта, обкрутилось вокруг моей шеи. Я приподнялась, чтобы поправить его, и вскрикнула, увидев кота Августина, который сидел на моих коленях.

— Почему ты всегда визжишь, когда видишь моего любимца? — голос, пришедший из темноты, был наполнен мягкой иронией. Августин, усевшись на край моей постели, скрестил ноги и забрал

своего кота, — я пришел защитить тебя от собаки, — объяснил он. Его блестящие глаза смотрели мне в лицо, — собаки фактически не спят по ночам. Если ты откроешь глаза в темноте, то можешь увидеть, что собака следит за тобой всю ночь. Поэтому их и называют сторожевыми псами, — он засмеялся над своей шуткой.

Я было открыла рот, желая что-то сказать ему. Но ни слова не сорвалось с моих губ. Едва я потянулась к нему, Августин и кот, смутно дрожа перед моими глазами, исчезли, растворясь в воздухе. Наверное они были во дворе, подумала я, и вышла туда же. Но наполненный предрассветными тенями двор был пуст. Я взглянула на свои часы. С момента, когда мы приехали сюда, прошло всего два часа. Я подумала о том, что проспала очень мало, чтобы вставать, и вновь повалилась на раскладушку. Натянув на голову одеяло, я задремала.

Меня разбудили звуки голосов и музыки. Воздух был наполнен ароматом кофе. Леон Чирино, склонясь над керосиновой плитой, процеживал кофе через фланелевое ситечко.

— Ну как, хорошо выспалась? — спросил он, приглашая меня сесть рядом.

Я уселась за большой квадратный стол, покрытый совершенно новой клеенкой.

Он налил две чашки кофе и добавил в каждую по целой порции тростникового ликера.

— Это для силы, — сказал он, двигая ко мне дымящуюся чашку.

Боясь опьянеть, я сделала несколько неуверенных глотков. Чашечка была раскрашена розами, по краю шел золотой ободок.

Он снова налил в чашку кофе и ликер.

— Донья Мерседес говорит, что ты ясновидящий, — сказала я, — ты можешь рассказать, что меня ждет в будущем? — я надеялась, что своим резким вопросом могу добиться откровенного ответа.

— Милая моя, — сказал он с той очаровательной выдержкой, какую старые люди демонстрируют в обращении с кем-то моложе себя, — я старый приятель доньи Мерседес. Я живу ее призраками и ее воспоминаниями. Я разделяю ее одиночество, — он сплюнул сквозь зубы, вытащил две сигареты из пачки на столе и положил одну за ухо, — ты лучше сходи и повидайся с Августином, — посоветовал он, — августин всегда начинает работать с рассветом. Пойдем, я покажу тебе дорогу в город.

— Ты просто уходишь от вопроса, — сказала я, не обращая внимания на его нетерпеливые попытки выпроводить меня из дома.

Смешное и смущенное выражение появилось на его лице, — я не могу рассказать, что ждет тебя в будущем, — заявил он, — ясновидящие лишь мельком видят вещи, которых они совершенно не понимают, а затем они придумывают остальное.

Он взял мою руку и фактически вытащил меня наружу, — я покажу тебе дорогу к дому Августина, — повторил он несколько раз, — если ты пойдешь этим путем, — сказал он, указывая на тропинку, сбегавшую с холма, — ты достигнешь города, а там любой скажет тебе, где живет Августин.

— А как же донья Мерседес? — спросила я.

— Мы встретимся с тобой вечером, — ответил он. Затем, склонившись ко мне, он добавил таинственным шепотом: — донья Мерседес и я уделим целый день на дело моего брата.

Воздух наполнился щебетанием птиц благоуханием зрелых плодов, которые среди темной листвы блестели золотыми слитками. Проторенный путь, сбегавший по склону, вытекал на широкую улицу и вновь сворачивал на холмы, уже на другом конце жаркого, залитого солнцем города.

Женщины, подметавшие цементный тротуар перед своими ярко раскрашенными домами, остановились на секунду и, повернувшись, приветствовали меня, когда я проходила мимо.

— Вы не могли бы сказать, где живет целитель Августин? — спросила я одну из них.

— Конечно, могу, — ответила она, положив подбородок на руки, сложенные на рукоятке метлы. Громким голосом — чтобы слышали любопытные соседки — она направила меня к зеленому домику в конце улицы, — вот этот, с большой антенной на крыше. Ты не ошибешься, — она снизила голос до шепота и конфиденциально заверила меня, что Августин может вылечить что угодно от бессонницы до змеиного укуса. Даже рак и проказа ему нипочем.

Его юные пациенты всегда уходят здоровыми.

Я постучала в парадную дверь дома Августина, но никто не отозвался.

— Заходи, не стесняйся, — крикнула маленькая девочка, выглядывая из окна дома напротив, — августин наверное не слышит. Он в задней части дома.

Последовав ее совету, я шагнула во внутреннее патио и побрела, заглядывая в каждую комнату. Не считая гамаков, две первые комнаты были совершенно пустыми. Следующая служила гостиной. Стены ее были украшены календарями и журнальными вырезками. Перед огромным телевизором выстроился ряд стульев и кушеток.

Дальше была кухня. За ней, через нишу, начиналась следующая комната, где за большим столом сидел Августин. Когда я появилась, он галантно встал и, улыбаясь, почесал свою голову. Другую руку он засунул в глубокий карман поношенных штанов цвета хаки. Его белая рубашка была залатана, а манжеты рукавов обтрепались от старости.

— Это мой рабочий кабинет! — гордо воскликнул он, обводя руками пространство вокруг себя, — я всех встречаю здесь. И ко мне всегда можно.

Мои пациенты приходят через эту дверь. Она приносит им счастье.

Комната, хорошо проветренная и освещенная, имела два окна, которые выходили на холмы. В воздухе стоял запах какого-то дезинфицирующего средства. На стенах высились ряды неокрашенных полок. На них в исключительной последовательности стояли разного размера флаги, бутылки, банки и коробки, наполненные сухими корешками, корой, листьями и цветами.

Ярлыки на них были озаглавлены не только общепринятыми названиями, но и содержали научную латинскую номенклатуру.

У открытого окна располагался стол с резными ножками. На нем аккуратно выстроились бутылочки, чашки, пестики и книги. По краям стояла пара весов. Кровать и огромное распятие, висевшее в углу, зажженные свечи на треугольной подставке, подтверждали то, что я вошла в рабочую комнату целителя, а не какого-нибудь старомодного аптекаря.

Сразу, без всяких разговоров, Августин принес из кухни еще один стул и пригласил меня наблюдать за его работой. Он распахнул боковую дверь, на которую указывал прежде. Там в смежной комнате уже сидели посетители — три женщины и четверо детей.

Время пролетело незаметно. Он начинал лечение пациента с осмотра банки с мочой ребенка, которую приносила мать каждого из них. Побуждая каждую женщину рассказывать о симптомах болезни, Августин начинал "читать воды". Запах, цвет, вид микробов или "спиралек", как он предпочитал их называть, и которых, по его утверждению, он видел невооруженным глазом, все это тщательно взвешивалось перед окончательной постановкой диагноза.

Наиболее распространенными болезнями, которые он мог выявить при "чтении вод", были лихорадка, простуда, расстройство желудка, паразиты, астма, сыпь, аллергия, анемия и даже корь и оспа.

В почтительном молчании каждая женщина ожидала от Августина призыва помощи Христа, после чего он прописывал подходящее лекарство. Знакомый с современной фармакопеей и верящий в нее, Августин в дополнение к собственным отварам прописывал молоко магнезии, антибиотики, аспирин и витамины, которые, однако, пересыпал и переливал в собственную тару. Как и Мерседес Перальта, он не назначал платы за лечение, оставляя это на усмотрение своих клиентов. Они платили столько, сколько могли себе позволить.

Наш поздний обед из цыпленка и жареной свинины нам принесла женщина, живущая по соседству. Но в этот момент в кухню вошел мужчина, неся на руках небольшого подростка. Мальчик шести или семи лет порезал икру ноги, играя на поле с мачете своего отца.

Спокойно и уверенно Августин положил ребенка на койку в своей рабочей комнате и развязал пропитанную кровью повязку. Сначала он промыл глубокий порез соком розмарина, затем перекисью водорода.

Трудно сказать, был ли мальчик загипнотизирован успокаивающими прикосновениями Августина, когда тот массировал встревоженное маленькое личико, или его мягким голосом, когда он читал заклинания. Но через некоторое время малыш уснул. Августин же приступил к наиболее важной части своего лечения. Для остановки кровотечения он приложил к ране припарку из листьев, смоченных в чистом тростниковом ликере. Затем он приготовил пасту, которая, как он утверждал, должна была залечить рану в течение десяти дней, не оставив даже шва.

Возвав к руководству Христа, Августин брызнул несколько капель молочной субстанции на раковину. Медленными ритмичными движениями он начал дробить раковину широким деревянным пестиком. Через полчаса он получил чуть меньше половины чайной ложки зеленоватой, с запахом мускуса, субстанции.

Он осмотрел рану еще раз и, сжав порез пальцами, закрыл его и тщательно наложил сверху пасту. Шепча молитвы, он искусно перебинтовал ногу полосками белой материи. Довольная

улыбка осветила его лицо. Он передал спящего мальчика в руки отца и приказал приводить его каждый день на перевязку.

После обеда, убедившись, что пациентов сегодня больше не будет, Августин предложил мне прогуляться во дворе. Его лекарственные растения росли аккуратными рядами, расположенные в том же порядке, что и банки на столе и полках в его рабочей комнате. В дальнем конце двора у бревенчатого сарая стоял старый керосиновый холодильник.

— Не открывай его! — закричал Августин, крепко сжимая мою руку.

— Как бы я смогла? — обиделась я, — он же на замке. Какие тайны ты хранишь в нем?

— Мои чары, — прошептал он, — ты знаешь, что я практикую колдовство?

— В его голосе сквозила насмешка, но лицо оставалось хмурым, — я специалист по лечению детей и наведению чар на взрослых.

— Ты действительно практикуешь колдовство? — спросила я с недоверием.

— Не будь тупой, Музья, — выругался Августин. Он помолчал секунду, а затем выразительно добавил: — донья Мерседес наверно говорила тебе, что другой стороной целительства является колдовство. Они идут бок о бок, так как одно бесполезно без другого. Я лечу детей. Я околдовываю взрослых, — повторил он, постукивая по крышке холодильника, — я добр к тем, и к другим. Донья Мерседес говорит, что однажды мне придется околдовывать тех, кого я лечил в их юные годы, — он засмеялся, увидев мое испуганное лицо, — я не думаю, что это возможно. Но пусть нас рассудит время.

Мне понравилась его открытость, и я рассказала ему то, о чем думала целый день. О том, что я видела и слышала его этой самой ночью.

Августин слушал внимательно, но его взгляд ничего не выражал.

— Я совершенно не могу понять, что произошло, — говорила я, — но это был не сон!

Его нежелание оценить или объяснить мне это вывело меня из себя и я настаивала на ответе.

— Мы с тобой так схожи, что мне захотелось узнать, действительно ли ты медиум, — сказал он, улыбаясь, — сейчас я знаю, что это так.

— Мне кажется, ты смеешься надо мной, — сказала я в еще большем отчаянии.

Брови Августина поднялись в изумлении, — наверно просто ужасно иметь такие длинные ноги.

— Длинные ноги? — пробормотала я в недоумении, разглядывая свои босоножки, — мои ноги идеально соответствуют моему росту.

— Они могли бы быть чуть меньше, — настаивал Августин, прикрыв пальцами свои губы, стараясь сдержать улыбку, — твои ноги чересчур длинны.

Вот почему ты живешь в нескончаемой действительности. Вот почему ты хочешь объяснить все на свете, — в его голосе насмешка сменилась горьким состраданием, — колдовство следует правилам, которые не могут быть продемонстрированы на опыте или повторены. Этим они отличаются от других законов природы. Колдовство — это точное действие убедительной причины, чтобы подняться выше себя или, если хочешь, опуститься ниже себя, — он тихо засмеялся и толкнул меня.

Я споткнулась, и он быстро подхватил меня, удерживая от падения.

— Ну как, сейчас ты убедилась, что твои ноги слишком длинны? — спросил Августин и захохотал.

Мне показалось, то он пытается загипнотизировать меня. Он смотрел на меня не мигая. Я была пленницей его глаз. Словно две капли воды они растекались все шире и шире, заслоняя все вокруг меня. Единственное, что я осознавала, был его голос.

— Колдун выбирает быть отличным от того, чем он был поднят, — продолжал он, — он понимает, что колдовство — это дело всей жизни.

Посредством чар он ткёт узоры, похожие на паутину. Узоры, которые передают вызванные силы к какому-то высочайшему таинству. Дела человека имеют бесконечную по протяженности сеть результатов; он принимает и истолковывает эти результаты магическим образом, — он приблизил ко мне свое лицо еще ближе и произнес почти шепотом: — сила, с которой колдун держит реальность любым способом, который есть в арсенале его искусства.

Но он никогда не забывает, какой была и какой стала реальность, — без лишних слов он повернулся и зашагал в гостиную.

Я быстро последовала за ним. Он прыгнул на диван и сел, скрестив ноги; точно так же он сидел и на моей кровати. Улыбнувшись мне, он похлопал место рядом с собой, — давай посмотрим настоящее колдовство, — сказал он, включая дистанционное управление огромного телевизора.

Я не успела задать ему ни одного вопроса. В следующий момент нас окружила группа хихикающей детворы из соседних домов.

— Каждый вечер они прибегают сюда посмотреть телевизор. Это на час или больше, — объяснил Августин, — позже у нас будет время для разговора.

После первой встречи я стала беспристрастной поклонницей Августина.

Привлеченная не столько его мастерством целителя, сколько таинственной индивидуальностью, я фактически переселилась в тайны пустых комнат его дома. Он сплетал для меня бесконечные истории, включая в них то, что хотела дать мне послушать Мерседес Перальта.

Испуганный слабым стоном, Августин открыл глаза. В луче света, подвешенный на невидимой нити, с облупленного тростникового потолка спускался паук. Он опускался все ниже и ниже, туда, где, свернувшись как кот, лежал Августин. Малыш потянулся к пауку, сдвинул его слабыми пальцами и съел. Вдохнув, он подтянул колени поближе к груди, дрожа от предрассветного холода, который сочился сквозь щели грязных стен.

Августин уже не мог припомнить, сколько дней или недель прошло с тех пор, как мать принесла его в эту ветхую заброшенную хижину, где летучие мыши свисали с потолка, словно незажженные лампочки, а тараканы роились днем и ночью. Он знал только, что он голоден, и что слизняки, пауки и кузнечики никогда не смогут утолить грызущие боли в его вздутом животе.

Августин услышал слабый стон, который исходил из затемненного угла в дальнем конце комнаты. Он увидел призрак своей матери. Она сидела на матрасе, ее рот был слегка приоткрыт. Она томно растирала свой голый живот, оседлав матрас, словно осла. Ее голая тень скользила вверх и вниз по закопченной стене.

Часом раньше он видел свою мать в тот момент, когда она дралась с мужчиной. Он видел как ее голые ноги, словно две черные змеи, тесно оплетая торс мужчины, вздымались при его дыхании. И когда он услышал пронзительный крик и эту гнетущую тишину, остановившую ночь, он знал, что мужчина выиграл битву. Он убил ее.

Усталые глаза Августина закрылись в блаженстве при мысли, что он стал сиротой. Он был в безопасности. Его возьмут в приют. Под шелест призрачных вздохов, хихиканья и шепота матери он задремал еще раз.

Громкий стон расколол утреннюю тишину. Августин открыл глаза и закусил кулак, останавливая вопль. Перед ним на матрасе сидел мужчина, тот самый, из ночного кошмара.

Августин не знал его, но был уверен, что он из Ипаири. Он смутно помнил, что видел его, когда мать разговаривала с ним на площади. Неужели женщина из маленькой деревушки на холмах велела привезти его обратно?

Возможно он убьет его? Этого не может быть. Просто это яркий и ужасный сон.

Мужчина откашлялся и сплюнул на землю. Его голос заполнил комнату, — я заберу тебя сегодня. Но я не могу взять мальчишку. Почему ты не оставила его у протестантов? Ты же знаешь, они принимают детей, и даже если они его не примут, то хотя бы накормят.

Когда Августин услышал резкий ответ матери, он понял, что проснулся окончательно. Он знал, что это уже не призрак.

— Протестанты не берут ребенка, если он не сирота, — сказала его мать, — мне ничего не оставалось делать, как отнести ребенка в эту заброшенную хижину. Я хотела, чтобы он умер.

— Я знаю женщину, которая возьмет его, — прошептал мужчина, — она знает, что с ним делать. Она ведьма.

— Слишком поздно, — отозвалась мать, — я хотела отдать Августина ведьме, когда он только родился. Он был совсем маленьким, и ведьма из Ипаири хотела забрать его себе. Она напоила его зельем и нацепила амулеты на его запястья и шею. Они хранят его от бедствий и болезней. Я знаю, она наложила на него заклятье. Это из-за нее все мои беды, — мать замолчала на мгновение, затем сдавленным шепотом, словно под давлением невидимого врага, добавила: — я в ужасе от ведьм. Если я сейчас останусь одна, она узнает, что я не кормила мальчишку. Она убьет меня.

Слезы покатались по щекам Августина. Он вспомнил дни в Ипаири, когда мать баюкала его на своих руках. Она душила его поцелуями и говорила, что его глаза похожи на кусочки неба. Но

когда женщина из соседней хижины запретила своим детям играть с ним, его мать изменилась. Она больше не ласкала и не целовала его. В конце концов она совершенно перестала с ним разговаривать.

Однажды после обеда соседка принесла в их хижину мертвого ребенка, — голубые глаза на черном лице, — кричала она матери Августина, — это работа дьявола. Это и есть дьявол. Он убил мое дитя дурным глазом. Если ты не избавишься и не изведешь мальчишку, это сделаю я.

Той же ночью мать убежала с ним в холмы. Августин был уверен, что это соседка навела на мать заклятие, так как она ненавидела его.

Громкий голос мужчины оборвал раздумья Августина.

— Тебе нельзя вести его к ведьме. Я сам попрошу ее забрать ребенка сегодня вечером. Потом мы уедем. Я увезу тебя так далеко, что ведьма никогда не отыщет тебя, — пообещал он ей.

Мать долго молчала, а затем, откинув голову назад, захохотала, как сумасшедшая. Она вскочила с матраса и, накинув на тело грязное одеяло, пошла через комнату, обходя сломанный стол и разбросанные ящики.

— Взгляни на него, — прошептала она, указывая подбородком в угол, где лежал Августин, притворяясь спящим, — ему только шесть лет, а он выглядит как злющий старик. У него выпадают волосы. Его тело покрыто отрепьями. Его живот распух от паразитов. Но он выжил. У него нет одежды. Он спал без одеяла. И он даже не простужен, — она обернулась к мужчине, — неужели ты не видишь, что он и в самом деле дьявол? Дьявол найдет меня везде, куда бы я ни уехала, — глаза матери лихорадочно блестели под растрепанными волосами, — мысль о том, что я вскормила дьявола своей грудью, наполняет меня ужасом и трепетом.

Она подошла к нише, где прятала хлеб, который мужчина принес ей прошлой ночью. Мать протянула кусок мужчине и, надкусив другой, опустила с ним на матрас.

Монотонным безнадежным голосом она рассказала о том, как подменили Августина, — одна женщина в госпитале подменила моего ребенка на этого дьявола, — в страстном порыве она повысила голос до крика, — все знали, что у меня должна быть девочка. Мой живот был широк, а не заострен. У меня выпадали волосы, а на коже появились прыщи и пятна. Мои ноги вздулись.

Разве это не доказательство того, что я носила девочку?

Сперва, даже зная, что его подменили, я не могла не любить его. Он был такой умный и красивый. Он никогда не кричал. Он заговорил раньше, чем научился ходить. Он пел как ангел. Я отказывалась верить той женщине из Ипаири, которая обвиняла Августина в дурном глазе. Даже после того, как я родила мертвого ребенка, я не обращала внимания на намеки соседей. Я просто думала, что они необразованны, и хуже всего, что они завидуют прекрасным глазам ребенка. Да и кто когда слышал, что ребенок может иметь дурной глаз? — она соскребла белую мягкую внутренность своего куска и бросила сухую корку через комнату, — но когда при аварии на заводе погиб мой муж, я согласилась с женщиной, — она закрыла лицо руками и добавила: — Августин никогда не болел. Я хотела оставить его в Ипаири на произвол судьбы. Тогда бы его смерть не была на моей совести.

— Давай я поговорю с той женщиной, о которой я тебе рассказывал, — сказал мужчина. Его голос звучал тихо, но убедительно, — я знаю, что она возьмет его.

Потом мужчина долго рассказывал о своей работе в фармацевтической лаборатории. Он работал на складе и был в хороших отношениях с хозяином.

Он был уверен, что ему без труда удастся получить аванс, — и мы вдвоем уедем в Каркас, — шептал матери мужчина. Он поднялся и оделся, — жди меня около лаборатории. Я выйду в пять часов. К тому времени все будет устроено.

Августин подполз к сухой корке, лежавшей на земле. Нетвердой походкой он прошел через комнату и шагнул туда, что когда-то считалось двором. Он направлялся к своему любимому месту, к сучковатой сухой акации, которая нависала над ущельем. Он сел на землю, вытянув ноги. Его голая спина касалась части осыпавшейся низкой стены, которая окружала площадку.

Костлявый, болезненный на вид кот, следовавший за ним всю дорогу из Ипаири, потерся своей грязной шерстью о его бедро. Августин дал ему маленький кусочек корки и подтолкнул кота к ящерицам, снующим сквозь щели глинобитной стены. Он мог бы и не делиться с ним едой. Малыш не в силах был утолить свой неутолимый голод; голод, который наполнял дни и ночи снами о пище. Он задремал со вздохом на губах.

Напуганный порывом ветра, мальчик проснулся. Сухие листья закружились вокруг него. Листва взмыла в воздух и коричневым шуршащим водоворотом опустилась в ущелье. Он слышал журчание ручья внизу. Когда шел дождь, мелкий ручей разрастался в бурный поток, несущий на

волнах деревьев и мертвый скот из горных деревень. Августин поднял голову и оглядел безмолвные холмы вокруг себя. Вдали редкий столб дыма уходил в небо, сливаясь с бегущими облаками. Наверное, там протестантская миссия, подумал он. Или, возможно, дым шел из дома женщины, которая не боялась взять его к себе. Он положил щеку на маленькую костлявую руку. Около его открытого рта кружились мухи. Он сжал пересохшие губы, раскинул ноги и пописал. Как ему хотелось есть! Засыпая, он чувствовал внутри себя отвратительную ноющую боль.

Августин проснулся, когда солнце стояло в зените. Кот был рядом, пожирая крупную ящерицу. Он подполз к животному. Злобно рыча, кот сжимал в своих лапах полу съеденную рептилию. Августин пнул кота в живот, схватил скользкие белые внутренности и проглотил их. Он оглянулся и увидел, как его мать с ужасом наблюдает за ним.

— Святая дева! — всхлипнула она, — он не человек! — она перекрестилась, — и он даже не отравился, — она вновь осенила себя крестом и, сложив молитвенно руки, прошептала: — святой отец! Избавь меня от этого чудовища. Дай ему умереть обычной смертью, чтобы совесть моя больше не мучила меня, — она вбежала в дом, опустилась на матрас и вытащила свое единственное платье. Она прижала его к себе, нежно расправляя складки, затем несколько раз встряхнула его и осторожно разложила на матрасе.

Августин с любопытством наблюдал, как она разводит огонь в кухонной яме.

Чуть слышно напевая, она принесла кофе и куски сахарного батона, который хранила в ящике, прибитом высоко на стене. Ему страшно захотелось съесть хотя бы кусочек этого лакомства. Он попытался встать, но, подкошенный тошнотой, присел на землю. Его вырвало не пережеванными кусками ящерицы. Соленые слезы покатались по впалым щекам. Он пытался зажать рот рукой, но пена и желчь струей рвались из его дрожащих губ. Малыш вытер рот и подбородок. С болезненным стоном он вновь хотел выпрямиться, но повалился на землю.

Шум, идущий из ущелья, поглотил его мягкой вуалью. Когда запах кофе ударил ему в ноздри и он услышал, как мать кричит ему, что сделала для него сладкий кофе, он знал, что уже спит. Его сухие губы скривились в гримасе. Он хотел улыбнуться, услышав ее смех; тот высокий, счастливый смех, который был ему когда-то так хорошо знаком. Ему стало интересно, наденет ли она платье и поедет ли на встречу с мужчиной из лаборатории.

Августин открыл глаза. На земле рядом с ним стояла маленькая жестянка, наполненная кофе. Боясь, что увиденное исчезнет, он схватил банку и прижал ее к своему рту. Не обращая внимания на жгучую боль на губах и языке, он маленькими глотками пил крепкое и очень сладкое варево.

В голове прояснилось, а тошнота утихла.

Августин сонно смотрел на кривые полосы дождя вдали. Черные облака с золотыми краями куда-то неслись в небе. Они пятнали холмы фиолетовой тенью, наполняя небо клубящейся чернотой. Холодный ветер и оглушительный грохот вылетали со дна ущелья. Дождевая вода с далеких холмов рвалась в глубоком ущелье с неслыханной силой. С неба посыпались огромные тяжелые капли.

Августин поднялся и, вглядываясь в небо раскинул руки, приветствуя успокоительную прохладу, омывавшую его голое тело. Ведомый необъяснимым импульсом, он вошел в дом и поднял платье. Вцепившись в него трясущимися руками, он поспешил наружу в дальний конец ущелья и швырнул одежду по ветру. Она взлетела воздушным змеем и опустилась на сухие ветви старой акации, нависшей над крутым склоном.

— Ты дьявол! Ты чудовище! — отчаянно закричала мать. Она бросилась к нему, ее волосы рассыпались по лицу. Словно прикованная к месту диким ревом воды, она остановилась между мальчиком и трепетавшим на ветру платьем. Ее глаза горели ненавистью. Хватаясь за сорняки и обнаженные корни, она яростно тянулась к нависшим ветвям акации.

Августин заворочено следил за ней, встав позади сучковатого ствола.

Ее ноги двигались с безошибочной легкостью по крутому скользкому склону.

Она достанет платье во что бы то ни стало, подумал он. Его затрясло от гнева и страха. Ей оставалось всего несколько дюймов. Она вытянула руку и коснулась одежды кончиками пальцев, но, потеряв равновесие, сорвалась в бездну.

Ее ужасный вопль смешался с шумом ревущей воды и его унесло ветром.

Августин подошел к обрыву. Его глаза блеснули бездонной глубиной, когда он увидел тело матери, беспомощно кружащееся в густой коричневой воде. Буря утихла. Дождь окончился, ветер стих. Бурные воды в ущелье возвращались к обычному журчанию.

Августин прошел в дом, лег на матрас и накрылся тонким грязным одеялом. Он почувствовал грубый мех кота, который искал тепла его тела. Он натянул одеяло до глаз и провалился в глубокий сон без сновидений.

Когда мальчик проснулся, была ночь. Через открытую дверь виднелась луна, застрявшая в бесплодных ветвях акации, — сейчас мы уйдем, — шепнул он, погладив кота. Августин чувствовал себя сильным и крепким. Это будет легкой прогулкой по холмам, убеждал он себя. Мальчик был уверен, что вместе с котом они найдут или миссию протестантов или дом женщины, которая не боялась взять его к себе.

23.

Мерседес Перальта торопливо вошла в мою комнату, села на кровать и поерзала немного, устраиваясь поудобнее.

Выкладывай вещи обратно, — сказала она, — к Августину ты больше не поедешь. Он отправился в свою ежегодную поездку по отдаленным местечкам страны.

В ее словах была такая уверенность, словно она только что говорила с ним по телефону. Но я знала, что телефона поблизости не было. В комнату заглянула Канделярия, держа поднос с моим любимым лакомством: желе из гуавы и несколько ломтиков белого сыра.

— Я знаю, это совсем не то, что твое духовное общение с Августином перед телевизором, — заметила она, — но я постараюсь сделать для тебя все, что можно, — она поставила поднос на ночной столик и села на кровать напротив доньи Мерседес.

Донья Мерседес засмеялась и посоветовала мне приступить к трапезе.

Она сказала, что Августина знают во всех далеких и заброшенных поселках, и он навещал их каждый год. Довольно долго она говорила о его даре лечить детей.

— Когда он вернется назад? — спросила я. Мысль, что я никогда не увижу его вновь, наполняла меня неопишуемой грустью.

— Это невозможно знать, — ответила донья Мерседес, — месяцев через шесть, а возможно и больше. Он поступает так, потому что чувствует, что должен оплатить огромный долг.

— Кому он должен?

Она взглянула на Канделярию, затем они посмотрели на меня, словно я должна была все знать.

— Ведьмы понимают долги такого рода в более своеобразной манере, — наконец сказала донья Мерседес, — целители обращают свои молитвы к святым, к святой деве и к господу нашему Иисусу Христу. Ведьмы обращают молитвы к силе; они завлекают ее своими заклинаниями, — она встала с кровати и прошла по комнате. Тихо, словно говоря это самой себе, она продолжала рассказывать о том, что хотя Августин молился святым, он был обязан более высшему порядку, который не был человеческим.

Донья Мерседес помолчала несколько секунд, затем быстро взглянула на меня.

— Августин знал об этом высшем порядке всю свою жизнь, даже когда был ребенком, — продолжала она, — он говорил тебе когда-нибудь, что тот мужчина, который хотел забрать его мать, нашел его темной ночью, в дождь, уже полумертвым и принес его ко мне?

Не ожидая от меня ответа, она быстро добавила: — быть в гармонии с высшим порядком всегда было секретом удач Августина. Он воплощал это через целительство и колдовство.

Она вновь сделала паузу, разглядывая потолок, — это высший порядок вручил дар Августину и Канделярии, — продолжала она, опуская взгляд на меня, — он помог им в момент рождения. Канделярия оплатила часть своего долга, став моей служанкой. Она наилучшая служанка.

Донья Мерседес подошла к двери, но прежде чем выйти, повернулась ко мне и Канделярии. Ослепительная улыбка сияла на ее лице, — я думаю, что в какой-то мере ты задолжала еще большую долю, — сказала она, — так что всеми средствами старайся оплатить долг, который ты имеешь.

Долгое время никто из нас не сказал ни слова. Две женщины вопросительно смотрели на меня. Мне пришло в голову, что они ждали той минуты, когда я создам очевидную связь — очевидную им. Просто Канделярия родилась ведьмой, а Августин — магом.

Донья Мерседес и Канделярия слушали меня с сияющими улыбками.

— Августин сумел создать свои собственные звенья, — объяснила донья Мерседес, — у него есть прямая связь с высшим порядком, который является и колесом случая и тенью ведьмы. Чем бы он ни был, он заставляет вращаться это колесо.

Часть седьмая.

24.

Я и Канделария сидели за кухонным столом. Над нами светила тусклая лампочка. Канделария изучала глянцевые картинки журнала, который я принесла для нее. Я прослушивала свои записи.

— Тебе не кажется, что кто-то стучит в переднюю дверь? — спросила я, снимая наушники.

Совершенно не замечая моих слов, она показала мне картинку с белокурой манекенщицей, — я не могу решить, какая девушка нравится мне больше, — размышляла она, — если я вырежу это, я испорчу вторую на другой странице. Там брюнетка гуляет по улице с тигром на поводке.

— Я выбрала бы ту, что с тигром, — продолжала я, — в журнале полным-полно блондинок, — я коснулась ее руки, — слушай, кто-то стоит у дверей.

Это на секунду оторвало Канделарию от журнала, и в следующий момент она поняла, что действительно кто-то стучит в дверь, — кто бы это мог быть так поздно? — безразлично шепнула она, вновь переводя свой взгляд на глянцевые страницы.

— Может быть, это пациент, — я взглянула на свои часы. Уже было около полуночи.

— Ну нет, моя радость, — спокойно сказала Канделария, смерив меня взглядом исподлобья, — никто не приходит в такой час. Люди знают, что донья Мерседес никого не лечит так поздно без крайней необходимости.

Я хотела сказать, что, возможно, это и был тот крайний случай, но стук раздался снова, на этот раз более настойчивый.

Я заспешила в переднюю. Проходя мимо комнаты целительницы, я секунду колебалась, размышляя над тем, надо ли дать знать Мерседес Перальте, что кто-то ждет у двери.

Уже третий день она не выходила из этой комнаты. День и ночь она жгла свечи на алтаре, выкуривая сигару за сигарой, и с восторженным выражением на лице читала непонятные заклинания до тех пор, пока стены не начинали вибрировать от звуков. Она полностью игнорировала мои вопросы, но, кажется, приветствовала те небольшие перерывы, когда я приносила ей еду и настаивала на том, чтобы она отдохнула.

Новый стук заставил меня поспешить к парадной двери, которую Канделария всегда запирала с наступлением темноты. Это было совершенно излишне, так как тот, кто захотел бы войти в дом, мог пройти через открытую кухню.

— Кто там? — спросила я, открывая железную задвижку.

— Генте де паз (мирные люди), — ответил мужской голос.

Удивленная тем, что кто-то в ответ произнес искаженную слабым акцентом устаревшую формулу приветствия времен испанских завоевателей, я автоматически ответила в требуемой манере: — храни нас Дева Мария, — и открыла дверь.

Высокий седой мужчина, прислонясь к стене, смотрел на меня так озадаченно, что я даже рассмеялась.

— Это дом Мерседес Перальты? — спросил он неуверенным голосом. Я кивнула, изучая его лицо. Оно было не таким морщинистым, скорее его опустошило какое-то горе или боль. Его водянистые голубые глаза окружали черные пятна возраста и усталости.

— Мерседес Перальта дома? — спросил он, заглядывая мимо меня в затемненную переднюю.

— Она здесь, — ответила я, — но она не принимает людей так поздно.

— Я долго кружил по городу, размышляя идти сюда или нет, — сказал он.

— мне нужно видеть ее. Я ее старый друг и старый недруг.

Вздвогнув от боли и отчаяния, которыми был наполнен его голос, я попросила зайти его в дом, — она в своей рабочей комнате, — сказала я, — сейчас я зайду предупредить ее о вашем приходе, — я шагнула вперед и ободряюще улыбнулась ему, — как ваше имя?

— Не говори ей обо мне, — попросил мужчина, схватив мою руку, — дай я пойду сам. Я знаю дорогу, — хромя, он тяжело пересек патио и коридор.

Секунду постояв перед занавесом комнаты доньи Мерседес, он поднялся по двум ступеням и вошел внутрь.

Я шла за ним, готовясь взять на себя вину за бесцеремонное вторжение.

На секунду я подумала, что она уже в постели. Но как только мои глаза привыкли к дымной темноте, я увидела ее в дальнем конце комнаты. Она сидела на стуле, едва различимая в свете одинокой свечи, зажженной на алтаре.

— Федерико Мюллер! — задыхнулась она, рассматривая его в полной панике. Она несколько раз провела рукой по глазам, не веря себе, — не может быть. Все эти годы я думала, что ты умер.

Он неловко опустился на колени и, положив голову на ее колени, зарыдал, словно ребенок, — помоги мне, помоги мне, — повторял он сквозь плач.

Я заторопилась к выходу, но резко остановилась, услышав, как Федерико Мюллер упал на пол с громким стуком.

Я хотела позвать Канделярию, но донья Мерседес остановила меня, — как странно! — воскликнула она дрожащим голосом, — все сходится, как в волшебном кроссворде. Это тот человек, которого ты мне напоминала. И ты вернула мне его.

Я хотела сказать ей, что не вижу сходства между собой и этим стариком, но она отправила меня в свою спальню за корзиной с лекарственными травами. Когда я вернулась, Федерико Мюллер все еще лежал на полу. Донья Мерседес пыталась привести его в чувство.

— Позови Канделярию, — приказала она, — я не могу прикасаться к нему сама.

Канделярия, услышав шум, уже стояла в дверях. Она вошла. В ее глазах было недоверие и ужас, — он вернулся, — прошептала она, приближаясь к Федерико Мюллеру. Она перекрестилась и, обернувшись к донье Мерседес, спросила: — что мне надо делать?

— Его душа отделилась от его тела, — ответила она, — я слишком слаба, чтобы вернуть ее назад.

Канделярия быстро перевела инертное тело Федерико Мюллера в сидячее положение. Обняв, она придерживала его сзади. Кости его спины трещали, словно лопались на тысячи кусков.

Она прислонила его к стене, — он очень плох. Я думаю, он вернулся сюда, чтобы умереть, — канделярия вновь перекрестилась и вышла из комнаты.

Федерико Мюллер открыл глаза. Он окинул нас мутным взором, а затем посмотрел на меня в молчаливой просьбе оставить его наедине с доньей Мерседес.

— Музия, — сказала она слабым голосом, остановив меня у выхода, — ты вернула его в мою жизнь, и ты должна остаться с нами.

Я нерешительно уселась на свой табурет. Он начал говорить, ни на чем не останавливаясь конкретно. Его бессвязные реплики продолжались часами.

Мерседес Перальта внимательно слушала его. Что бы он ни говорил, все было важно для нее.

Когда он кончил говорить, потянулись долгие минуты молчания. Донья Мерседес медленно поднялась и зажгла свечу перед богородицей. Она стояла перед алтарем как древняя статуя, ее лицо превратилось в невыразительную маску. Лишь глаза, полные слез, казались живыми. Она прикурила сигару и несколько раз глубоко затянулась, как будто питая какую-то силу в своей груди.

Пламя ярко вспыхнуло. Свеча бросала жуткий свет на ее фигуру, когда она повернулась к Федерико Мюллеру. Тихо нашептывая заклинания, она помассировала сначала его голову, а затем плечи.

— Ты можешь поступить со мной, как захочешь, — сказал он, прижимая ее ладони к своим вискам.

— Иди в гостиную, — сказала донья Мерседес; ее голос перешел на дрожащий шепот, — я дам тебе валериановое зелье. Оно заставит тебя заснуть, — улыбаясь, она гладила его волосы.

Он неуверенно прошел через патио и коридор звук его шагов отдавался слабым эхом по всему дому.

Мерседес Перальта вновь вернулась к алтарю, но не пошла к нему. Она начала падать, и я подскочила к ней, подхватывая ее. Чувствуя неконтролируемую дрожь ее тела, я поняла, каким огромным было ее напряжение и состояние нерешительности. Она часами утешала Федерико Мюллера. Но я видела лишь ее смятение. Она никогда не рассказывала о себе.

— Музия, скажи Канделярии, пусть она готовится, — сказала донья Мерседес, войдя в кухню, где я работала, — ты повезешь нас на джипе.

Я немедленно побежала в комнату Канделярии, уверенная в том, что она еще спит. Ее здесь не было. Дверца гардероба была широко раскрыта, выставляя напоказ перекошенное зеркало и ее платье. Они были расставлены не только по цветам, но и по длине. Узкая постель — каркас из реек и волосяной тюфяк — стояла между двух книжных шкафов, набитых романтическими новеллами и альбомами с вырезанными журнальными картинками. Все было в безукоризненном порядке.

— Я уже готова, — сказала Канделярия позади меня.

Я испуганно оглянулась, — донья Мерседес хочет, чтобы ты.., — она не дала мне окончить фразу и, подтолкнув меня к выходу, сказала: — я обо всем уже позаботилась. Быстрее переодевайся. У нас мало времени.

На обратном пути я заглянула в гостиную. Фредерико Мюллер спокойно спал на диване. Донья Мерседес и Канделярия уже ожидали меня в джипе. На небе не было ни луны, ни звезд, но это была чудесная ночь, мягкая и темная, с прохладным ветром, струящимся с холмов.

Следуя указаниям Канделярии, я подвозила двух женщин к домам людей, которые регулярно посещали спиритические сеансы, а затем ожидала их на улице. Кроме Леона Чирино, я никогда не встречалась ни с кем из них, но знала, кто где живет. Мне показалось, что мои спутницы объявляли дату сеанса. Они почти не задерживались в этих домах.

— А сейчас к дому Леона Чирино, — сказала Канделярия, помогая донье Мерседес сесть на заднее сидение.

Мне показалось, что Канделярия была чем-то рассержена. Она непрерывно болтала о Фредерико Мюллере. Хотя я и умирала от любопытства, я все время теряла нить ее по-видимому бессвязных заявлений. Я была слишком озабочена тем, что разглядывала в зеркале заднего обзора потерянное лицо доньи Мерседес. Она несколько раз собиралась что-то сказать, но вместо этого встряхивала головой и вглядывалась в окно, словно искала помощи и утешения в бархатной ночной темноте. Леон Чирино долго не подходил к двери. Наверно он крепко спал и не слышал нетерпеливых громких ударов Канделярии. Наконец он открыл дверь и вышел, скрестив руки, защищая грудь от холодного влажного бриза, несущего рассвет. В его глазах светилось предчувствие.

— Фредерико Мюллер в моем доме, — сказала донья Мерседес, обрывая его приветствие.

Леон Чирино молча смотрел на нее. Он явно находился в состоянии глубокого потрясения и нерешительности. Его губы задрожали, глаза яростно сверкнули и тут же наполнились слезами обиды.

Он пригласил нас на кухню. Позабывшись о том, чтобы донья Мерседес удобно устроилась в гамаке около печи, он приготовил свежий кофе. Мы сидели в полном молчании.

Подав мне и Канделярии кофе, он усадил донью Мерседес и, встав за ее спиной, начал массировать ей заднюю часть головы. Его руки скользили вниз по шее, по плечам, рукам, оканчивая движение на ступнях ее ног. Звуки мелодичного заклинания наполнили комнату. Они были чистые, как рассвет, пронизанные мирным, беспредельным одиночеством.

— Только ты знаешь, что делать, — сказал он, помогая донье Мерседес подняться, — если хочешь, я поеду с тобой.

Кивнув, она обняла его и поблагодарила за отданную им силу.

Таинственная улыбка изогнула ее губы. Она повернулась к столу и неторопливо выпила свой кофе.

— Сейчас мы увидим моего компадре, — сказала она, взяв меня за руку.

— Ты повезешь нас к дому мочо.

— Это Лукас Нунец? — переспросила я, переводя взгляд с одного на другого. Все трое кивнули, но никто не произнес ни слова. Я вспомнила то, что Канделярия рассказывала мне о крестном отце приемного сына доньи Мерседес. Он обвинял себя в смерти Элио.

Когда солнце появилось над горами, мы достигли небольшого городка на побережье. Воздух был горячим и соленым от моря и мускусным от цветения мимоз. Главная улица города тянулась между яркими колониальными домами, около церкви и площади, и оканчивалась на краю кокосовой плантации. Рядом было море. Его не было видно, но ветер доносил плеск волн, катящихся на берег.

Дом Лукаса Нунеца находился на одной из боковых улочек, которые были скорее широкими тропинками, посыпанными галькой. Донья Мерседес слегка постучала, но, не дождавшись ответа, распахнула дверь и вошла в темную сырую комнату.

Ослепленная ярким светом солнца, я сначала с трудом различала силуэт мужчины, читавшего за деревянным столом в небольшом патио. Он посмотрел на нас с такой отрешенностью, что мне захотелось убежать. Мужчина неуверенно встал и молча обнял донью Мерседес, Леона Чирино и Канделярию. Он был высок и костляв; его седые волосы были подрезаны так коротко, что через них проступала темнота его черепа.

Я почувствовала странную боль, увидев его руки, и поняла, почему его прозвали мочо, искалеченным. У него на каждом пальце не хватало по одной фаланге.

— Фредерико Мюллер находится в моем доме, — тихо сказала донья Мерседес, — музия привела его к моей двери.

Лукас Нунец медленно повернулся ко мне. В узком лице мужчины, в его блестящих глазах была такая сила, что я съежилась.

— Она с ним связана? — строго спросил он, отводя от меня свой жгучий взгляд.

— Музия никогда в жизни не видела Фредерико Мюллера, — заметила донья Мерседес, — но она привела его к моей двери.

Лукас Нунец прислонился к стене, — если он в твоём доме, значит я должен убить его, — произнес он сильным шепотом.

Донья Мерседес и Леон Чирино подхватили его под руки и повели в одну из комнат.

— Кто он, этот Фредерико Мюллер? — спросила я Канделярию, — и что он сделал?

— Ну, Музия, — сказала она нетерпеливо, — я всю дорогу рассказывала тебе о тех ужасных вещах, которые натворил Фредерико Мюллер, — она взглянула на меня в полном недоумении и недоверчиво покачала головой.

Несмотря на мои настойчивые просьбы повторить рассказ, она больше ничего не сказала.

Когда мы вернулись домой, вместо того, чтобы отдохнуть в гамаке, Мерседес Перальта попросила меня и Канделярию зайти к ней в рабочую комнату. Она зажгла на алтаре семь свечей и, встав за складками голубой мантии девы, вытащила револьвер.

Я в ужасе очарованно смотрела на то, как она ласкает оружие. Донья Мерседес улыбнулась мне и вложила револьвер в мои руки, — он не заряжен, — сказала она, — я разрядила его в день твоего приезда. Я знала, что больше не нуждаюсь в нем, хотя и не предполагала, что ты вернешь мне его назад, — она подошла к своему стулу и села, глубоко вздохнув, — этот револьвер хранился у меня почти тридцать лет, — продолжала она, — я хотела убить из него Фредерико Мюллера.

— И ты должна сделать это сейчас! — прошипела Канделярия сквозь стиснутые зубы.

— Я знаю, что делать, — продолжала донья Мерседес, игнорируя ее замечание, — я буду заботиться о Фредерико Мюллере до тех пор, пока он жив.

— Великий боже! — вскричала Канделярия, — ты сошла с ума?

Детский взгляд невинной надежды волной нежности заблестел в глазах доньи Мерседес. Она внимательно оглядела нас и подняла руку, призывая к молчанию, — ты привела Фредерико Мюллера к моей двери, — сказала она мне.

— И сейчас я знаю, что здесь нечего прощать. Нечего понимать. Он вернулся для того, чтобы я осознала это. Вот почему я никогда не буду вспоминать о том, что он сделал. Он умрет, но не сейчас.

25.

В доме было несколько пустых комнат, но Фредерико Мюллер спал в узком алькове за кухней. Туда едва входила раскладушка и ночной столик.

Он категорически отклонил мое предложение съездить с ним в Каркас, чтобы привезти его вещи. Он сказал, что в настоящее время для него нет ничего ценного. И все же он был очень признателен, когда по подсказке доньи Мерседес я купила ему несколько рубашек, пару брюк и туалетные принадлежности.

Так Фредерико Мюллер стал одним из домочадцев. Донья Мерседес баловала его. Она потакала ему во всем. Каждое утро и каждый раз после обеда она лечила его в рабочей комнате. Каждую ночь она давала ему валериановое зелье, смешанное с ромом.

Фредерико Мюллер никогда не покидал дома. Он проводил все время либо в гамаке во дворе, либо в разговорах с доньей Мерседес. Канделярия игнорировала его существование; он поступал так же с ней и со мной.

Однажды Фредерико Мюллер заговорил со мной по-немецки, сначала неуверенно, с трудом подбирая слова. Но вскоре он приобрел полную уверенность в языке и больше никогда не говорил со мной по-испански. Это его изменило до неузнаваемости. Словно все его проблемы, какими бы они ни были, заключались в звучании испанских слов.

Канделярия была сначала слегка удивлена, услышав иностранную речь.

Понемногу она начала задавать ему вопросы и в конце концов поддалась его врожденному обаянию. Он научил ее немецким детским стишкам, которые Канделярия напевала целые дни с безупречным произношением. А он повторял мне снова и снова то, что говорил донье Мерседес в ночь, когда вернулся сюда.

Как и в прошлую ночь, Фредерико Мюллер проснулся от своего крика. Он сел на постель, прижимая спину к стене, пытаясь спастись от этого лица. Но оно приближалось к нему, все ближе и ближе, так что он мог видеть жестокие насмешливые огоньки в глазах мужчины, эти золотые зубы, распяленные в диком хохоте. За ним стояли другие лица людей, которые всегда населяли его кошмары: лица, искаженные болью и ужасом. Они всегда кричали в агонии, умоляя о пощаде. Все, кроме нее. Она никогда не кричала. Она никогда не прерывала свой пристальный взгляд. Он не мог этого выдержать.

Застонав, Фредерико Мюллер надавил на глаза кулаками, как будто этот жест мог защитить его от прошлого. За тридцать лет он был измучен этими кошмарами, воспоминаниями и видениями. Они преследовали его порывами ужасной ясности.

Измученный, он скользнул назад под покрывало. Что-то осязаемое, но невидимое, витало в комнате. Оно мешало ему заснуть. Он отбросил одеяло в сторону и неохотно включил свет, затем, хромя, прошел к окну и отдернул занавеску.

Федерико очарованно смотрел на белый предрассветный туман, вползавший в комнату. Сделав усилие, он широко раскрыл глаза, успокаивая себя, что это не сон. И как это часто случалось, она материализовалась из этой бесформенной дымки и села за его рабочий стол, заваленный чучелами птиц, глазевших на него бесстрастными мертвенно пустыми стекляшками. Он осторожно приблизился к фигуре, но она исчезла словно тень, не оставив следов.

Звон колоколов ближайшей церкви и шаркающие шаги старой женщины, спешившей на утреннюю мессу, эхом отдавались по пустынной улице. Привычные звуки успокоили его. Все было так, как и в другие дни. Он умылся, побрился и приготовил утренний кофе. Почувствовав себя заметно лучше, он сел за работу. Смутное беспокойство, какой-то неопределенный страх помешал ему закончить чучело совы, которое он обещал клиенту сделать до обеда.

Федерико надел свой лучший костюм и вышел на прогулку.

В этот ранний час город еще хранил атмосферу спокойной ясности. Он медленно захромал вниз по узкой улочке. Район Каркаса, где он жил, избежал бурю модернизации, которая прокатилась по остальной части города.

Кроме случайных приветствий, его ничего не отвлекало. Он чувствовал себя странно защищенным этими старыми улочками с одноэтажными колониальными домами, ожившими от детского смеха и голосов женщин, которые сплетничали у своих дверей.

Сначала люди говорили о нем много глупостей, но он никогда не считал нужным объяснять свое появление в этих местах. Его не интересовало, что соседи думают о нем и в чем подозревают.

Но с годами, как он и рассчитывал, интерес людей к нему иссяк. Теперь они относились к нему, как к чудаковатому старику, который делал чучела птиц и всегда оставался одиноким.

Фредерико Мюллер мельком увидел себя в зеркальной витрине магазина и вновь испугался тому, что выглядит намного старше своих лет. Не осталось и следа от высокого красивого мужчины с белокурыми локонами и нежным загаром. Когда он поселился в этой части Каркаса, ему было только тридцать, но и тогда он уже выглядел на все шестьдесят: постаревший раньше времени, с бесполезной ногой, с седыми волосами, глубокими морщинами и мертвенной бледностью, которая не исчезала даже под палящим солнцем.

Покачав головой, он направился к площади и сел на скамью. Рядом скучало несколько стариков. Зажав руки между колен, каждый из них ворошил свои воспоминания. В их безраздельном одиночестве было что-то страшно беспокоящее. Он встал и зашагал дальше, квартал за кварталом по многолюдным улицам.

Жарко палило солнце. Контур здания потеряли свою предутреннюю четкость, а шум на улицах усилился кружащим голову мерцанием газа над городом. И вновь, как сотню раз прежде, он обнаружил себя на той же автобусной станции. Его глаза выхватили в толпе темное лицо.

— Мерседес, — прошептал он, зная, что это не она. Возможно, услышав его, женщина взглянула ему в глаза. Это был быстрый, но преднамеренный взгляд. Он наполнил его опасением и надеждой. А потом она растворилась в толпе.

— Вы видели здесь темную, высокую женщину? Она только что прошла мимо, — спросил он уличного торговца, стоявшего на автобусной станции.

— Я видел тысячи женщин, — ответил тот, сделав широкий жест рукой, — посмотри, сколько их, — он ухватил за руку Фредерико Мюллера и повернул его слегка влево, — видишь этот автобус? Он набит женщинами. Одни старые, другие темные, третьи высокие. Выбирай, какая тебе нравится. Они сейчас поедут на побережье, — хохотнув, мужчина отошел и, обращаясь то к одному, то к другому, продолжал расхваливать свой товар.

Привлеченный необъяснимой уверенностью, что он найдет эту женщину, Фредерико Мюллер подошел к автобусу и, пройдя между рядами, внимательно осмотрел каждого пассажира. Они тоже молчаливо рассматривали его. На секунду он подумал, что все лица похожи на ее лицо. Надо отдохнуть немного, подумал он и опустился на свободное сиденье в задней части автобуса.

Слабый, отдаленный голос, требующий его билет, вывел старика из дремоты. Слова вибрировали в его голове. Сонливость тяжело давила на брови и он с трудом открыл глаза. Федерико выглянул в окно. Город был далеко позади. Озадаченный и смущенный, он взглянул на контролера, — я не собирался никуда уезжать, — оправдывался он извиняющимся тоном, — я только зашел посмотреть на одного человека, — он помолчал секунду и прошептал самому себе: — на человека, которого я надеялся и боялся найти в этом автобусе.

— Что случилось, то случилось, — с участием заметил мужчина, — плати за полный билет и кати до самой Курмины, — он улыбнулся и хлопнул его по плечу, — там ты сядешь в автобус, который приведет тебя обратно в столицу.

Фредерико Мюллер протянул ему несколько монет, — когда автобус поедет в Каркас? — спросил он.

— Около полуночи, — неопределенно ответил мужчина, — или когда наберется достаточно людей.

Он дал ему сдачу и пошел по проходу, проверяя билеты у остальных пассажиров.

Это судьба, что я залез в этот автобус, сам того не желая, подумал Фредерико Мюллер. Слабая улыбка пробежала по его лицу. Усталые веки закрылись с чувством надежды, спокойно и мягко. Судьба наконец заставила его сдаться своему прошлому. Неизвестное ранее спокойствие наполнило его, когда он вспомнил это прошлое.

Все началось на вечеринке в Каркасе, куда его пригласил генерал высокого ранга из правительства. Во время разговора он в упор предложил ему сотрудничать с тайной полицией. Подумав, что генерал пьян, Федерико не воспринял его слова серьезно. Но неожиданно несколько дней спустя в его дверь постучал армейский офицер.

— Я капитан Сергио Медино, — представился он. В этом небольшом, но сильном мужчине с медной кожей и золотыми зубами было что-то зловещее. Он убедительно рассказал о выгодах предстоящей работы, о щедрой плате и быстром продвижении по службе. Польщенный и заинтригованный Федерико последовал с ним к дому генерала.

Ласково похлопав его по спине, словно старого друга, генерал провел его в свой кабинет, — это дело позволит тебе заработать уважение и благодарность всей страны, — сказал он, — в конце концов это и твоя страна, но все же это не так. И у тебя есть возможность действительно стать одним из нас.

Кивнув, Федерико не мог не согласиться с генералом. Ему было шестнадцать лет, когда его родители эмигрировали в Венесуэлу.

Благоприятная программа правительства позволила им арендовать огромный участок земли, которым они могли впоследствии завладеть. После несчастного случая, при котором родители погибли, Федерико, ни в коей мере не интересуясь земледелием, пошел подмастерьем к немцу-зоологу, специалисту по набивке чучел. Тот научил его всему, что знал.

— Мне непонятно, как вы будете меня использовать, — обратился Федерико к генералу, — я знаю только, как ставить ловушки и набивать птиц.

Генерал громко рассмеялся, — милый мой Федерико, — произнес он, — твой опыт в набивке чучел послужит идеальным прикрытием той работы, которую мы тебе доверим, — он конфиденциально улыбнулся и, наклонясь поближе, добавил: — у нас есть точные сведения о подрывной группе, которая действует в окрестностях Курмины. Мы хотим, чтобы ты разоблачил их, — он весело засмеялся, совсем как ребенок, — мы потерпели неудачу с теми агентами, которые были посланы туда. Но ты, мой дружок, белокурый потрошитель птиц, ни у кого не вызовешь подозрений.

Федерико не дали возможности отказаться от этой работы. Через день в его распоряжение был предоставлен новенький джип, набитый инструментами и химикатами высшего качества, о которых он никогда не смел мечтать.

Федерико всегда был осторожен, посещая холмы. Но однажды утром, увидев в ловушке редкого тукана, он выпрыгнул из гамака, не одев предварительно обувь. Он почувствовал укус между пальцев ноги. Федерико выругался и подумал, что наступил на шип колючки. Но когда небольшое покалывание перешло в резкую боль, которая быстро разошлась по всей ступне м ноге, он понял, что его укусила змея. Змея, которую он не видел и не слышал.

Федерико бросился к джипу и рылся в вещах до тех пор, пока не нашел аптечку. Он перемотал платком икру ноги, искусно разрезал два прокола и выдавил кровь из раны. Но яд уже попал внутрь. Вспышки боли простреливали до ягодицы, а ступню раздуло вдвое. До Каркаса ему не добраться, подумал он, садясь за руль. Он должен найти свой шанс в ближайшем городке.

Медсестра в больничной аптеке на площади спокойно сообщила ему, что сыворотки с противоядием у них нет.

— Что же мне делать? Умирать? — закричал Федерико, его лицо исказилось от гнева и боли.

— Надеюсь, что до этого не дойдет, — спокойно заметила сестра, — по моему, вы уже отбросили возможность возвращения в Каркас, — она помолчала, тщательно обдумывая свои слова, — я знаю местную целительницу.

У нее есть лучшее противоядие, секретное зелье, нейтрализующее яд любой змеи, — она просительно улыбнулась, — вот почему мы почти никогда не храним сыворотки. Почти все пострадавшие предпочитают идти к ней, — она осмотрела раздувшуюся ступню, — я не знаю, что за змея укусила вас, но ничего хуже я еще не видела. Только целительница поможет вам.

Федерико никогда в жизни не обращался к ведьмам, но в этот момент он был готов на все. Ему не хотелось умирать. Его не волновало, кто поможет ему.

Медсестра с помощью двух клиентов из бара напротив подвела Федерико к дому целительницы где-то на окраине города. Его уложили на кровать в прокуренной комнате. В воздухе густо пахло нашатырем.

Услышав чирканье спички, Федерико открыл глаза. Сквозь завесу дыма он увидел высокую женщину, зажигающую свечу на алтаре. В мерцающем свете ее лицо походило на маску, ее кожа на выпиравших скулах, темная и гладкая, блестела как полированное дерево. Глаза, прикрытые тяжелыми веками, не выражали абсолютно ничего. Она взглянула на него.

— Мачагва кусает наверняка, — сказала она, опустив свой взгляд на его стопу, — эта змея дала тебе все, что имела. Тебе повезло, что сестра привела тебя ко мне. От этого яда нет сыворотки, — она подтянула стул поближе к нему и внимательно осмотрела его ногу. Ее длинные пальцы мягко и нежно скользили по коже вокруг раны, — не волнуйся, — шепнула она с абсолютной уверенностью, — ты молод. Ты переживешь и яд, и мое лечение.

Отвернувшись к столу, она достала два больших сосуда, наполненных густой зеленовато-коричневой жидкостью, в которой плавали корни, листья и внутренности змеи. Из одной банки она наполнила металлическую тарелку, из другой до половины налила оловянную кружку.

Целительница прикурила сигару. Глубоко затянувшись, она прикрыла глаза и покачала головой. Внезапно она склонилась над его стопой и выдохнула то, что казалось сгустившимся дымом всей сигары. Она выдохнула это прямо в порез, который он сделал своим ножом. Женщина высосала кровь, затем быстро выплюнула ее и ополоснула рот прозрачной сильно пахнущей жидкостью. Она повторила эту процедуру семь раз.

По-видимому устав, она откинула голову на спинку стула. Чуть позже, зашептав заклинания, она растегнула его рубашку и средним пальцем, обмакнув его в пепел сигары, прочертила прямую линию от основания его горла до половых органов. С удивительной легкостью она перевернула его, стянула рубашку и провела линию вниз по его спине.

— Сейчас я разделю тебя пополам, — сообщила она, — яд не сможет перейти на другую сторону.

— Она вновь очертила линии спереди и сзади, намазав палец свежим пеплом.

Несмотря на боль, Федерико засмеялся, — мне кажется, яд давным-давно разошелся по всему моему телу, — сказал он.

Она обхватила его лицо своими руками, заставив его взглянуть ей в глаза, — музи, если ты не поверишь мне, ты умрешь, — предостерегала она.

Целительница обмыла его ступню в жидкости, которую налила в металлическую тарелку. Сделав это, она взяла оловянную кружку, — выпей это, — приказала она. Тебя вырвет, с тобой все кончено.

Безудержные волны тошноты грозили выдавить скверное зелье.

— Заставь себя проглотить его, — подгоняла она, положив маленькую прямоугольную подушку, наполненную сушеными кукурузными ядрами, на его шею. Она взглянула на него, намочила носовой платок в смеси розовой воды и нашатыря, — вдохни! — приказала она, опустив платок на его нос, — дыши медленно и глубоко.

Секунду он сопротивлялся под удушливым давлением ее руки, но когда она начала массировать ему лицо, он понемногу расслабился, — не подходи близко к беременным женщинам. Они нейтрализуют эффект противоядия, — предупредила она.

Он непонимающе посмотрел на нее и прошептал, что не знает никаких беременных женщин.

По-видимому удовлетворенная его заявлением, Мерседес Перальта повернулась к алтарю, расставила семь свечей вокруг статуи святого Иоанна и зажгла их. В молчании она смотрела на мерцающие языки пламени, затем внезапно рывком откинула голову и прочла странно диссонирующую литанию.

Слова перешли в крик, который то нарастал, то затихал вслед за ее дыханием. Это был нечеловеческий плач. Он заставил вибрировать стены, пламя свечей задрожало. Звук наполнил комнату, дом, все вокруг, словно был предназначен какой-то далекой силе.

Фредерико смутно ощущал движение в другой комнате. Дни и ночи сплетались друг с другом. Он лежал в бреду. Его знобило и бросало в жар.

Когда бы он ни открывал глаза, над ним всегда было лицо целительницы. В темноте красные камни ее сережек сверкали еще одной парой глаз. Тихим мелодичным голосом она отгоняла тени и ужасные призраки его лихорадки.

Или, словно являясь частью его галлюцинаций, она отождествлялась с этими неизвестными силами, приказывая ему бороться с ними.

Позже она обмыла его пропотевшее тело и массировала до тех пор, пока кожа вновь не остыла. Бывали моменты, когда Федерико чувствовал в комнате еще чье-то присутствие. Другие руки, большие и сильные, но такие же нежные, как и у целительницы, покачивали его голову, пока она приказывала ему резким тоном пить тошнотворное зелье, которое подносила к его губам.

Утром она принесла ему завтрак из риса и овощей; за ней шел юноша, держа в руках гитару.

— Я Элио, — представился он. Заиграв на гитаре, Элио начал петь забавную песенку, в которой говорилось о событиях схватки Фредерико с ядом. Элио рассказал ему, что в тот день, когда медсестра из аптеки привела его в дом матери, он ушел на холмы со своим мачете и убил мачагву, которая укусила Фредерико. Если бы змея осталась живой, зелье и заклинания были бы бесполезны.

Однажды утром, заметив, что лиловая опухоль опала, Федерико достал свою выстиранную одежду. Горя желанием проверить силы, он вышел во двор, где нашел целительницу. Она склонилась над тазом с розмариновой водой. Он молча наблюдал, как она свои руки в фиолетовой жидкости.

Улыбаясь, она взглянула на него, — это бережет мои волосы от седины, — объяснила она, проведя несколько раз пальцами по своим кудрям.

Обезумев от наплыва желания, нахлынувшего на него, он подошел к ней.

Ему очень хотелось поцеловать капельки воды, сбегавшие по ее лицу и шее.

Его не волновало, что она, возможно, стара, как и его мать. Для него она была без возраста. О, какой таинственный соблазн!

— Ты вернула мне жизнь, — шептал он, прикасаясь к ее лицу. Его пальцы задержались на ее щеках, ее полных губах, ее теплой гладкой шее, — наверное, ты добавила любовное зелье в тот мерзкий отвар, который я вынужден пить каждый день.

Она взглянула ему прямо в глаза, но ничего не ответила.

Боясь обидеть ее, он зашептал извинения.

Она встряхнула головой, в ее горле заклокотал низкий дребезжащий смех. Он никогда не слышал такого звука. Она захохотала от всей души, словно ничего в мире не имело никакого значения, — ты можешь оставаться здесь, пока силен, — сказала она, взъерошив его белокурые локоны. В ее прикрытых глазах был блеск насмешки, но там была и страсть.

Быстро пролетали месяцы. Целительница приняла его как своего любовника. Но она никогда не позволяла ему оставаться на всю ночь в ее комнате.

— Еще немного, — просил он каждый раз, лаская шелковистую кожу, но желая, чтобы на этот раз она подчинилась его требованиям. Но она выталкивала его в темноту и, смеясь, закрывала за ним дверь, — все будет по-твоему, если мы останемся любовниками три года, — успокаивала она его каждый раз.

Сезон дождей почти подошел к концу, и Федерико возобновил свои поездки на холмы. Элио сопровождал его, сначала для защиты, но вскоре он научился ловить и потрошить птиц. Никогда прежде Федерико не брал никого с собой. Несмотря на разницу в десять лет, они стали лучшими друзьями.

Федерико удивлялся, как легко Элио выдерживает долгие часы молчания, когда они ожидали птиц у ловушки, и тому, с каким наслаждением он бродит по холодным туманным вершинам, где их подстерегали туман и ветер. Ему часто хотелось рассказать Элио о капитане Медино, но он как-то не смел нарушить эту интимную и хрупкую тишину.

Федерико чувствовал смутную вину за эти светлые дни на холмах и тайные ночи с целительницей. Он не только убедил Элио и целительницу, но и сам начал верить в то, что капитан Медино был обычным жителем Каркаса, который продавал набитых им птиц в школы, музеи и антикварные лавки.

— Чем ловить этих проклятых птиц, займись лучше делом, — сказал ему Медино однажды после обеда, когда они зашли выпить пива в местный бар, — больше общайся с пациентами целительницы. Через сплетни можно узнать изумительные вещи. Во всяком случае, ты должен довести до конца эту блестящую уловку.

Федерико каждый раз удивлялся и расстраивался, когда Медино восхищался его ловкой интригой. Капитан и в самом деле верил, что Федерико преднамеренно дал укусить себя змее.

— Только интеллектуалы и образованные люди планируют и замышляют свергнуть диктатуру, — сказал Федерико, — среди них нет ни бедных фермеров, ни рыбаков. Они слишком заняты работой, чтобы замечать, какое у них правительство.

— Музи, тебе не расплатиться с нами такой трепотней, — резко оборвал его Медино, — делай то, что тебе положено делать, — он повертел пустой бокал в руках, затем взглянул на Федерико и добавил шепотом: — недавно из тюрьмы сбежал лидер небольшой, но фанатичной группы революционеров. У нас есть все основания верить в то, что он скрывается где-то здесь, — захохотав, Медино положил свою правую руку на стол, — он оставил в тюрьме по суставу от каждого пальца. Поэтому сейчас его зовут мочо.

После обеда пошел дождь. Шум в неисправном сточном желобе разбудил Федерико. Он пошел в коридор выкурить сигарету и вдруг услышал тихий шепот, приходящий из рабочей комнаты целительницы.

Он знал, что это не она. Утром он отвез ее в соседний городок, где она проводила спиритический сеанс. Федерико на цыпочках пересек коридор.

Среди прочих голосов он отчетливо различил взволнованный голос Элио.

Сперва он не мог уловить смысл их беседы, но когда слова "диктатор", "плотина на холме" и "неофициальный визит диктатора" повторились несколько раз, он понял, что неожиданно наткнулся на заговор против главы военного правительства. Федерико прижался к стене, успокаивая бешеный стук сердца.

Взбежав по двум ступенькам, он решительно шагнул в темную комнату.

— Элио! Это ты? — сказал он, — я услышал голоса и начал волноваться.

В комнате было несколько мужчин. Они мгновенно отпрянули в тень. Но Элио не тревожился. Он взял Федерико за руку и представил его мужчине, который сидел на стуле у алтаря.

— Крестный, это тот Музи, о котором я тебе рассказывал, — сказал Элио, — он друг семьи. Ему можно доверять.

Мужчина медленно встал. В его худощавом лице было что-то святое, широкие скулы выступали под темной кожей, глаза сверкали ледяной свирепостью, — я очень рад знакомству с тобой, — сказал он, — я Лукас Нунец.

Секунду Федерико посмотрел на протянутую руку, затем пожал ее. Первые фаланги каждого пальца отсутствовали.

— Я чувствую, что тебе можно доверять, — сказал он, — элио говорит, что ты можешь помочь нам.

Кивнув, Федерико прикрыл глаза, боясь, что голос и взгляд выдадут его смятение.

Лукас Нуец представил его группе мужчин. Они пожали ему руку и вновь сели полукругом на пол. Слабое мерцание свечей на алтаре едва вырисовывало их лица.

Федерико внимательно слушал точные и спокойные доводы Лукаса, когда он обсуждал прошлую и настоящую политическую ситуацию в Венесуэле.

— Как я могу помочь вам? — спросил Федерико в конце его разъяснений.

Глаза Лукаса стали грустными, его лицо омрачилось от неприятных воспоминаний. Но он улыбнулся и сказал: — если другие согласны, ты мог бы подвозить к нам на холмы взрывчатку.

Все согласились. Федерико чувствовал, что они приняли его полностью из-за того, что знали о его связи с Мерседес Перальтой.

После полуночи беседа понемногу затихла, словно трепет крыльев раненой птицы. Мужчины выглядели бледными и изможденными. Когда они обнимали его, он почувствовал озноб. Не говоря ни слова, они покинули комнату и исчезли в темной лощине холма.

Он был ошеломлен дьявольской иронией этой ситуации. Последние слова Лукаса еще звучали в его ушах, — ты идеальный человек для этого дела.

Никто не заподозрит белокурого потрошителя птиц.

Федерико развернул джип на небольшой поляне у дороги. Мелкий дождь окутал холмы темной дымкой, а полумесяц, просеянный сквозь облака, заливал местность призрачным сиянием.

Он и Элио молча выгрузили ящик, набитый плитками динамита.

— Я отнесу ветошь обратно в хижину, — шепнул Элио. Он ободряюще улыбнулся, — не смотри так тоскливо, Федерико. Мост они заминируют на рассвете.

Федерико взглядом проводил его по тропе, спускавшейся в густую тьму.

Они часто приходили с Элио сюда в поисках диких номарос, своеобразных ароматных плодов, которые пахли лепестками роз. Это было любимое лакомство целительницы.

Федерико сел на упавший ствол и уткнулся лицом в руки. Кроме смутной вины. Иногда он чувствовал желание получить щедрую плату, намного превосходящую стоимость тех редкостных птиц, которых он продавал Медино.

Он отбросил все мысли относительно того, что делал. До сих пор все это казалось ему похожим на невероятные приключения в фильмах и экзотических романах. Но теперь надо было предать людей, которых он знал и любил, которые доверились ему.

Утром он заметил джип Медино, спрятанный в уединенном месте на окраине города, и подъехал к нему. Он рассказал Медино все, и сейчас было слишком поздно сожалеть об этом.

Когда ослепительная вспышка молнии озарила небо, Федерико вскочил на ноги. Гром хлестнул оглушительным ревом, и эхо покатило в глубине ущелья. Дождь превратился в сплошной поток. Все смешалось вокруг него.

— Какой я дурак! — закричал он громко и бросился вниз по тропе.

Федерико знал абсолютно точно, что Медино не исполнит своего обещания и не пощадит ни целительницу, ни ее сына. Он обещал ему это, чтобы вытрясти все, что знал Федерико.

— Элио! — закричал он, но возглас его утонул в шумной очереди пулемета, и испуганный крик тысячи птиц ринулся в черное небо.

За несколько минут, которые понадобились ему, чтобы достичь хижины, в его уме промчалось страшное видение. С потрясающей ясностью он увидел, как его жизнь в одно мгновение фатально изменилась. Почти механически он подошел к безжизненному, разорванному пулями телу Элио. Он даже не заметил, как в хижину вошли Медино и двое солдат.

Медино кричал на одного из них, но его голос был далеким шепотом: — проклятый идиот! Я же кричал тебе — не стреляй! Ты мог всех нас разнести на куски. Здесь же динамит!

— Я услышал, как кто-то бежит в темноте, — оправдывался солдат, — здесь могла быть засада. Я не верю этому Музи!

Медино отвернулся от него и направил свой фонарь в лицо Федерико: — а ты глупее, чем я думал, — прошипел он, — надеялся, что все будет не так?

Поверил мне? — он приказал солдатам сбросить ящик со взрывчаткой в ущелье.

Федерико развернул джип и так яростно затормозил перед домом целительницы, что его бросило вперед, и он ударился головой о ветровое стекло. Секунду все было как в тумане, он непонимающе разглядывал закрытую дверь и закрытые ставни. Федерико пересек двор, там стоял армейский джип.

— Медино! — закричал он и побежал через патио и кухню в рабочую комнату целительницы.

Побежденный и совершенно обессиленный, он упал на землю рядом с целительницей, которая лежала в углу алтаря.

— Она ничего не знает, — закричал он, — она не замешана в этом.

Медино откинул назад свою голову и весело захохотал, его золотые зубы сияли в зареве свечей, зажженных на алтаре: — дутый шпион. Ты бесконечно умнее меня, — сказал он, — но у меня есть опыт. Коварство и подозрительность — это мое пропитание, — он ударил Федерико в пах, — если ты хотел предупредить ее, то почему не приехал сюда первым? Не надо было скульпить над мальчишкой, которого ты убил.

Двое солдат подхватили целительницу под руки и заставили ее встать.

Ее полуприкрытые глаза были в синяках и распухли. Губы и нос кровоточили.

Слабо встрепенувшись, она оглядела комнату. Наконец ее глаза отыскали Федерико.

— Где Элио? — спросила она.

— Скажи ей, Федерико, — захохотал Медино, — расскажи ей, как ты убил его.

Словно яростное животное, собрав последние силы, она толкнула Медино к алтарю, опрокинула одного из солдат и выхватила свое оружие.

Солдат выстрелил первым.

Целительница неподвижно замерла. Ее руки сжали грудь, пытаясь остановить кровь, вытекавшую через лиф ее платья, — я проклинаю тебя до конца твоих дней, Федерико, — ее голос ослабел, слова были почти не слышны. Казалось, что она нашептывала заклинание. Мягко, как тряпичная кукла, она повалилась на землю.

В последнем порыве ясности Федерико принял окончательное решение: до смерти он будет связан с людьми, которых предал. Его мысли неслись, как экспресс. Он должен искупить вину, убив людей, ответственных за все: себя и своего соучастника — Медино.

Федерико выдернул из ножен охотничий нож и воткнул его в сердце Медино. Он надеялся, что его тут же убьют, но солдат прострелил ему только ногу.

Ему связали руки, завязали глаза, засунули в рот кляп и перенесли в машину. Он услышал насмешливый лепет стайки попугаев, пролетевших мимо.

Часом позже машина остановилась. Его привезли в Каркас и поместили в тюремную камеру. Он признался во всем, на что намекали его мучители. Все, что он сказал, не имело для него значения. Его жизнь уже кончилась.

Федерико не знал, как долго он пробыл в тюрьме. В отличие от других заключенных, он не считал ни недель, ни месяцев, ни лет. Все они были одинаковы для него.

Однажды он стал свободным. Это случилось утром во время сильных волнений. На улицах люди кричали, плакали и смеялись. Диктатура была свергнута. Федерико поселился в старой части города и вновь стал набивать птиц. Но больше он не посещал холмы.

26.

— Человеческая природа очень странная, — сказала донья Мерседес, — я знала, что ты приехала, чтобы что-то сделать для меня. Я знала это с самого начала, как только увидела тебя. И все же, когда ты наконец сделала это, я не поверила своим глазам. Ты повернула для меня колесо случая. Я даже скажу, ты заставила Федерико Мюллера вернуться к действительности жизни. Ты привела его ко мне силой своей тени ведьмы.

Она оборвала меня, едва я раскрыла рот, — все эти месяцы, проведенные в моем доме, ты была под моей тенью, — сказала она, — было бы обычным, если бы я дала тебе звено, но никак не наоборот.

Мне захотелось выяснить этот вопрос. Я настаивала на том, что ничего не делала. Но она меня и слушать не хотела. Тогда я выдвинула такую гипотезу: она создала себе звено сама, убедив себя, что это вызвано мной.

— Нет, — сказала она, сморщив нос, — твои рассуждения ложны. Мне очень грустно, что ты ищешь объяснения, которые только истощают нас.

Донья Мерседес встала и обняла меня, — мне жаль тебя, — шепнула она мне в ухо. И вдруг засмеялась так радостно, что грусть ее рассеялась, — нет способа объяснить, как ты это сделала, — сказала она, — я не говорю ни о человеческих соглашениях, ни о смутной природе магии. Я говорю о том, что так же неуловимо, как вечность сама по себе, — она запнулась, подбирая слова,

— все, что я знаю и чувствую, это то, что ты создала для меня звено. Это удивительно! Я пыталась показать тебе, как ведьмы вращают колесо случая, а в это время ты повернула его для меня.

— Я уже сказала тебе, что ты ошибаешься, — я настаивала на этом и верила в это. Ее усердие и пыл смущали меня.

— Не будь такой тупой, Музия, — ответила она с такой досадой, что живо напомнила мне Августина, — нечто помогло тебе создать для меня переход. Ты можешь сказать, и будешь совершенно права, что, используя свою тень ведьмы, ты даже не знала о ней.

Часть восьмая.

27.

Сезон дождей почти прошел, но каждый день после обеда начинался ливень, который обычно сопровождали гром и молнии.

Я проводила это дождливое время суток в комнате доньи Мерседес. Она лежала в гамаке и была совершенно безразлична к моему присутствию. Если я задавала вопрос, она отвечала, если я ничего не говорила, она молчала.

— Никто из пациентов не приходит после дождя, — сказала я, глядя из окна на проливной дождь.

Буря стихала, но улица по-прежнему была затоплена водой. На соседней крыше сидели три канюка (род птицы). Они прыгали с вытянутыми крыльями, взбираясь на высокий конек. Солнце наконец прорвалось, и из домов выбежали полуголые дети. Вспугивая воробьев, они носились друг за другом по грязным лужам.

— Никто не приходит после дождя, — повторила я и повернулась к донье Мерседес. Она молча сидела в гамаке, забросив ногу на ногу, и пристально рассматривала свои ботинки, — я думаю пройтись и навестить Леона Чирино, — сказала я, вставая.

— Я бы не делала этого, — прошептала она, не сводя глаз со своих ног.

Внезапно донья Мерседес взглянула на меня. В ее глазах отражалось глубокое раздумье. Она колебалась, хмурясь и покусывая губы, словно хотела сказать что-то еще. Вместо этого донья Мерседес подхватила меня под руку и повела в свою рабочую комнату.

Едва мы вошли, она начала метаться из одного угла комнаты в другой, осматривая по несколько раз одни и те же места, разгребая и переставляя вещи на столе, алтаре и внутри остекленного буфета, — я не могу найти его, — наконец сказала она.

— Что ты потеряла? Может быть я знаю, где это лежит? — не выдержала я.

Она было открыла рот, но ничего не сказав, отвернулась к алтарю.

Сначала донья Мерседес зажгла свечу, прикурила сигару и раскуривала ее без остановки до тех пор, пока не остался лишь окурок. Ее глаза следили за пеплом, падавшим на металлическую тарелку перед ней. Затем она резко обернулась, взглянула на меня и опустилась на пол. Переставив несколько бутылок под столом, она вытащила оттуда золотое ожерелье, украшенное множеством медалей.

— Что ты.., — я остановилась на полуслове, вспомнив ночь, когда она подбросила ожерелье высоко в небо, — когда ты увидишь медали вновь, ты вернешься в Каркас, — сказала она тогда. Я никак не могла разобраться, была ли это шутка или я просто была очень усталой, когда оказалась свидетельницей их падения. С тех пор я их больше не видела и полностью забыла о медалях.

Мерседес Перальта усмехнулась и встала. Она повесила медали мне на шею и сказала: — чувствуешь, какие они тяжелые? Чистое золото!

— Они и вправду тяжелые! — воскликнула я, поддерживая связку руками.

Гладкие блестящие медали имели буйный оранжевый оттенок, характерный для венесуэльского золота. Они располагались по величине от десятипенсовой монеты до серебряного доллара. Не все медали были церковными. Некоторые изображали индейских вождей времен испанских завоевателей, — для чего они?

— Для постановки диагноза, — сказала донья Мерседес, — для целительства. Они полезны каждому, кто был выбран для них, — громко вздохнув, она села около стола.

С ожерельем на шее я стояла перед ней. Мне хотелось спросить ее, куда положить медали, но чувство полного опустошения лишило меня дара речи. Я смотрела ей в глаза и видела в них беспредельную печаль и грустное раздумье.

— Сейчас ты испытанный медиум, — прошептала она, — но твое время здесь подошло к концу.

На этой неделе она пыталась помочь мне вызвать дух ее предка. Но оказалось, что мои заклинания не имеют больше силы. Мы не смогли заманить духа, хотя я делала это одна каждую ночь уже несколько месяцев.

Донья Мерседес засмеялась тихим, звонким смехом, который прозвучал почему-то зловеще, — дух сообщил нам, что твое время прошло. Ты выполнила то, ради чего пришла сюда. Ты пришла передвинуть для меня колесо случая. Я же повернула его для тебя той ночью, когда увидела тебя на площади. В тот миг мне захотелось, чтобы ты пришла сюда. Не сделай я этого, ты бы никогда не нашла того, кто указал бы тебе на мою дверь. Видишь, я тоже, используя свою тень ведьмы, создала для тебя звено.

Она собрала со стола коробки, свечи, банки и образцы материи, сгребла все это руками и медленно поднялась, — помоги мне, — сказала она, указав подбородком на застекленный буфет.

Аккуратно расставив вещи на полках, я повернулась к алтарю и подровняла статуи святых.

— Часть меня всегда будет с тобой, — тихо произнесла донья Мерседес.

— где бы ты ни была, что бы ты ни делала, мой невидимый дух всегда будет рядом. Судьба соединила нас невидимой нитью и связала навеки.

Мысль о том, что она прощается со мной, вызвала слезы на глазах. Это было откровение. Я считала само собой разумеющимся любить ее беззаботно и легко, как любят стариков. Мне не удалось выразить свои чувства, так как в этот миг в комнату ворвалась старая женщина.

— Донья Мерседес! — закричала она, сцепив свои морщинистые руки на усохшей груди, — помоги Кларе. У нее припадок, и я не смогла привести ее сюда. Она лежит, как мертвая, — женщина говорила очень быстро. Когда она подошла к целительнице, ее голос превратился в крик, — я не знаю, что делать. Доктора уже не вызовешь, а я знаю, что у нее припадок, — она замолчала и перекрестилась. Оглядев комнату, она увидела меня, — я не думала, что у тебя будут пациенты, — прошептала она виновато.

Предложив женщине стул, донья Мерседес успокоила ее, — не волнуйся, Эмилия. Музия не пациент. Она моя помощница, — она отправила меня принести из кухни ее корзину.

Выходя, я услышала, как донья Мерседес спросила Эмилию, навещали ли Клару ее тетушки. Я подошла поближе к портьеру, чтобы услышать ответ женщины.

— Они уехали только этим утром, — сказала она, — они были здесь почти неделю. Они хотят вернуться сюда. И Луизито приезжал. Он хочет забрать Клару в Каркас.

И хотя я не могла оценить, какой информацией обладает донья Мерседес, я знала, что именно она сочтет нужным взять из дома. Я знала, что она отправит Эмилию в аптеку купить флакон лувии де оро (золотого дождя), бутылку лувии де плато (серебряного дождя) и бутылку ла ману подероза (могучей руки). Эти цветочные экстракты, смешанные с водой, служили для омоложения околдованных в их домах. Это задание обычно выполняли сами околдованные.

Долина и плавные склоны южной части города, прежде отведенные под поля сахарного тростника, были очищены для индустриального центра и непривлекательных рядов современных домов. Среди них, как след прошлого, покоились останки гасиенды Эль Ринко — длинное розовое здание и фруктовый сад.

Некоторое время донья Мерседес и я стояли, рассматривая дом и облупившуюся краску на стенах. Двери и ставни были заколочены. Изнутри не доносилось ни звука. Ни один лист не шевелился на деревьях.

Мы прошли парадные ворота. Шум машин на улицах затих, приглушенный высокими стенами и деревьями, которые заслоняли жаркое солнце.

— Ты думаешь, Эмилия уже вернулась? — шепнула я, напуганная этой жуткой тишиной. Причудливые тени ветвей метались по широкой аллее.

Не ответив мне, донья Мерседес вошла в дом. Порыв ветра, пахнув разложением, бросил нам под ноги опавшую листву. Мы прошли по широкому коридору, который примыкал к внутреннему патио, наполненному тенью и прохладой. Вода сочилась из плоской посуды, которая была водружена на поднятые руки пухлого ангела.

Мы свернули за угол и пошли по другому коридору мимо бесконечных комнат. Полуоткрытые двери позволяли мельком видеть бесподобные остатки раскиданной как попало обстановки. Я видела простыни поверх диванов и кресел, свернутые ковры и опрокинутые статуэтки. Покосившиеся зеркала, картины и портреты были прислонены к стенам, словно ожидая того

момента, когда их повесят вновь. Донью Мерседес, по-видимому, совершенно не занимал хаос, царивший в доме, и она только пожалала плечами, когда я начала его обсуждать.

Она уверенно вошла в большую, слабо освещенную спальню, в центре которой стояла широкая, из красного дерева кровать, покрытая тонким, как туман, накомарником. Темные и тяжелые портьеры закрывали окна, на туалетном столике стояло зеркало, аккуратно задержанное темной тканью.

Запах горелого жира, ладана и святой воды заставил меня подумать о церкви.

На полу, кровати, на двух креслах и ночном столике — везде валялись небрежно сваленные книги. Они лежали даже на перевернутом ночном горшке.

Мерседес Перальта включила лампу на ночном столике, — клара, — позвала она тихо, откидывая в сторону сетку накомарника.

Ожидая увидеть ребенка, я стояла, удивленно рассматривая молодую женщину, возможно лет двадцати. Она полулежала, прислонясь к передней спинке кровати, все ее конечности были перекошены, как у тряпичной куклы, которую небрежно бросили на кровать. Красный китайский шелковый халат с вышитыми драконами едва прикрывал ее сладострастную фигуру. Несмотря на растрепанный вид, она была потрясающе красива, с высокими выдающимися скулами, чувственным пухлым ртом и темной кожей, блестящей нежным глянецом.

— Негрита, Кларита, — позвала донья Мерседес, мягко встряхивая ее за плечи.

Молодая женщина резко открыла глаза, словно кто-то силой вытащил ее из кошмара. Она села, ее зрачки были невероятно расширены, слезы потекли по ее щекам, но лицо ничего не выражало.

Откинув книги в сторону, донья Мерседес поставила свою корзинку около кровати, вытащила носовой платок и, побрызгав на него своим любимым средством, приложила его к носу женщины.

Духовная инъекция, как донья Мерседес называла свою смесь, по-видимому, не оказала на женщину влияния, она лишь вяло пошевелилась, — ну почему я не могу умереть в покое? — прошептала она, ее голос был капризным и усталым.

— Не болтай ерунды, Клара, — сказала донья Мерседес, что-то разыскивая в своей корзине, — когда человек собирается умереть, я с радостью помогаю ему подготовиться к его вечному сну. Конечно, есть болезни, ведущие к смерти тела, но твое время еще не пришло, — как только донья Мерседес нашла то, что искала, она встала и кивнула мне подойти поближе, — оставайся с ней. Я скоро вернусь, — тихо шепнула она мне в ухо.

Я с тревогой смотрела, как Мерседес Перальта выходит из комнаты, затем перевела свое внимание на постель и перехватила взгляд женщины, наполненный мертвящей неподвижностью. Она почти не дышала, но кажется сознавала то, что я пристально разглядываю ее. Она медленно приоткрыла веки и лениво мигнула, ослепленная тусклым светом. Клара потянулась к ночному столику, нашарила щетку и спросила: — ты не могла бы заплести мои волосы?

Я кивнула и, улыбаясь, взяла щетку, — на одну или две косички? — спросила я, расчесывая ее длинные вьющиеся волосы и перебирая спутавшиеся прядки. Как у доньи Мерседес, ее волосы пахли розмарином, — ну как тебе эта милая толстая косичка?

Клара не ответила. Застывшим отсутствующим взглядом она пристально разглядывала дальнюю стену комнаты, где в овальных рамах висели фотографии, украшенные пальмовыми листьями, сложенными крест накрест.

С искаженным от боли лицом она повернулась ко мне. Ее конечности забились сильной дрожью. Лицо потемнело, и она ловила воздух ртом, пытаясь подтолкнуть меня к спинке кровати.

Я побежала к двери, но побоялась оставить ее одну и не посмела уйти из комнаты. Несколько раз я кричала, призывая донью Мерседес, но ответа не было. Уверенная, что свежий воздух пойдет Кларе на пользу, я шагнула к окну и отдернула портьеру. Слабый проблеск дневного света еле пробивался снаружи. Его заслоняла листва фруктовых деревьев, которые, переливаясь цветами, гоняли тени по комнате. Но теплый ветер, влетевший в окно, лишь повредил Кларе. Ей становилось все хуже. Тело конвульсивно тряслось.

Дергаясь и задыхаясь, она рухнула на постель.

Испугавшись, что в эпилептическом припадке она может перекусить себе язык, я попыталась засунуть рукоятку щетки для волос между ее лязгающими зубами. Это наполнило ее ужасом. Ее глаза вылезали из орбит. Ногти на руках превратились в фиолетовые пятна. Видно было, как в распухших венах на шее дико пульсировала кровь.

Совершенно не зная, что делать, я вцепилась в золотые медали, которые все еще висели на моей шее, и начала качать их перед ее глазами. У меня не было никаких идей и мыслей; это была чисто автоматическая реакция, — негрита, Кларита, — шепнула я то, что слышала от доньи Мерседес.

В слабом усилии она попыталась поднять руку. Я опустила ей на ладонь ожерелье. Тихо завывая, она прижала медали к груди. Казалось, она втягивает в себя какую-то магическую силу. Вздутые вены на шее опали, дыхание успокоилось. Зрачки уменьшились, и я заметила, что в ее глазах больше не было темноты, в них засиял янтарно-коричневый свет. Слабая улыбка коснулась ее губ, насухо приклеенных к зубам. Закрыв глаза, она отпустила медали и боком скользнула в постель.

Донья Мерседес вошла так тихо, что мне показалось, будто она материализовалась около кровати по вызову теней, кружившихся по комнате. В руках она держала большую алюминиевую кружку, наполненную ужасно пахнущим зельем. В своей руке она крепко сжимала пачку газет. Закусив губы, она жестом приказала мне хранить молчание, затем поставила кружку на ночной столик и опустила газеты на пол. Она подняла с постели золотое ожерелье и повесила его себе на шею.

Зашептав молитву, донья Мерседес зажгла свечу и, покопавшись в своей корзине, вытащила крошечный комочек белого теста, завернутого в листья.

Она скатала тесто в шарик и бросила его в кружку. Шарик мгновенно с шипением растворился. Она помешала зелье пальцем и, попробовав его, поднесла кружку к губам Клары.

— Пей, — приказала она. Молча, со странно бесстрастным выражением, целительница наблюдала, как Клара глотает жидкость.

Едва заметная улыбка появилась на лице молодой женщины. Из ее губ вырвался резкий смех, который перешел в ужасную болтовню. Я не могла разобрать ни одного слова. Секундой позже она улеглась в постель, прерывисто шепча извинения и умоляя о прощении.

Совершенно не затронутая ее вспышкой, донья Мерседес склонилась над Klarой и начала массировать область вокруг ее глаз. Пальцы целительницы описывали круги одинакового диаметра. Она передвигалась к ее вискам, затем мазками, идущими вниз, начала массировать оставшуюся часть лица, словно сдирала липкую маску. Искусно передвинув Klarу на край постели, она расположила ее голову над газетами и давила на спину Клары до тех пор, пока ту не вырвало.

Одобрительно крикнув, донья Мерседес осмотрела темную массу на полу, завернула ее в бумагу и связала узел веревкой, — сейчас мы похороним это месиво где-нибудь снаружи, — сказала она и одним быстрым движением подняла Klarу на ноги. Она ласково отерла ее лицо и поправила пояс на ее халате.

— Музья, — позвала донья Мерседес, обернувшись ко мне, — возьми другую руку Клары.

Поддерживая ее с двух сторон, мы медленно прошли коридор, ведущий во двор, и спустились по широким цементным ступеням вниз по склону, туда, где росли фруктовые деревья. Здесь донья Мерседес похоронила сверток в глубокой яме, которую она заставила меня вырыть. Клара стояла на каменной ступеньке и равнодушно смотрела на нас.

За шесть дней Клара окрепла. Каждый раз после обеда, ровно в шесть часов, я привозила донью Мерседес в гасиенду Эль Ринко. Она лечила Klarу таким же образом. Каждая встреча заканчивалась под деревом, где мы хоронили узел из газет, который с каждым днем становился все меньше и меньше.

На шестой и последний день, несмотря на усилия, Klarу не вырвало. Тем не менее донья Мерседес заставила ее похоронить пустой обвязанный веревкой пакет.

— Сейчас с ней все в порядке? — спросила я по дороге домой, — встреч больше не будет?

— Не совсем. И это ответ на два твоих вопроса, — сказала она, — начиная с завтрашнего дня, ты будешь видеться с Klarой каждый день. Это будет частью ее лечения, — она ласково похлопала меня по руке, — ты будешь беседовать с ней. Это принесет ей много хорошего. И, — добавила она в раздумье, — это также будет полезно для тебя.

С одеждой и обувью в руках Клара вбежала из коридора в ванную. Бросив все на пол, она сняла ночную рубашку и залюбовалась своим отражением в зеркальной стене. Она подошла поближе, рассматривая, на сколько за ночь подросла ее грудь. Довольная улыбка пробежала по ее лицу, когда она склонила голову и распустила волосы. Напевая легкий мотив, Клара пустила горячую и холодную воду в огромную ванну в виде раковины, затем подошла к туалетному столику и тщательно осмотрела все флаконы, расставленные на мраморной поверхности. Не зная, какой из шампуней выбрать, она понемногу отливала в воду из каждого.

На миг она остановилась, рассматривая пузырьки пены. В пириту все было иначе. Воду там брали из реки или из крана у дороги, а затем несли по холму в жестяных канистрах.

Лишь год прошел с тех пор, как она приехала в Эль Ринко, но ей казалось, что она живет в этом длинном старом доме вечно. Ей не хотелось вспоминать свою жизнь в пириту. И воспоминания увядали, словно мимолетные грезы. Ей помнилось только лицо бабушки и звук качалки, скрипящей по грунтовому полу, и тот последний день ее пребывания в лачуге.

— Ты стала совсем взрослой, Клара, — прошептала бабушка. Ее лицо выглядело более старым и уставшим, чем когда-либо прежде. И в этот миг девочка поняла, что этот самый близкий и родной человек скоро умрет.

— Всему свой черед, — сказала бабушка, уловив мысли внучки, — когда тело готово умереть, ничего не остается, как только лечь и закрыть глаза.

Я уже обменяла свою качалку на гроб, осталось сменить эту лачугу на кладбище.

— Но бабушка...

— Молчи, дитя, — прервала ее старая женщина. Она вытащила из кармана носовой платок, развязала узелок в одном углу и отсчитала несколько монет, которые откладывала на черный день, — этого тебе будет достаточно для поездки в Эль Ринко.

Она коснулась пальцами лица девочки и погладила ее длинные волнистые волосы, — никто не знает, кто твой отец, но мать твоя была внебрачным ребенком дона Луиса. Она осталась в Каркасе после твоего рождения. Твоя мать по-прежнему ищет удачи, но удачу не надо искать, — ее голос угас, она сбилась с мысли. Немного погодя старушка добавила: — я уверена, что дон Луис примет тебя как внучку. Он владелец гасиенды Эль Ринко. Он стар и одинок, — она взяла в свои руки ладони девочки, прижала их к своим морщинистым щекам и поцеловала родинку в форме листа на ее правой ладони.

— Покажи это ему.

Свет свечи перед фигуркой Христа расплылся в глазах ребенка. Взгляд девочки вновь скользнул по раскладушке в углу, по корзине, набитой накрахмаленным, не выглаженным бельем, по коляске, в которой она возила свою бабушку. В последний момент ее глаза остановились на старой женщине.

Та сидела в кресле с откинутой головой, ее пустой взгляд был устремлен вдаль, лицо сжимали судороги смерти.

Когда автобус подвез ее прямо к арке в стене, окружавшей Эль Ринко, уже смеркалось. Она прошла по склону, где на террасах ровными рядами росли фруктовые деревья. На полпути девочка резко остановилась и замерла, все ее существо было захвачено видом небольшого дерева, покрытого белым цветением.

— Это яблоня, — раздался голос, — а ты кто? Откуда приехала?

На секунду она подумала, что это дерево говорит с ней, но тут же увидела старика, который стоял рядом с ней, — я упала с этой яблони, — сказала она, протягивая руку для знакомства.

Он, по-видимому, этого не ожидал и удивленно смотрел на ее руку.

Вместо того, чтобы пожать ее, он нежно взял руку девочки в свою, — странно, — прошептал старик, его большой палец погладил родинку в форме листа, — кто ты? — спросил он еще раз.

— Мне кажется, я твоя внучка, — сказала она с надеждой. Он понравился ей с первой же минуты. На вид старик был слаб и хрупок, с серебристо-белыми волосами, которые разительно отличались от его загорелого лица. От носа к уголкам губ сбегали две глубокие бороздки.

Интересно, подумалось ей, отчего они возникли: от волнений и тяжелого труда или от частых улыбок?

— Кто послал тебя ко мне? — спросил старик, его большой палец все еще поглаживал листовидную родинку.

— Моя бабушка. Элиза Гомес из Пириты. Когда-то она ??????????????????

Здесь. А вчера вечером она умерла.

— А как тебя зовут? — спросил он, изучая ее лицо с большими янтарно-коричневыми глазами, тонким носиком, полным ртом и решительным подбородком.

— Она звала меня Ла Негра..., — она запнулась под его пристальным взглядом.

— Ла Негра Клара, — сказал он, — так звали мою бабушку. Она была такая же темненькая, как и ты, — он повел ее вокруг яблони, — это дерево было размером с маленькую веточку петрушки, когда я привез его из путешествия по Европе. Люди смеялись надо мной, говоря, что яблони никогда не будет расти в тропиках. Сейчас она уже старушка. И пусть она высоко не выросла, но все же приносит кое-какие фрукты. Иногда она стоит вся в белом, — он печально посмотрел на нежные лепестки, затем его взгляд перешел на любознательное личико девочки, — это прекрасно, что ты упала с яблони. Так мне подарков еще не дарили.

Голос Эмилии пробудил Клару от мечтаний — Неграааа, — крикнула она, просовывая в щель двери свою голову, — поторопись, детка. Я слышала, как подъезжает машина.

Клара торопливо выскочила из ванны, обтерлась и почти мокрая скользнула в свое любимое платье. Платье было прекрасного желтого цвета с маргаритками, вышитыми вокруг воротничка, рукавов и пояса. Взглянув на себя в зеркало, она радостно хихикнула. Платье делало ее еще темнее, но оно нравилось ей. Она не сомневалась, что кузену Луизито оно тоже понравится. Он проведет в Эль Ринко целое лето. Правда, она никогда не видела его. Прошлом лето он вместе с родителями путешествовал по Европе.

Услышав шум машины, Клара побежала по коридору в гостиную и в открытое окно увидела блестящий черный лимузин. Она с благоговением рассматривала шофера в кожаной куртке и тучную женщину, одетую в белую блузу.

С хмурыми лицами они начали выгружать бесчисленные чемоданы, коробки, корзины и птичьи клетки. Не говоря ни слова, они вносили все в дом, наотрез отказавшись от услуг Эмилии, которая выбежала помочь им. Вскоре они закончили разгрузку, и громкий, неприятный гудок огласил окрестности.

Через минуту вторая машина, такая же большая, черная и блестящая, въезжала во двор.

Сначала появился небольшой толстый мужчина, одетый в бежевую гваяберу, панаму и черные брюки, заправленные в сапоги. Клара узнала в нем Рауля, очень важную персону в правительстве и зятя ее сестры.

— Дон Луис! — закричал Рауль, — я привез твоих дочек. Вот они, три грации! — он низко поклонился, почти коснувшись земли своей шляпой, затем открыл заднюю дверь лимузина и помог выйти трем женщинам: близняшкам Розарио и Марии, и младшей сестре Марии Магдалене, своей жене.

— Луизито, — позвал Рауль, открыв переднюю дверь машины, — помоги мне с этими...

Клара не стала дожидаться конца его фразы и побежала во двор, — луизито! Я тебя ждала, — она остановилась как вкопанная. Девочка растерянно смотрела на маленького мальчика, который опирался на костыли, — я не знала, что ты попал в аварию.

Покраснев, Луизито взглянул в ее темное лицо, — я не был в аварии, — деловито ответил он. Для такого маленького и тщедушного существа, как он, у него был довольно громкий голос, — я болел полиомиелитом, — объяснил он, заметив ее недоумение и добавил: — я калека.

— Калека? — переспросила она, — мне никто не говорил об этом, — его маленькие белые руки и темные локоны, обрамлявшие бледное, утонченное лицо, казались ей чем-то не от мира сего. Он напоминал ей цветение яблони.

Она знала, что ему тринадцать лет, на год больше, чем ей, но выглядел он лет на семь или восемь.

Его губы, загнувшись в уголках, подергивались, словно он догадался о ее мыслях и едва сдерживал смех.

— Ах, Луизито, — она вздохнула с облегчением и поцеловала его в щеку.

— Ты прямо как ангел.

— Кто это? — спросила одна из близняшек, поворачиваясь к Эмилии, — это крошка помогает тебе на кухне? Она твоя родственница?

— Я Клара! — ответила девочка, присев между экономкой и теткой, — ла Негра Клара, ваша племянница!

— Моя кто? — взвизгнула женщина, хватая Клару за руку и встряхивая ее.

— Негрита Кларита, — возбужденно закричал мальчик. Опираясь на один костыль, он подскочил к ней, — разве ты не слышала, тетушка? Она моя кузина! — взяв руку Клары, он оттянул ее подальше от родителей и теток.

— Ну, показывай, где прячется дедушка.

Прежде чем Клара успела объяснить, что дедушка в городе, Луизито свернул на широкую песчаную аллею, ведущую к фруктовому саду за домом. Он передвигал свои костыли так быстро и ловко, что больше походил на обезьяну, чем на калеку.

— Луизито! — крикнула ему вслед Мария дель Розарио, — тебе нужен отдых. Поездка была долгой и утомительной. К тому же такая жара.

— Оставь его в покое, — вмешался Рауль, сопровождая в дом супругу, — свежий воздух пойдет ему на пользу.

— Где дедушка? — спросил Луизито, опускаясь на землю в тени мангового дерева, нависшего над стеной.

— В городе, — отозвалась Клара, пристраиваясь рядом с ним. Она очень радовалась тому, что не поехала в этот день с дедушкой. Обычно они заезжали сначала в парикмахерскую, потом в аптеку, где он покупал новейшие медикаменты, которые, кстати, никогда сам не принимал, потом в бар, где он выпивал стаканчик бренди и играл в домино. Но сегодня она не променяла бы встречу с Луизито ни на что на свете.

— Вот удивится дедуля. Он ждет тебя не раньше вечера, — затараторила Клара, — давай сбежим в город и никому ничего не скажем.

— Я не могу гулять так далеко, — луизито опустил голову и грустно оттолкнул свои костыли.

Клара пососала свою нижнюю губу, — мы все же сделаем это, — заявила она с лютой решимостью, — я покачу тебя в огородной коляске. Я это здорово умею, — она положила руку ему на губы, чтобы он не прерывал ее, — все, что тебе надо сделать — это залезть в коляску и сидеть, — она показала рукой на узкую калитку в стене, — встретимся здесь, — и, не дав ему времени на возражения, она вскочила и побежала к сараю за инструментами.

— Видишь, как все просто, — клара засмеялась и помогла ему устроиться в коляске, — никто не узнает, где мы, — она положила костыли на его колени и покатила его по широкой, недавно проложенной дороге мимо фабрик и незастроенных пустырей.

Тяжело дыша, Клара затянула коляску на крутой холм. Жара раскачивала окрестности в волнах зноя. Мерцающий свет слепил глаза. Ее бабушка весила гораздо больше, но Клара никогда не катала ее так далеко.

— Он всегда ходит в город по этой дороге, — сказала она, вытирая ладонью пыль и пот со своего лица, — держись крепче, Луизито! — крикнула она, толкнув коляску вниз по склону, по траве, зеленой от недавних дождей.

— Ты гений, — кричал мальчик, заливаясь смехом, — это лучшее, что может быть на свете! Ты вернула мне счастье. А счастье — это то, что делает людей здоровыми. Я знаю это, потому что сам калека.

Он взволнованно показал своим костылем в небо, — смотри, Клара. Посмотри на грифов над нами. Они так сильны и так свободны, — он схватил ее руку, — взгляни на них! Взгляни на их раскнутые черные крылья! Как вытянуты их ноги под хвостами. Взгляни на их хищные морды, измазанные кровью. Я могу поспорить с тобой, что они счастливы.

— Здесь поблизости бойня, — объяснила Клара.

— Толкай меня туда, где стая грифов на земле, — просил он, показывая на площадку, где птицы, словно черные тени, сидели у стен бойни.

— Быстрее, Клара! — кричал он, — быстрее!

Грифы поскакали в сторону, затем лениво поднялись в воздух и, низко облетев круг над ними, взмыли в высоту.

Рассматривая его покрасневшее лицо, его глаза, блестящие от возбуждения, Клара знала, что подарила ему счастье. На секунду она отвлеклась и не успела обогнуть большой камень. Луизито упал в заросли высокой травы. Он лежал совершенно неподвижно и выглядел мертвым.

— Луизито, — тревожно окликнула его Клара, встав перед ним на колени.

Он не отвечал. Она осторожно перевернула его. На лбу из ранки сочилась кровь, а щеки были поцарапаны колочками.

Его веки с трепетом открылись. Его глаза, испуганные и озадаченные, смотрели на нее.

— Ты ушибся, — сказала она. Взяв его руку, Клара прижала ее к своему лбу и показала ему его окровавленные пальцы. Но он выглядел таким счастливым и довольным, что девочка просто рассмеялась.

— Давай посмотрим, может быть ты поцарапался где-то еще, — предположила она, — как твоя нога?

Он сел поднял штанину и сказал: — тяги на месте. Когда тяги выворачиваются, мой отец знает, как поправить их.

— Ну а как сама нога? — настаивала она, — все в порядке?

Луизито грустно покачал головой, — она никогда не бывает в порядке, — прошептал он и быстро поправил брюки. Мальчик долго объяснял ей, что такое полиомиелит, — я был у многих докторов, — рассказывал он, — отец возил меня в соединенные штаты и в Европу, но я так и остался калекой, — последние слова он кричал с таким надрывом, что его схватил приступ кашля.

Он робко взглянул на нее, — я пойду с тобой, куда бы ты ни захотела, — сказал он, опустив голову на ее плечо, — клара, а ты правда моя кузина?

— Ты думаешь, что я слишком черненькая, чтобы быть твоей кузиной? — спросила она.

— Нет, — ответил он задумчиво, — ты слишком хорошая, чтобы быть моей кузиной. Ты единственная, кто не смеется надо мной, и в то же время не смотрит на меня с жалостью и презрением, — он вытащил из кармана белый платок, сложил его треугольником, затем скатал и обвязал им лоб, — наверно это лето будет самым лучшим в моей жизни, — в голосе мальчика чувствовалась и радость и грусть, — поехали, кузина, вперед, на поиски нашего дедушки!

Прежде чем открыть дверь столовой, Клара пригласила за уши непокорные прядки волос. После приезда тетюшек из Каркаса дедушка и она больше не завтракали на кухне.

Мария дель Розарио сидела в дальнем конце стола, украшенного цветами в вазах, и нетерпеливо общипывала лепестки. Мария дель Кармен уткнулась в служебник и молча сидела рядом с сестрой. Родители Луизито, прогостив несколько дней в Эль Ринко, уехали в Европу.

— Доброе утро, — пробормотала Клара, занимая свое место у длинного стола рядом с Луизито.

Дон Луис приподнял глаза со своей тарелки и заговорщицки подмигнул ей. Ему хотелось подразнить близняшек, и он продолжал макать булку в кофе, шумно обсасывая ее.

Тетки никогда не ели перед мессой.

Спрятавшись за шоколадницу, Клара украдкой смотрела на неодобрительные лица близняшек. Как они были непохожи на тех юных красивых девочек, чьи портреты висели в гостиной. Их желтые лица, их впалые щуки, темные волосы, связанные на затылке в небольшие пучки, напоминали ей ожесточенных монахинь, которые преподают в школе катехизис.

Самой вредной была Мария дель Розарио. В ее присутствии Клара всегда чувствовала тревогу и беспокойство. У Марии дель Розарио были нервные глаза человека, который долго не спал. Глаза, полные нетерпения и тревоги.

Глаза, которые всегда следили и осуждали. Она выглядела приятной только тогда, когда все шло по ее желанию.

И наоборот, Мария дель Кармен была почти незаметной. Ее глаза, прикрытые тяжелыми веками, сгибались под тяжестью какой-то родовой усталости. Ходила она бесшумно, а говорила так тихо, словно двигала губами по принуждению.

Резкий голос Марии дель Розарио прервал наблюдения Клары, — клара, Луизито не уговорил тебя составить нам компанию на ??????????

?????? В это воскресенье? — обратилась она к девочке в такой манере, словно объявляла приговор.

— Нет. Она не пойдет, — ответил за нее Луизито, — мы собираемся туда вечером, с Эмилией.

Чтобы скрыть улыбку, Клара засунула в рот оладью. Она знала, что Мария дель Розарио настаивать не будет. Клара ненавидела воскресные мессы, а здесь никто не хотел перечить Луизито. Он не слушал никого, кроме дедушки. Стоило его тетушкам хоть в чем-нибудь пойти наперекор его желаниям, он начинал наводить на них ужас. Его неистовство выражалось в безумных ударах костылями по всему, что стояло перед ним, в непристойных жестах и сквернословии. Все это приводило женщин в крайнюю слабость.

— Клара, заканчивай завтрак, — приказала Мария дель Розарио, — служанке надо все убрать, прежде чем мы уйдем. Она тоже пойдет с нами в церковь.

Клара проглотила остатки шоколада и отдала чашку высокой серьезной женщине, которую близняшки привезли с собой из Каркаса. Она была с Канарских островов и вела в доме хозяйство. Эмилию это несколько не огорчало, и ее единственная забота заключалась в том, чтобы готовить пищу для донна Луиса. Он категорически отказывался есть вегетарианские блюда, обожаемые тетушками, — даже собаки не будут есть эту дрянь, — говорил он всякий раз, когда они приступали к трапезе.

Кларе тоже не очень нравились вегетарианские блюда, но она считала верхом элегантности ежедневные поездки Марии дель Розарио на поля португальских фермеров, где она сама собирала растения для еды, причем платила за них вдвое больше, чем Эмилия на субботнем открытом рынке.

Как только Клара услышала в коридоре легкий стук костылей Луизито, она выскочила в окно и побежала на холм к манговому дереву, росшему у стены.

Не заботясь о своем желтом платье, она вытянулась во всю длину на земле и сбросила башмачки. Не находя удобной позы, она поворачивалась и так и этак. Кровь стучала в ее висках, в груди и бедрах. Это наполняло ее странным желанием, которого она не могла понять. Услышав, что Луизито подходит, Клара резко села.

— Почему ты не отзывалась? — спросил он, опускаясь на землю рядом с ней. Он положил костыли и добавил: — они все ушли, кроме дедушки, конечно.

Улыбаясь, она смотрела ему в лицо с нежным восхищением. Луизито выглядел сонным, тихим, милым, и в то же время отважным. Ей хотелось рассказать ему так много вещей, но она не могла выразить их, — поцелуй меня, как это делают в кино, — потребовала она.

— Хорошо, — шепнул он, и это слово было ответом на все ее смятение, на то странное желание, которого она не понимала, — ах, Негрита, — шептал он, зарываясь лицом в ее шею. Она пахла землей и солнцем.

Его губы шептали, но звука не было. С широко открытыми глазами она наблюдала, как он снимает свои брюки. Она не могла оторвать взгляда.

Его лицо разгоралось растущим воодушевлением, его глаза казалось таяли между длинных ресниц. Бережно, чтобы стальные тяги его протеза не причинили ей боль, он лег на нее.

— Мы останемся вместе навсегда, — говорил Луизито, — я скажу родителям, что только в Эль Ринко мое счастье. И они пришлют мне репетитора сюда.

Клара закрыла глаза. Последние три месяца ее любовь к Луизито стала безумной. Каждый день они наслаждались друг другом в тени мангового дерева, — да, — шептала она, — мы всегда будем вместе, — она обняла его и прижала к себе.

Клара не поняла, что услышала первым: приглушенный вздох Луизито или ужасный вопль Марии дель Розарио. Тетушка заходила в крике. Она подбежала поближе и, понизив голос, грозно зашипела: — Луизито, ты опозорил честь нашей семьи. То, что ты сделал, нельзя даже выразить, — ее строгие, неумолимые глаза ни на секунду не отрывались от красного и белого цветения, нависшего над стеной, — и все из-за тебя, Клара, — продолжала она, — твое поведение не удивительно. Я не сомневаюсь, что ты кончишь той же сточной канавой, откуда и вылезла, — она засеменила по ступенькам. На самом верху тетушка остановилась, — мы вернемся в Каркас сегодня же, Луис. И можешь не закатывать своих истерик. Теперь они тебе не помогут.

Все твои жесты противные, вся ругань — это ничто по сравнению с тем, что ты натворил.

Луизито зарыдал. Клара обхватила ладонями его побледневшее лицо и вытерла кончиками пальцев слезы на его ресницах, — мы будем любить друг друга вечно. Мы всегда будем вместе, — сказала она и только тогда позволила ему уйти.

Только сейчас Клара заметила вечерние тени, омрачившие все вокруг нее. Сквозь пелену слез она посмотрела на дерево перед ней. Листья, отпечатанная на звездном небе, сплетала неожиданные непредсказуемые формы.

Быстрый ветер тут же стирал узоры, и все, что запоминалось, было звуком ветра — одинокого плача о прошедшем лете.

— Клара, — позвал дедушка.

Рыдая от угрызений совести и тревоги, она не ответила. Огонек среди фруктовых деревьев больше не шевелился. Уверенность в том, что дедушка будет ожидать ее ответа всю ночь, наполнила ее благодарностью.

Она медленно поднялась, стряхивая листья и сырость со своего платья.

— дедушка, — тихо позвала она, направляясь к огоньку — любви и пониманию — который ожидал ее.

— Взгляни на эту яблоню, — шепнул дон Луис, — я думаю, она снова зацветет следующим летом.

28.

Двумя неделями позже, в воскресный полдень, донья Мерседес сообщила нам, что собирается навестить Эль Ринко.

— Клара снова больна? — встревожено спросила я.

— Нет, — успокоила меня донья Мерседес, поднимаясь с гамака, — я хочу проверить, как она выполняет мои инструкции. Она довольно своенравная пациентка.

Донья Мерседес опустила руки мне на плечи, — сегодня мы с тобой должны помочь Кларе. Мы повернем для нее колесо случая, — она повернулась к платяному шкафу, который закрывал дверь, ведущую на улицу, нашарила ключ, но прежде чем отпереть его, взглянула на меня и

сказала: — собери все свои вещи и отнеси их в джип. Увидев, что ты упаковалась, Клара подумает о твоём отъезде в Каркас. Это натолкнет ее на решение воспользоваться твоей поездкой. В глубине души она знает, что ей будет лучше только в том случае, если она покинет Эль Ринко.

Сначала я была поражена тем, что многие из моих вещей пропали, но затем вспомнила, как отдала большинство из них юным пациентам Августина.

— История Клары для тебя просто счастливая находка, — говорила донья Мерседес, помогая мне укладывать чемодан, — по крайней мере я не ожидала такого. История возникла из ничего, но она очень кстати. Поэтому я поощряла тебя говорить с Klarой и проводить с ней время. Я уверена, что в ее тени ты наконец смогла ощутить движение колеса случая в ее жизни. Она — это человек с врожденным даром, естественным контролем над тенью ведьмы.

Действительно, Клара была очень сильной личностью. Правда, я чувствовала, что эмоциональные конфликты делали ее несколько мрачной; она казалась, по крайней мере мне, всегда озабоченной, обдумывающей что-то невысказанное.

Донья Мерседес согласилась с моей оценкой Клары и добавила, что Klarе просто необходима наша помощь, причем совместная.

— И мы поможем ей, — продолжала она, — клара так сильна, что в данный момент заставляет наши тени работать на себя.

— Что все это значит, донья Мерседес?

— Это значит, что ты и я поможем ей уехать, но не потому, что мы такие уж добрые самаритяне, а потому, что она вынуждает нас делать это.

Что-то внутри принуждало меня не соглашаться с ней или, вернее, привести все в порядок.

— Никто не принуждает меня делать что-либо, — сказала я.

Донья Мерседес насмешливо оглядела меня, затем подняла мой чемодан и положила его на заднее сиденье.

— Ты хочешь сказать, что пальцем не шевельнешь, чтобы помочь ей? — спросила она шепотом.

— Нет. Я этого не говорила. Я просто сказала, что Клара меня не принуждает. Я с радостью сделаю это сама, без ее просьб ко мне.

— Ах, ну это же звено. Клара заставляет нас, не говоря ни слова. Ни ты, ни я не можем остаться бесстрастными. Так или иначе, мы были в ее тени слишком долго.

В зеркале заднего обзора я увидела туманную одинокую фигуру Канделярии. Она махнула мне на прощанье и привязала к антенне джипа связку желтых, голубых и красных лент. Они шумно кружились на ветру.

— Как ты думаешь, может быть, Канделярия хочет поехать с нами в Каркас? — спросила я донью Мерседес.

— Нет, — прошептала она сквозь дремоту, — канделярия ненавидит Каркас: как только она достигает окраин столицы, у нее начинаются головные боли.

Когда я остановилась перед Эль Ринко, донья Мерседес выскочила из машины и бросилась в дом. Я быстро нагнала ее, и мы поспешили, увлекаемые звуками метлы.

Клара убирала патио. Она посмотрела на нас, улыбнулась, но ничего не сказала. Казалось, что она подметает тишину и тени, на земле не было ни одного листочка.

Донья Мерседес зажгла две свечи на каменном парапете фонтана, закрыла глаза и стала ждать, когда Клара кончит уборку.

— Я сделала все так, как ты мне говорила, — сказала Клара, усаживаясь между двух зажженных свечей.

Донья Мерседес, не глядя на нее, начала нюхать воздух, пытаясь распознать какой-то неуловимый аромат, — слушай внимательно, Клара, — резко сказала она, — единственной вещью, которая поможет тебе обрести здоровье, будет твой отъезд из этого дома.

— Почему я должна бросать его? — встревожено спросила Клара, — дедушка оставил этот дом мне. Он хотел, чтобы я оставалась здесь.

Он хотел, чтобы у тебя был дом, — поправила ее донья Мерседес, — но он не хотел, чтобы ты оставалась здесь. Почему ты не вспомнишь того, что он сказал тебе перед смертью?

Донья Мерседес казалась совершенно безразличной к волнениям Клары.

Она зажгла сигару и курила ее медленно, ровными затяжками, массируя в то же время голову и плечи Клары. Она выдувала дым так, словно вырисовывала в воздухе контур молодой женщины.

— Этот дом населен призраками и воспоминаниями, которые не принадлежат тебе, Клара, — продолжала она, — ты только гость в этом доме.

Ты царствовала здесь с момента своего приезда лишь потому, что имела удачу и силу. Они помогли тебе воздействовать на людей, легко общаться с ними.

Но теперь их больше нет. Время твоей удачи прошло. И только призраки остались с тобой. Призраки и тени, которые тебе не принадлежат.

— Что же мне делать? — заплакав спросила Клара.

— Уезжай в Каркас! — воскликнула донья Мерседес, — уезжай и помирись с Луизито.

— Вот оно что! — возмущенно закричала Клара, — как ты смеешь предлагать такое? Это просто неприлично.

— Это слова твоих теток, — донья Мерседес весело посмотрела на нее, откинув голову и расхохоталась, — не будь ослицей, Клара. Если что и неприлично, так это притворяться ханжой. Ну-ка вспомни, чем ты занималась с Луизито, когда тебе было двенадцать?

Клара молчала, собираясь с мыслями, — я не буду торопиться с решением, — она улыбнулась, очертив носком трещину в цементной плите, — пока я не могу оставить все это.

— Если ты не тряпка, то сможешь, — отозвалась донья Мерседес, — отозвалась донья Мерседес, — музика собралась уезжать сегодня. Мы можем отвезти тебя к Луизито.

— А как же Эмилия? — спросила Клара.

— Эмилия будет счастлива с твоими тетушками. Они же хотят вернуться в Эль Ринко. Эти места наполняют их воспоминаниями и забытыми чувствами. Это будет их лучшее время. Тени прошлого затуманят настоящее и развеют их разочарование.

Донья Мерседес замолчала на секунду и, чтобы придать своим словам большую настойчивость, взяла руки Клары в свои.

— Надень свое желтое платье. Желтый цвет идет тебе. Он дает тебе силу. Скорее переодевайся. Не надо больше ничего. Когда ты приехала в Эль Ринко, на тебе было только одно платье: так и уходи, — заметив колебания Клары, она подлила масла в огонь, — это твой последний шанс, девочка. Я уже говорила Музии, что тебе будет лучше только в том случае, если ты будешь любить Луизито так же страстно и бескомпромиссно, как делала это в детстве.

Крупные слезы покатались из глаз Клары, — но я люблю его, — прошептала она, — ты знаешь, что я никого не любила, кроме него.

Донья Мерседес внимательно взглянула на нее, — это правда, — произнесла она и, обернувшись ко мне, добавила: — у нее была дюжина богатых ухажеров. Она получала злобное удовольствие, разочаровывая их всех. Насколько я помню, она всех обставила.

Клара громко расхохоталась. Она обняла донью Мерседес за плечи и поцеловала в щеку, — ты всегда все преувеличиваешь, — ее тон выдавал, в каком она была восторге, — но, несмотря на всех моих поклонников, я никого не любила, кроме Луизито.

Донья Мерседес подхватила ее под руку и повела в комнату, — вырвавшись отсюда, ты сможешь любить Луизито так же, как любила его под облупленными стенами Эль Ринко, — она подтолкнула ее, — иди и одень свое желтое платье. Мы подождем тебя в джипе.

Несмотря на описание Кларой Луизито, я была удивлена, увидев поразительно красивого мужчину, который встретил нас в Каркасе в своих апартаментах. Я знала, что ему около двадцати лет, но выглядел он как подросток. У него были черные курчавые волосы, зеленовато-желтые глаза и гладкая белая кожа. Когда Луизито улыбался, на его щеках появлялись ямочки. Он сильно хромал, но ничего неуклюжего в его движениях не было. Его привлекательность и уверенные манеры не давали ни малейшего повода для жалости.

Луизито не удивился, увидев нас. А когда он угостил нас пышным обедом, я поняла, что донья Мерседес все устроила заранее.

Мы гостили у них допоздна. Это была незабываемая ночь. Я никогда не видела донью Мерседес в таком прекрасном настроении. Ее безупречное умение подражать людям, которых мы прекрасно знали по Курмине, ее бесчисленные смешные истории, ее талант в их драматизации, ее бесстыдное преувеличение превращали анекдоты в незабываемые рассказы.

Незадолго перед полночью, отклонив приглашение Луизито остаться на ночь, Мерседес Перальта встала и обняла Клару и Луизито. Она приблизилась ко мне с распростертыми объятиями.

— Не обнимай меня так. Ты еще не простилась со мной. Я провожу тебя.

— Я рассмеялась и вернула ей объятие.

Я потянулась к зажиганию. Вокруг ключа была намотана цепочка.

Дрожащими пальцами я распутала ее. Это была длинная золотая цепочка с огромной медалью на ней.

— Ты лучше надень ее, — сказала донья Мерседес, взглянув на меня, — это святой Христофор, замечательный покровитель путешественников, — вздох облегчения сорвался с моих губ, когда она села в машину, — так ты будешь лучше защищена. Ведь прежде всего ты путешественница, которая остановилась лишь на миг.

Мы не поехали в Курмину. Донья Мерседес направляла меня, указывая на какие-то улицы. Когда у меня появилось чувство, что мы движемся по кругу, она наконец приказала остановиться перед старым зеленым колониальным домом.

— Кто здесь живет? — спросила я.

— Здесь жили мои предки, — ответила она, — это был их дом. А я только лист этого громадного дерева, — она смотрела на меня так внимательно, словно отпечатывала мое лицо в глубине своих глаз. Склонясь поближе, она шепнула в мое ухо: — ведьма, имея удачу и силу, вращает колесо случая.

Силу можно растить и холить, но удачу нельзя заманить. Ее ничем не завлечь. Удача независима от магии и окружения людей. Она делает свой собственный выбор.

Донья Мерседес пробежала пальцами по моим волосам и добавила: — вот почему она так привлекает ведьм.

Меня наполнило странное предчувствие. Я взглянула на нее вопросительно; но она потянулась к своей корзине и вытащила оттуда красновато-коричневый лист, по форме похожий на бабочку.

— Посмотри на него внимательно, — сказала она, передав мне лист, — души моих предков приказали мне всегда носить с собой сухой лист. Я — этот лист, и мне хочется, чтобы ты забросила его в окно, — она показала на дом перед нами, — когда ты бросишь его, почти заклинание. Я хочу узнать, как сильны твои заклинания.

Желая угодить ей, я осмотрела лист под разными углами, поворачивая его так и этак. Я обшарила взглядом все его внутренности, всю его поверхность, — он действительно красив, — признала я.

— Брось его в окно, — повторила она.

Я перелезла через чугунную решетку, оттолкнула в сторону тяжелую портьеру и, когда заклинания полились из меня, бросила лист внутрь. Вместо того, чтобы упасть на пол, лист взлетел в верхний угол, к потолку. Это был уже не лист, а огромный мотылек. Я спрыгнула в тревоге на землю.

Мерседес Перальты в джипе не было. Уверенная, что она вошла в дом, я тихо постучала в дверь. Она открылась, — донья Мерседес, — прошептала я и шагнула внутрь.

Дом, постройки вокруг патио и темные коридоры напоминали молчаливый темный монастырь. С черной крыши свисали длинные кровельные желоба и металлические кольца болтались в старых, торчащих гнездах.

Я вышла в центр патио, к плакучей иве, окутанной туманом. Крошечные серебряные капли росы на ее листьях, словно прозрачные бусы, беззвучно скользили в фонтан. Порыв ветра встряхнул иву, забросав меня сухими листьями. Охваченная необъяснимым ужасом, я выбежала на улицу.

Усевшись в джип, я решила обождать Мерседес Перальту. Под сиденьем что-то было. Я нашла там пачку с записями, нащупала фотоаппарат и кассеты.

Я озадаченно осмотрелась. Ничего, кроме одежды, в машине должно быть не было. К моему великому удивлению, на заднем сидении я обнаружила пакет.

В нем были мои дневники и ленты. К пакету была приклеена недописанная записка. Я узнала четкий почерк Канделярии. "Прощание ведьмы — как пыль на дороге: оно прилипает, если пытаешься отбросить его прочь."

Эпилог.

Я вернулась в Лос-Анджелес, а потом уехала в Мексику к Флоринде.

Выслушав подробное изложение моих приключений, она подчеркнула необычность и необъяснимость того, что моя жизнь в мире доньи Мерседес началась с ее собственной записки, а окончилась запиской Канделярии.

Высмеивая то, что она называла моей отчаянной доскональностью, Флоринда тем не менее посоветовала мне посмотреть, могу ли я использовать свои многочисленные записи для диссертации.

Работая с материалом, я обнаружила, что, несмотря на факт отсутствия разработанного плана исследований, события в доме доньи Мерседес казались заранее предназначенными для моего знакомства со спиритами, ведьмами, целителями, людьми, с которыми они общались, и с тем, что они делали в контексте своей повседневной деятельности.

Работая с донье Мерседес, изучая ее собственную систему толкования, я искренне верила, что овладела, по крайней мере интеллектуально, способом целителей рассматривать самих себя, других людей, свое знание. Мне казалось, что моего опыта и записей будет вполне достаточно для диссертации.

Но после расшифровки, перевода и анализа лент и дневников я начала сомневаться в своем интеллектуальном мастерстве целителя. Моя попытка подогнать данные под какую-то структуру оказалась тщетной, мои записи пестрели несоответствиями и противоречиями, и моего знания явно не хватало, чтобы заделать эти мощные пробелы.

По этому поводу Флоринда цинично заявила: надо либо изменить данные, подогнав их под свои теории, либо забыть о диссертации вообще.

Флоринда всегда советовала мне глядеть за поверхность вещей. В случае моих приключений с доньей Мерседес она предложила мне выйти за их возможную академическую ценность. Она считала, что мое академическое пристрастие ослепляло меня большим числом важных аспектов. Я долго читала и перечитывала собранные мной истории доньи Мерседес и наконец поняла то, чего хотела Флоринда. Я поняла, что если лишу свой труд качеств академической ценности и значимости, я должна буду остаться с документом о человеческой ценности — человеческой ценности, совершенно инородной нам, но принимаемой как идеал, стоит нам только вывести себя за обычные рамки отношений.

Своими историями донья Мерседес стремилась показать мне, что ведьмы и даже обычные люди, используя удивительные силы, существующие во вселенной, меняют ход событий или ход своей жизни или жизни других людей. Ход событий она называла "колесом случая", и процесс влияния на него — "тенью ведьмы".

Она претендовала на то, что мы можем менять все путем прямого вмешательства в процесс и в то же время даже не зная, что мы, собственно, это делаем.

Для жителей запада — это невысказанное заявление. Когда мы находим, что влияем на ход событий без прямого вмешательства, то есть без прямого вторжения в них, мы думаем о совпадении, как о единственно серьезном объяснении происходящего, мы верим, что прямое вмешательство представляет собой единственный способ изменения всего. Например, человек истории, как науки, влияет на события комплексом социальных решений. Или в более мелких масштабах с помощью своих поступков люди прямо вмешиваются в жизнь других людей.

По контрасту, истории, подобранные доньей Мерседес, позволяли осознать то, с чем мы не были знакомы. Они указывали на непонятную возможность стать более влиятельным в формировании хода событий, отказавшись от прямого посредничества.

В целом Флоринда была удовлетворена результатами моей поездки в Венесуэлу. Она хотела, чтобы я получила из первых рук знание о моих скрытых резервах. Ее идея заключалась в том, что, эффективно работая в неизвестном мне окружении, я должна была научиться приспосабливаться к тем ситуациям, которые стояли за границами того, что я знала, принимала и могла предсказать. Флоринда утверждала, что нет ничего более уместного для пробуждения скрытых резервов, чем конфронтация с социально неизвестным.

Моя жизнь в доме доньи Мерседес, взаимодействие с ее пациентами и друзьями была тем самым социально неизвестным.

Я призналась Флоринде, что ее указания из философии женщины-воина — совершенно непонятные мне тогда — фактически стали основой всех моих действий в то время, пока я оставалась у доньи Мерседес.

— Есть много образцов поведения, когда находишься в нормальном окружении, — отозвалась Флоринда, — но когда ты в одиночестве, опасности и темноте, есть лишь один путь — путь воина.

По словам Флоринды, я открыла ценность пути воина и смысл всех его предпосылок. Сталкиваясь с неизвестными жизненными ситуациями, я обнаружила, что для того, чтобы не потерять состояние свободы, не покориться чувству собственной важности, нужна неукротимая свирепость, неистовость, и что моральный приговор, навязанные взгляды могут быть преодолены всеутешительной скромностью, которая не является рабством.